
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Том 1 (27)

2017

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –

Казанский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилянский Я.И. (СПб., РГПУ им. Герцена)
д.ю.н., доцент Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н. Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, Сибирский Федеральный университет)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор, член-корреспондент АН Республики Татарстан Минниханов Р.Н. (Казань, ГБУ «Безопасность дорожного движения»)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Варыгин А.Н. (Саратов, СГЮА)
д.ю.н., профессор Павличенко Н.В. (Москва, Академия управления МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.ю.н., доцент Андреев М.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., заместитель начальника КЮИ МВД России по учебной работе
д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., профессор кафедры криминалистики
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакционно-издательского отделения
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Шалагин А.Е., начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Выходит с 2010 года ежеквартально

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
29 июня 2012 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (e-library)

Журнал распространяется только по подписке

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Г.А. Гиниятуллина Перевод Е.В. Зотина

© Казанский юридический институт МВД России. Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 20.03.2017 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности	6
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Зайнутдинов Д.Р. Формирование гражданственности антибольшевистскими правительствами в 1918-1920 годы	15
Архипов С.В. Деятельность министерства внутренних дел России по правовому обеспечению и реализации колонизационной политики в XIX веке	20
Ковалева О.А., Лёвина Л.К. Международная защита авторских прав и практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет	25
Кашкина Е.В. Индивидуализация как приоритетный принцип административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы	31
Фаткуллин Ф.Ф., Фазлиев А.А. Коллективные санкции как институционально-правовые меры принуждения в международном праве в отношении международных организаций	36
Лялякин Ю.А. К вопросу о формировании стратегии миграционной безопасности Российской Федерации ..	41
Ямалеева А.Р. Особенности правового регулирования хозяйственной деятельности муниципальных образований в Российской Федерации	44
Алиуллов Р.Р., Мустафина Г.А. О некоторых аспектах организации социально-правовой защиты сотрудников полиции: вопросы теории и правового регулирования	48
Габдрахманов А.Ш., Миролюбов С.Л. Сущность и значение следственного осмотра при расследовании мошенничества в сфере автострахования	53
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Шайдуллина Э.Д. Дознание в сокращенной форме и разумность сроков уголовного судопроизводства	58
Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика	62
Кузнецова Н.И. Некоторые направления уголовной политики России в сфере борьбы с экологическими преступлениями	66
Баранчикова М.В., Мальцева Т.В. Особенности профилактики и обеспечения неотвратимости ответственности в сфере дорожного движения при применении средств автоматической фиксации превышения скорости	70

Хамзяева Ю.Р.	
Несообщение о преступлении: направления совершенствования уголовно-правовой нормы	75
Беляева Е.Р.	
К вопросу о толковании термина «результаты оперативно-розыскной деятельности» применительно к ч.4 ст.303 УК РФ	78
Ивушкина О.В.	
Профилактика краж грузов из подвижного состава на объектах железнодорожного транспорта (по материалам Восточно-Сибирской железной дороги)	82
Шевко Н.Р.	
Проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, в образовательных организациях МВД России	87
Кузнецов К.В.	
Некоторые тенденции формирования и развития организованной этнической преступности в Российской Федерации на современном этапе	90
Карпов В.О.	
Криминологический анализ современного профилирования и его направлений	94
Бельков В.А., Крутер К.А.	
Анализ теоретико-практических проблем расследования преступлений экстремистской направленности: пропаганда экстремизма	98
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Ережипалиев Д.И.	
Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, мерами прокурорского надзора	103
Усманов И.М.	
О законодательных изменениях в институте условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы	108
Хасанов Р.Р.	
О проблемах определения территориальной подследственности по уголовным делам о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	113
Лепихин А.В.	
Понятие банковской деятельности через призму субъектов банковской системы и её значение для установления объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ	116
Зотов А.Ю.	
Процессуальная самостоятельность следователя как его правовое состояние	121
<u>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</u>	
Микерин А.А.	
Политическое наследие Византии в общественной мысли России XIX – нач. XX вв.	125
Шинкевич В.Е., Маслодудова Н.В.	
Смысложизненные ориентации как критерий направленности развития личности, профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел	132
Каримов А.А.	
О готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия	137
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	142

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES</u>	
Komlev Yu.Yu. Integrative criminology as the basis of the methodological triangulation in studying crime	6
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Zainutdinov D.R. Formation of citizenship by the anti-bolshevik governments in the 1918-1920 th	15
Arkhipov S.V. The efforts of the Russian Ministry of Internal Affairs on legal security and realization of colonization policy in the 19 th century	20
Kovaleva O.A., Levina L.K. International copyright protection and practice in the fight against illegal use of intellectual property	25
Kashkina E.V. Individualization as a priority principle of an administrative supervision of the persons released from places of deprivation of liberty	31
Fatkullin F.F., Fazliyev A.A. Collective sanctions in international law as legal and institutional coercive measures to international organizations	36
Lyalyakin Yu. A. On the formation of migration strategy of the security of the Russian Federation	41
Yamaleeva A.R. Characteristics of legal regulation of economic activity of municipalities in the Russian Federation	44
Aliullov R.R., Mustafina G.A. On some aspects of the social and legal protection of the police officers: theory and law regulation	48
Gabdrakhmanov A.Sh., Mirolubov S.L. The core of the investigative inspection while investigating fraud in the field of auto insurance ...	53
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Shaydullina E.D. Inquiry in the reduced form and rationality of terms of criminal trial	58
Shalagin A.E. Criminal victimology: concept, contents and prevention	62
Kuznetcova N.I. Some directions of criminal policy of Russia in the sphere of combating environmental crime	66
Baranchikova M.V., Maltceva T.V. Features prevention and ensuring inevitability of responsibility in the field of road traffic when using auto-fixing of excess of speed	70
Khamzyaeva Yu.R. Not message on a crime: areas for improvement of the penal provisions	75
Belyaeva E.R. On the question of the definition of the concept “the results of the operational and investigative activities” in relation to the p. 4 of Art. 303 of the Criminal code of Russian Federation	78

Ivushkina O.V.	
Prevention of thefts from the rolling stocks on the objects of railway transport (on materials of the East Siberian Railway)	82
Shevko N.R.	
The role of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in training specialists for the disclosure and investigation of crimes committed using modern information technologies	87
Kuznetsov K.V.	
Some trends of the development of the organized ethnic crime in the Russian Federation at the present time	90
Karpov V.O.	
Criminological analysis of the modern profiling and its trends	94
Belkov V.A., Kruter K.A.	
Analysis of the theoretical and practical problems connected with the investigation of the extremist crimes	98
 <u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Yeregipaliyev D. I.	
The protection of children from information harmful to their health and development by using measures of prosecutor's supervision	103
Usmanov I.M.	
Some regulatory changes in the institute of conditional early release condemned to imprisonment	108
Khasanov R.R.	
On the problem of determining the territorial suspects in criminal cases involving theft, committed with the use of information and communication technologies	113
Lepikhin A.V.	
Banking activity in accordance with the subjects of banking system and its importance for the establishment of the objective evidence of crime due to the Art. 172 of the Criminal code of the Russian Federation	116
Zotov A. Yu.	
Procedural independence of an investigator as his legal status	121
 <u>HUMANITIES</u>	
Mikerin A.A.	
Political heritage of the Byzantine Empire in the Russian social thought of the 19-beg. 20 th centuries	125
Shinkevich V.Y., Maslodudova N.V.	
Life meaning orientations as criterion of direction of individual's development and law enforcement officer's professional culture	132
Karimov A.A.	
On the readiness of the police to use firearms	137
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	142

УДК 343.9.018

Ю.Ю. Комлев

ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

INTEGRATIVE CRIMINOLOGY AS THE BASIS OF THE METHODOLOGICAL TRIANGULATION IN STUDYING CRIME

Раскрывается объяснительный потенциал пост-постмодернистской интегративной криминологии. Показаны эвристические возможности методологической триангуляции при изучении преступности на основе девиантологических принципов и интегративного подхода.

Ключевые слова: девиантология, интегративная криминология, пост-постмодернистская криминология, преступность, методологическая триангуляция, количественные и качественные социологические методы.

Explanatory potential of post-postmodern integrative criminology is realized. Heuristic opportunities of a methodological triangulation in studying crime on a basis of the deviantologic principles and integrative approach are shown.

Key words: deviantology, integrative criminology, post-postmodern criminology, crime, methodological triangulation, quantitative and qualitative sociological methods.

Криминология как социология преступности прошла достаточно длительный путь развития. Она стала не только полипарадигмальной наукой, но и во все большей степени превращается в XXI веке в междисциплинарную область научного знания, задача которой – всестороннее изучение криминальных проблем в рамках методологического плюрализма с привлечением разноаспектных знаний о феномене преступности в условиях общества постмодерна. Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году» сделал попытку структурировать новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;

- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [1, 2].

Контент-анализ новых криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате научной состязательности в криминологии и девиантологии начала XXI века развиваются не только модернистские, постмодернистские, но и гибридные (смешанные) теории преступности и девиантности. Наряду с модернистской теоретической интеграцией, растет многообразие постмодернистских теоретических построений: конститутивная, анархическая, культуральная, реалистическая, топологическая и пост-постмодернистская интегративная криминологии. Методологический арсенал криминологов и девиантологов обогащается постмодернистскими методами деконструкции и дискурсивного анализа, синергетики, а также методологической триангуляцией [1, С. 192-194].

В российском научном дискурсе менее всего представлено такое новое направление в зарубежной науке о преступности, как пост-постмодернистская интегративная криминология [2].

Ярким примером этого гибридного подхода в

Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2017

Статья получена: 01.11.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

теоретическом синтезе является интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Барак в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология : интегративный подход» (2009) [1, 2, 3]. В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на межпарадигмальном, но и междисциплинарном уровнях синтеза.

Свое видение теоретической интеграции Г. Барак выстроил исходя из положений Zetetic-учения Дж. Тикосинера, конститутивной и постмодернистской теории С. Генри и Д. Миловановича, теории структуризации Э. Гиденса.

Барак опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Основу его модели составляют постмодернистские положения конструктористов С. Генри и Д. Миловановича о релятивном, сконструированном, взаимосвязанном, диалектическом характере преступности и социального контроля над ней, которые создаются в процессе коммуникации жертвой, преступником, полицейскими и судьями с помощью языка. Преступное поведение рассматривается как рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Преступность и социальный контроль над ней – совокупный результат воздействия всех как объективных (политических, экономических социальных), так и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Г. Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная диалектическая причинность), а также то, что эти моделируемые явления (преступность и социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени и пространстве в условиях развивающегося постмодерна.

Согласно Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ, и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структуризации утверждает, что такая

двойственность ложна и что социальные исследователи должны использовать и количественную, и качественную методологию, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет Бараку преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования, в том числе в области преступности. Опора на положения теории структуризации делает пост-постмодернистскую интеграцию криминологических знаний открытой к взаимодействующим теориям и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом, между количественными и качественными методами исследования в криминологической теории и методологии.

В синтезе, предложенном Г. Барак, объединяются полипарадигмальные и междисциплинарные знания из а) криминологии о поведении преступника и системе социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме репрессии или превенции; б) социальных и естественных наук, правоведения и культурологии; в) городской экологии и политической экономии (о динамическом взаимодействии между социальной средой и развитием местной, региональной и глобальной экономики). Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и социальным контролем, из естественных и социальных наук (юриспруденции, культурологии и человековедения, социальной экологии и политической экономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Его интегрально-учредительная структура предусматривает целостную модель преступления и правосудия, которая включает теоретические и прикладные знания классической, позитивистской и непозитивистской критической криминологии. Пост-постмодернистский синтез представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с наукой о преступности социальных дисциплин. Модель Барака предполагает предельно широкий охват теоретической интеграции в современной науке о преступности. Открытая к изменениям интегративная платформа Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности, их эвристический и методологический арсенал. Взаимодополнение и взаимодействие традиционных позитивистских криминологических знаний со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии [3, Р. 216-232].

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма. Именно пост-постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы преступности, но уже в контексте глобализации [4]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает полипарадигмальное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию методологической триангуляции и реформированию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Пост-постмодернистская интегративная криминология в теоретико-эмпирическом изучении криминальной реальности позволяет на макро- и микро- уровнях критически оценивать факты, выявлять, конструировать, предсказывать и моделировать свойства и закономерности криминального поведения, а также реакцию системы социального контроля на преступность в эпоху, следующую за постмодерном.

Появление и развитие новой интегративной теоретической перспективы в криминологии XXI века позволяет эффективно конструировать теоретико-методологические фреймы (рамки) как основу для междисциплинарного изучения преступности и других форм девиантности в российских условиях с использованием эвристических возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических подходов. Пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний дает новый импульс для развития эмпирических исследований феноменов преступности и социального контроля. Она в полной мере отвечает ключевым положениям методологии современной науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.).

В работах основателя российской девиантологии Я.И. Гилинского сформулированы основные методологические принципы изучения различных форм преступности и девиантности в мире постмодерна [5, С. 44-46].

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

Он состоит в том, что основные закономерности социальной реальности, включая девиантность и преступность, представляют собой инобытие всеобщих закономерностей самодвижения, самоорганизации мира, материи. Иначе говоря, различные практики отклонений и их закономерности не уникальны. Это дает исследователю возможность преодолеть риск чрезмерного аксиологизма при изучении криминального поведения.

Принцип универсальности общенаучных методов познания. Он вытекает из предыдущего положения и означает возможность применения различных методов и методик, созданных в рамках различных научных школ и парадигм при эмпирическом изучении девиантности и преступности (статистических, количественных и качественных эмпирических методов).

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о девиантности и преступности неполно и ограничено. Никогда нельзя достичь окончательного знания об исследуемом объекте, поскольку мир людей изменчив и находится в постоянном развитии. Более того, итоги познания всегда ограничены возможностями научных методов. Это принципиальное положение позволяет избежать абсолютизации полученных научных результатов.

Принцип дополнительности (противоположности дополнительны). В силу необычайной сложности реальности бытия социальные нормы и отклонения от них дополнительны в понимании Н. Бора. Их сосуществование неизбежно, поскольку они связаны друг с другом, что предопределяет совместное их изучение как общественных явлений. Социологические и иные теории девиантности и преступности, различные научные концепты, методы также дополнительны в указанном смысле.

Принцип социального детерминизма. Социальное можно объяснить социальным. Это положение восходит к классическим работам конфликтолога К. Маркса и функционалиста Э. Дюркгейма, что позволяет рассматривать и объяснять феномены девиантности в широком социальном контексте.

Представляется целесообразным дополнить перечисленные положения Гилинского принципом прагматизма, поскольку изучение девиантности и преступности, проблем социального контроля и порядка не имеют смысла лишь ради самого процесса исследования. Научная работа и ее продукция должны иметь пользу для совершенствования социального и правового регулирования в сфере противодействия преступности, девиантности и иных форм социального неблагополучия. Именно на прагматически ориентированном пути реально снижение масштабов про-

явлений социально опасных форм девиантности и преступности в мире постмодерна, в том числе в транзитивном российском обществе.

Теоретико-методологический фрейм для всестороннего исследования преступности, построенный на основе интегративного подхода, положений интегративной криминологии, дополненности и других девиантологических принципов Я.И. Гилинского, преодолевает методологический дуализм модернистских и постмодернистских теорий преступности. Он позволяет пользоваться методологической триангуляцией, то есть совместным применением различных статистических, социологических, количественных, качественных и иных методов. Методологическая триангуляция минимизирует недостатки различных, но дополняющих друг друга методов, что позволяет наращивать эвристический потенциал исследования, снижает риски фрагментарности и ограниченности обобщений и выводов. Ее применение в заявленных рамках дает органично-целостное представление о природе и причинах различных проявлений преступности, выступающих одновременно реальными поведенческими практиками и социальными, языковыми конструктами.

Отечественной криминологией хорошо освоены статистические методы, позитивистская методология в целом. В своей основе сбор и статистический анализ эмпирических данных о преступности опираются на математический аппарат (закон больших чисел, положения теории вероятностей и др.). Примерами блестящего применения статистического метода в криминологии являются работы В.В. Лунеева, Я.И. Гилинского, Д.А. Ли, С.Г. Олькова, Э.Г. Юзихановой и др.

Теоретико-методологической основой количественных методов исследования девиантности и преступности выступает представление об обществе как системно-организованной целостности, а также предположение о способности научного познания рационально-логически объяснить феноменологию криминальных реалий, разработанные в рамках позитивизма и функционализма. Количественная методология ориентирована на описание и объяснение свойств различных форм девиантности и преступности, выяснение причинно-следственных связей между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения и следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем операционализации понятий). Среди количественных методов первенствуют анкетный опрос и формализованное интервью. Они успешно применяются для изучения таких массовых статистически устойчивых форм девиантности,

как преступность, наркотизм, алкоголизм.

Для познания субъективных аспектов девиантных социальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир», необходимо социальное знание, основанное на понимании и интерпретации. Прошлый субъективный опыт может быть лучше понят через феноменологическое изучение и интерпретацию индивидуальных судеб, биографий, особенностей восприятия и поведения конкретных девиантов и преступников в рамках более общего социального и культурного контекстов. Отсюда оправдано в криминологических исследованиях применение качественных социологических методов, в основе которых лежит принцип «понимания» криминальной реальности как интересубъективной конструкции. Этот принцип выработан в рамках символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологии и понимающей социологии. Качественная социологическая методология позволяет достаточно эффективно исследовать «трудные» судьбы, единичные криминальные случаи, девиантные карьеры, не поддающиеся формализованной оценке. Она опирается на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни – к концепциям). Качественные методы раскрывают своеобразие отдельного социального объекта или события. Они весьма продуктивны при исследовании единичных, оригинальных криминальных фактов, судеб и их носителей, особенно в условиях быстрых социальных изменений. С развитием постмодернистской криминологии в открытой к изменениям интегративной модели эмпирического исследования криминологический поиск в рамках триангуляции может дополняться методами деконструкции и дискурсивного анализа при изучении преступности как реагирующей рекурсивной продукции в интересах нового прочтения и совершенствования уголовного закона и всей системы социального контроля.

Статистика преступлений, или «темная цифра преступности», по образному выражению А. Кетле, представленная в официальных отчетах правоохранительных органов, долгое время была единственным способом описания количественных характеристик преступности, таких как: объем, уровень, структура, динамика. Однако статданные не учитывают латентную составляющую преступности, мотивацию и специфику делинквентного поведения.

Сочетание статистических, количественных и качественных социологических методов в криминологическом изучении преступности позволяет описывать и массовые социально-типичные явления, и единичные кейсы — уникальные проявле-

ния криминальной активности. Количественные социологические методики позволяют в полной мере учесть латентные составляющие преступности. Качественный инструментарий позволяет выявлять нюансы психологии криминального поведения, особенности криминальных инцидентов, биографий и карьер, интересубъективное восприятие и конструирование криминальной реальности девиантом.

В случае применения методологической триангуляции объективные данные, полученные статистическим методом путем регистрации преступлений, как правило, дополняются данными субъективной статистики, полученными методом формализованного опроса (анкетирование или интервью), а также качественными данными, собранными с помощью биографического метода, кейс-стади, нарративного анализа или фокус групповых дискуссий или иных методов.

Позитивный опыт методологической триангуляции накоплен во многих развитых странах (США, Канада, Австралия, Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария). В России в этом направлении предпринимаются лишь первые шаги.

Опросные методики по проблемам виктимизации впервые были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию, которая была создана из-за стремительного роста «индексных преступлений» [2]. Программа первого виктимологического исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а также общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране [6, С. 39].

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй международные обзоры виктимизации в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Россию. При проведении эмпирических исследований был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика международных виктимологических исследований позволяла главным обра-

зом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала и оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв».

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам преступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся странах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

Международные обзоры виктимизации показали, что преступность – глобальная социальная проблема. Она беспокоит людей во всех странах, где проводились исследования. Оказалось, что более 20% опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества либо агрессивного поведения. Опросы жертв преступлений показали, что в России и других государствах на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным [6, С. 53].

Вместе с тем опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по эмпирической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3% происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9% преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что опросы жертв преступлений и опросы общественного мнения с целью изучения преступности – все еще очень дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и

сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности [7].

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои подходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. В итоге криминологи получают более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности.

Значительный опыт триангуляции, учитывающий местную специфику, накоплен в США, где статистические данные, собранные в рамках единых отчетов о преступности по программе UCR (часть 1 – «индексные» преступления и часть 2 – менее опасные «преступления без жертв»), а также самоотчеты правонарушителей (SR–исследования) сочетаются с результатами виктимологических опросов (NCVS) и иными исследованиями, выполненными по качественной методологии (кейс-стадии, изучение биографий, нарративный анализ).

Любопытна специфика виктимологических опросов (NCVS). Они проводятся Американским бюро переписи населения ежегодно, начиная с 1972 года. В выборочном опросе участвует около 50000 домохозяйств, или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных методик. По каждому адресу к респондентам интервьюеры заходят два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса спрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за прошедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические опросы позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение — ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у част-

ного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности [7, С. 112].

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удается собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в опросники индикаторы, характеризующие «правоохранительный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции [8, Р. 55].

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф. Шмаллегера, показывают, что:

- участниками опросов ежегодно сообщается о 35 миллионах совершенных преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств, или 25 процентов от их общего количества, ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества [8, Р. 60].

Таким образом, результаты виктимологических исследований существенно уточняют картину преступности по основным количественным показателям, и она позволяет учесть латентную составляющую. Исключение составляют лишь некоторые составы преступлений, по которым возможно субъективное превышение показателей преступности.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод эмпирического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и

жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контексте, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников, структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа, в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более чем 160 источников по проблемам оценки преступности [8, Р. 122].

В ряду качественных методов в США чаще всего применяются биографический метод и кейс-стадии.

Биографический метод широко используется для исследования девиантных и криминальных карьер отдельных преступников, в которых выясняются: мотивация на совершение деликтов, специфика обучения преступному ремеслу, паттерны криминальной активности на протяжении всего жизненного пути девианта.

Изучение преступных инцидентов методом кейс-стадии позволяет проникнуть в его скрытые механизмы, психологию поведения. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, чего следует ожидать от других подобных событий и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (street gang).

Когда индивид является носителем крими-

нальной карьеры, имеет тот или иной преступный опыт, то он выступает в качестве объекта качественного эмпирического исследования в форме «лайф истории» – истории жизни одного человека, воспринимаемую как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее, анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

В определенном смысле метод кейс-стадии несет на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, что не фиксируют количественные опросные методики.

Таким образом, для описания, объяснения и понимания преступности как наиболее опасной формы негативной девиантности и острой социальной проблемы, а также факторов, ее детерминирующих, исследователи широко используют данные уголовной статистики и социологических опросов с применением процедур вторичного анализа и качественных методик.

При осуществлении методологической триангуляции важно адекватно оценить когнитивный потенциал различных методик, эффективно использовать их сильные и нивелировать слабые стороны. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений, как изнасилования, коррупционные или должностные деликты, а также кибер-преступления. Более точно исчисляются и корреспондируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Уровни преступности, рассчитанные по разным методикам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных приемов во многом удается избежать фрагментарности и неполноты монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

В США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических иссле-

дований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

В России криминальная статистика ведется на основании зарегистрированных в органах внутренних дел преступлений. Первые статистические сведения о преступности стали публиковаться с 1987 года в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в свет только в 1990 году и содержал наиболее общие сведения, начиная с 1961 года. В России с 1992 г. стали публиковаться ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения». Министерство внутренних дел Российской Федерации выпускает справочники «Состояние преступности в России». Есть обобщенные данные о преступности в специальных разделах из сборников Росстата. Однако объем и доступность данных о преступности периодически дозируются. Виктимологические опросы проводятся, как правило, лишь в некоторых регионах, поскольку это весьма дорогое «удовольствие». Такого рода исследования были выполнены под руководством автора в Татарстане по проблемам общеуголовной преступности, наркопреступности, наркопотребления в 1995–2007 годы. Виктимологические исследования периодически осуществляются в Москве, Санкт-Петербурге, других городах страны.

Проблематику преступности в общенациональном масштабе изучают Левада-Центр, ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ, ВНИИ МВД России. Однако систематические общенациональные виктимологические исследования еще не стали привычной практикой в нашей стране. Российский опыт весьма ограничен, а результаты исследований нельзя в

полной мере использовать для сравнения, поскольку эмпирические данные субъективной статистики преступлений фиксируются в рамках различных исследовательских методик и не имеют общенациональной репрезентативности. Они проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что существенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка.

В органах внутренних дел длительное время воспроизводятся «палочные проблемы» в системе учетов. Эта ситуация в определенной мере искажает фиксацию регистрируемых преступлений на территориях. Манипуляции со статистикой преступности снижают доверие граждан к органам внутренних дел и государству в целом.

Реформа органов внутренних дел, которая проводится на правовой основе ФЗ «О полиции» (2011), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011) и других нормативных правовых актов, несколько меняет ситуацию к лучшему в работе полиции в целом и осуществлении статистических учетов в частности. Современную траекторию перемен уточняет «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» (2013), где также ставится проблема учета преступлений.

Есть надежда, что укрепление учетной дисциплины, внедрение новых критериев оценки работы ОВД на основе общественного мнения (контроль снизу), введение постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции с января 2017 года позволят повысить качество, надежность, доступность статданных о регистрируемой и латентной преступности в России. Использование методологической триангуляции в исследовательских проектах дает реальный шанс еще более адекватно описать многомерную картину преступности в масштабах страны и ее регионов, повысить в конечном итоге эффективность мер социального контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательский дом «Алеф - пресс», 2014.
2. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань : КЮИ МВД России, 2016.
3. Barak G. Integrating criminologies. Boston : Allyn & Bacon, 1998.

4. Barak G. Criminology : An Integrated Approach. Lanham, Maryland : Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.
5. Гишинский Я.И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательский дом «Алеф-пресс», 2013.
6. Звеквич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность : познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М. : ВНИИ МВД России, 1993.
7. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. СПб. : Питер, 2003.
8. Schmallegger F. Criminology Today : An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Казанцев С.Я., Амиров Р.Г.

Методика расследования причинения тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи : учебное пособие / Р.Г. Амиров, С.Я. Казанцев. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 96 с.

В учебном пособии рассматриваются основные положения методики расследования ятрогенных преступлений и роль специальных знаний в их расследовании.

Предназначено для курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов, аспирантов юридических вузов, а также научных и практических работников.

УДК 323.27; 34.096

Д.Р. Зайнутдинов

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИМИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ
В 1918-1920 ГОДЫ**

**FORMATION OF CITIZENSHIP
BY THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN THE 1918-1920th**

В статье исследуется проблематика формирования гражданственности в период Гражданской войны в России. Автором выделены определенные мероприятия антибольшевистских правительств по воспитанию чувства гражданственности в населении. Раскрыта значимость общенационального единения при формировании гражданственности.

Ключевые слова: гражданственность, идентичность, патриотизм, антибольшевистские правительства, Гражданская война.

The problem of formation of civilization in the period of the Civil War in Russia is investigated in the given article. The author emphasizes certain activities of anti-bolshevik governments to foster a sense of citizenship in the population. The importance of national unity in the formation of citizenship is revealed in the present article.

Key words: citizenship, identity, patriotism, anti-Bolshevik government, Civil War.

Термин «гражданственность» не так часто употребляется в современном обществе, при этом его иногда путают с патриотизмом. Гражданственность крайне важна в самосознании личности, так как это «личное качество, выраженное в глубоком осознании человеком своей принадлежности к обществу, в котором он живет, а также в осознании совокупности своих прав, обязанностей по отношению к обществу, в готовности добровольно следовать предписаниям его морали и закона; в более общем значении – забота об общественном благе, концентрация помыслов и чувств на идее гражданского долга» [1, С. 59-60]. Это определение весьма полно отражает содержание гражданственности, выявляя основные элементы данной категории – «осознание», «добровольность», «готовность», «забота», «долг». Именно поэтому понятие «гражданственность» шире патриотизма, так как вбирает в себя не только свойства патриотизма, но и правовые элементы. «В основе гражданской идентичности лежит идентификация с обществом, государством и страной. Гражданство ассоциируется с государством, гражданственность – с Родиной, Отечеством и с патриотизмом. Получается, что элементами гражданской идентичности являются гражданство, гражданственность и патриотизм. Гражданская идентичность сплачивает население,

является цементирующей основой социальной интеграции» [2, С. 126-132]. Прочная гражданственность делает общество крайне устойчивым к любым социальным потрясениям в стране.

К началу революционного периода 1917 года правящие круги так и не смогли сформировать даже отдельные элементы гражданственности. В дальнейшем с данной проблемой столкнулись правительства антибольшевистских государственных образований, когда для объединения страны, раздробленной классовой борьбой, требовалось противопоставить идею общенационального единства как составную часть гражданственности.

Однако в условиях Гражданской войны выработать чувство гражданственности у населения чрезвычайно сложно. Следует признать, что это задача мирного времени. Тем не менее, всеми антибольшевистскими правительствами предпринимались попытки формирования в массах чувства гражданственности. Антибольшевистские правительства стремились подчеркнуть, что, несмотря на период Гражданской войны, взаимосвязь граждан с российским государством остается нерушимой. Целостность российской государственности и преемственность власти представлялась так: от Временного правительства к Всероссийскому Учредительному собранию, и далее к Уфимской директории и Рос-

Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «ИСГЗ»

e-mail: knight_1988@mail.ru

© Зайнутдинов Д.Р., 2017

Статья получена: 14.07.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

сийскому правительству в лице Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и Совета Министров (далее – Российское правительство). В целом, все действия были направлены на разрушение стереотипа о существовании на территории России совершенно независимых и невзаимосвязанных друг с другом государственных образований. Для решения поставленной задачи требовался рост гражданской активности на низовом уровне, то есть на уровне местной власти. Так, например, для увеличения гражданской активности, основываясь на принципе политического плюрализма, широко применялся институт выборов в представительные органы местного самоуправления. Именно на низовом уровне происходило выявление граждан с высоким уровнем правосознания, способных объединить вокруг себя народные массы, оградив их от большевистской идеологизации и пропаганды классовой вражды, при этом воспитывая гражданскую сознательность. «Идея представительства тесно связана с другими не менее важными идеями партии и выборности как инструментов реализации разнообразных интересов ... Акт участия в выборах уже сам по себе увеличивает веру граждан в законность и ответственность правительства» [3, С. 350, 351], – отмечал К.С. Гаджиев. Институт выборов прямо взаимодействует с институтами парламентаризма и местного самоуправления. Однако, как отмечал Г.К. Гинс касательно избирательной кампании 1919 года, при выборах в городское самоуправление 80-процентная неявка избирателей достаточно ясно показала, как устало население от постоянных выборов, как равнодушно оно относилось ко всяким представительствам даже в городах [4, С. 216]. Такая пассивность избирателей объяснима частой сменой правящей власти с начала Гражданской войны и отсутствием политической стабильности, подорвавшими доверие граждан к любым государственным и муниципальным органам. Вследствие данных обстоятельств сформировать гражданственность исключительно посредством выборов было невозможно.

Примечательно, что правая часть кадетского лагеря, в отличие от левой и умеренной, критиковала правительственную политику по активизации граждан, считая, что такая деятельность в период Гражданской войны крайне пагубна для государственного строительства и дает широкий простор для подрывной деятельности большевиков. «Кадеты свое неприятие народовластия, то есть широкой демократии, и всеобщих выборов как способа формирования органов власти обосновывали тем, что народ еще не готов участвовать в управлении государством, он некультурен, в нем не развиты гражданские чувства» [5, С. 61]. Кадетские группы

прекрасно осознавали, что «“гражданственность” и “гражданская культура” – ценностные и поведенческие комплексы, появившиеся в России с некоторым опозданием и ограничением и наблюдавшиеся лишь в определенных социальных группах» [6, С. 184]. При этом большая часть кадетов продолжала искать пути реализации идеи воспитания чувства гражданственности, пытаясь противопоставить ее классовой борьбе. Для идеологов антибольшевизма качество гражданственности представало в идеальном виде, добиться которого, к сожалению, в течение короткого промежутка времени было затруднительно. «В идеальном плане гражданственность характеризуется такими чертами, как сознательность и ответственность, свобода (прежде всего, свобода выбора) и творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно критическое отношение к действительности, самоактуализация (стремление субъекта наиболее полно раскрыть свой потенциал) и самоидентичность (стремление субъекта быть в согласии с самим собой)» [7, С. 305-325].

В свою очередь большевики ни о какой гражданственности речи не вели. Сама идея интернационализации отвергала необходимость гражданственности, так как она в корне противоречила конечной цели коммунизма. «Россия, до известного времени, оставалась для большевистских вождей лишь инструментом реализации грандиозного проекта мировой революции. В их тогдашней интерпретации понятия патриотизм, гражданственность, отечество выполняли второстепенные, сугубо защитную и ресурсную функции. А вся тактика временных отступлений осуществлялась во имя наступления генерального. Поэтому ни о каком патриотическом и гражданском воспитании речи тогда идти не могло. Всемерно доминировал классовый подход и идея интернациональной миссии Советской республики» [8]. На дробление России большевики отвечали постулатом принятой идеологии – «Манифестом Коммунистической партии», гласившим: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» [9, С. 444]. Именно поэтому для большевиков идентичность могла быть только классовой, а интернационализм отвергал гражданственность.

Весьма специфическим образом шел процесс формирования гражданственности на территориях проживания национальных меньшинств. Так, гражданственность у тюрко-татарского народа выражалась в готовности добровольно следовать предписаниям морали и нормам закона, закрепленным в антибольшевистских декларациях правам и обязанностям, но не мириться с национальным притеснением. Присущая тюрко-татарам на протяжении веков привязанность к государственно-

ительству выковала уникальное чувство гражданственности. Правовед С. Максудов отмечал: «Тюрки являются расой, которая создала на различных территориях и континентах земного шара множество государств. В свое время тюрки создали мощные государства в Китае, Индии, Восточной Европе, Средней Европе, Сирии, Египте и Ираке и правили этими территориями. Во всех этих государствах господствовали правовые принципы, порожденные тюркским гением» [10, С. 29, 34]. До начала Гражданской войны лидеры национального движения стремились не только возродить национальное сознание тюрко-татар, но и воспитать гражданственность такого качества, которая отвечала бы требованиям демократического государства.

Однако Октябрьской революцией был прерван только начатый Временным правительством процесс формирования российской идентичности и гражданственности. Отсутствие единой центральной российской власти привело к процессу суверенизации окраинных национальных территорий – Польши, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Грузии, Горской республики, Туркестанской автономии, Алаш-Орды и других. Таким образом, фактически брошенные властью, одни территориальные образования приступили к самостоятельному государственному строительству, другие попытались реализовать проект союза в виде Российской Федеративной Демократической Республики. Крепкий фундамент для развития идеи федерации был найден в Волго-Уральском регионе. Так, проект Российской Федеративной Демократической Республики отстаивали тюрко-татары, башкиры, казахи, казацкие объединения, сибирские областники. Тем не менее, попытки построения федерации снизу без участия центральной власти потерпели крах. Более того, данные попытки не способствовали единому пониманию гражданственности. Каждый из народов России пытался в понимание гражданственности вложить определенную специфику, не учитывая много-национального характера страны. Реальная гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности. Она представляет собой результат эволюционного движения социума к свободе и свободному самоопределению человека. Она определяется мерой его нравственного подвижничества и реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или «стадного» коллективизма [7, С. 305-325]. Конец 1917 года нарушил эволюционный процесс формирования гражданственности в России, а все попытки вернуться к нему в течение Гражданской войны не увенчались успехом.

В определении содержания гражданственности

антибольшевистские правительства, в своем большинстве, были солидарны. Особую роль в наполнении смысла гражданственности играла армия, ее характер и состав. Если большевики позиционировали свою армию как армию трудового народа, тем самым показывая яркий классовый характер, то антибольшевистские образования придавали армии характер общенациональный и народный. Так, в Докладе Товарища управляющего Военным ведомством Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (далее – Комуч) В.Н. Взорова подчеркивалось, что «Народная армия как бы олицетворяет весь народ, а потому ее организация должна содействовать общему культурному уровню народа, степени его гражданской зрелости и национального самосознания» [11]. Для формирования гражданственности нельзя было представить лучшего, чем Волго-Уральский регион, где пестрый конгломерат национальностей в течение десятилетий мирного существования показывал пример высокой солидарности и толерантности. Также здесь нельзя не упомянуть Приказ Комуча №103 от 14 июля 1918 года «О призыве инородцев», в котором указывалось: «Гражданам всех национальностей, проживающим на территории власти Учредительного собрания, ... привлекаются к несению обязанностей воинской повинности» [12]. По содержанию этот небольшой документ имел огромное юридическое значение в части учреждения такой конституционной обязанности, как воинская повинность всех граждан России, независимо от этнической, национальной и религиозной принадлежности (ранее народности Средней Азии не призывались в армию). В нормативно-правовых актах, декларациях и иных документах правового характера антибольшевистских правительств отчетливо прослеживается линия, направленная на воспитание чувства гражданственности у всех народов России.

«Приступая к строительству вооруженных сил, Комуч настоятельно проводил мысль о приоритете не классовой, а общенациональной политики» [13, С. 621]. В конце лета 1918 года проведение политики общенационального единения для Комуча стало одной из приоритетных задач. В этот период народы Волго-Уральского региона стали проявлять большую активность в деле государственного строительства, что стало отражаться в отдельных нормативных документах. В этом аспекте важно упомянуть Декларацию Комуча «Ко всем народам, населяющим Волжско-Камский край: чувашам, черемисам, вотякам, мордве и др.» от 8 сентября 1918 года, устанавливающую следующее: «Комитет стремится к тому, чтобы обеспечить за всеми народами право беспрепятственного пользования родным языком в школах, в органах местного само-

управления и в местах судебных и административных установлениях и возможность передачи дела культуры и просвещения в ведение самих национальностей» [14]. Более того, Комуч признал, что формирование российской идентичности и гражданственности на платформе социал-демократической государственности среди мусульманских народов Средней Азии, стремившихся сохранить автономию в составе России, не могло быть реализовано без участия тюрко-татар и башкир. До 1919 года именно с помощью тюрко-татар и башкир в Средней Азии социальная демократия распространялась как идеология, а идеи российской идентичности и гражданственности – как общенациональные задачи. Именно тюрко-татары проводили идею о том, что идентичность российская и национальная не противопоставляются друг другу, но наоборот, способствуют формированию гражданственности. «Бесспорным представляется то, что в многонациональной стране важнейшей скрепой, объединяющей общество и государство и способствующей их стабильному развитию, является общегражданская идентичность, и в этом смысле она не может не иметь первенства перед этнической и региональной идентичностями» [16, С. 280].

Общенациональное единение являлось важной составляющей гражданственности, к формированию которой стремилось и Российское правительство. Весьма интересно содержание «Приветственного послания Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку» от съезда уполномоченных Челябинского союза кредитных товариществ от 14 июня 1919 года: «Уполномоченные Челябинского союза кредитных кооперативов ... выражают Вашему Высокопревосходительству чувства глубокого уважения; просим верить, что мы, крестьяне, казаки и мусульмане, кооператоры – неразрывная часть того народа, который уже громко называет Вас Великим Гражданином и спасителем; пусть Бог поможет Вам и армии возможно скорее воссоединить Россию» [16]. Готовность единения российского народа на платформе патриотической борьбы А.В. Колчак обозначал как «истинную гражданственность» [16]. Возрождение патриотического сознания в народах России колчаковский режим видел не средствами его принудительного воспитания, а осмыслением природы и сущности патриотизма, жертвенности

ради единения. За патриотизмом, как составным элементом гражданственности, антибольшевизм закрепил ведущую роль.

Российское правительство в отличие от Комуча к активному решению проблемы российской идентичности и гражданственности приступило значительно позднее, тогда, когда уже идея общенационального единства на платформе «белой» государственности перестала отвечать интересам народов России. В проблеме формирования гражданственности лишь Комуч добился наибольших успехов. Комуч, грамотно используя правотворческую функцию, через декларативно-учредительные акты закреплял смысловое содержание гражданственности, доступное для понимания большей части населения. Именно на период существования Комуча приходится наибольший патриотический подъем не только всего населения в целом, но и каждой отдельной народности Восточной России в частности. Лучшим подтверждением сказанному служат слова И.И. Сукина (министр иностранных дел в Российском правительстве. –Д.З.): «Добровольческий элемент в войсках был сначала чрезвычайно малочислен; отдельные добровольцы оказались под знаменами еще со времен самарской народной армии, когда много молодых горячих патриотов Поволжья записались в войска летом 1918 года в момент всеобщего национального подъема; некоторое количество добровольцев было дано и сибирскими городами» [17, С. 415].

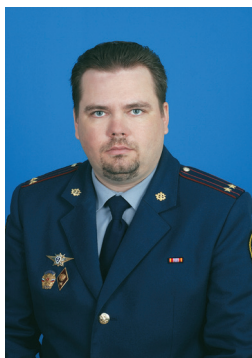
Подытоживая вышеизложенное, отметим, что в государственном масштабе формирование гражданственности выступает одной из главных задач, направленных на обеспечение целостности государства. Сформированное в народе чувство гражданственности является важным элементом правового государства и гражданского общества. Также не следует забывать, что гражданственности предшествует общенациональное единение народа. На лозунгах борьбы за Всероссийское Учредительное собрание Комучу удалось сплотить население Волго-Уральского региона, однако не удалось окончательно сформировать чувство гражданственности. При этом для Российского правительства, распространившего свою власть на весь Восток России, задача формирования гражданственности оказалась непосильной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М. : НМЦ СПО, 1999. С. 59-60.
2. Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение : философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп : Изд-во АГУ, 2009. Вып. 1. С. 126-132.

3. Гаджиев К.С. Политическая наука : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Международные отношения, 1995. С. 350, 351.
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). Ч. 2, 3. Пекин : Типолитография Русской Духовной Миссии, 1921. Т. 2. С. 216.
5. Никитин А.Н. Государственность «белой» России : Становление, эволюция, крушение. М. : Право и закон, 2004. С. 61.
6. Линднер Р. «... Центр культуры и гражданственности ...» – коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославе. 1860-1914 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. редакторы Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 184.
7. Резник Ю.М. Человек гражданский : проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 305-325.
8. Козлов А.А. Патриотизм и гражданственность в советский период // О патриотизме и гражданственности / под ред. д.с.н., проф. А.А. Козлова. СПб. : «Элексис Принт», 2005.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4 : Государственное издательство политической литературы. М., 1955. С. 444.
10. Арсал Садри М. Тюркская история и право / пер.с турец. яз. Р. Мухамметдинова. Казань : Изд-во «Фэн», 2002. С. 29, 34.
11. Государственный архив Самарской области. Ф. 402. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.
12. Государственный архив Самарской области. Ф. 402. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
13. Каревский А.А. В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. 3-е изд., испр. и доп. М. : Русский путь, 2010. С. 621.
14. Вестник Комитета. 8 сентября 1918 года. №51.
15. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. Казань : Центр инновационных технологий, 2013. С. 280.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 127. Л. 61-62.
17. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы / под. ред. А.В. Квакина. М. : Аграф, 2005. С. 415.

УДК 34.314.7

С.В. Архипов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИИ ПО ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ
КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В XIX ВЕКЕ****THE EFFORTS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL
AFFAIRS ON LEGAL SECURITY AND REALIZATION
OF COLONIZATION POLICY IN THE 19th CENTURY**

В статье дается анализ практическим мерам и координирующей роли Министерства внутренних дел России по созданию как нормативно-правовой основы регулирования переселенческих процессов, так и реализации крестьянских миграций из европейской части Российской империи на территорию Сибири и Дальнего Востока в конце XIX века. Министерство внутренних дел аккумулировало работу по сбору и обобщению информации, касающейся крестьянской колонизации, своими циркулярами регулировало эти процессы. Результатом работы министерства стал проект переселенческого закона 1889 г.

Ключевые слова: переселение, переселенцы, миграция, колонизация, переселенческая политика, переселенческое законодательство.

The present article is devoted to the analysis of the practical measures and coordinating role of the Russian Ministry of Internal Affairs to establish the regulatory framework to control the peasant's migration from the European part of the Russian Empire on the territory of Siberia and the Far East in the end of the 19th century. The Ministry of Internal Affairs accumulated information concerning peasant's colonization and managed the process of colonization by the special circular. A project of migration legislation 1889 was a result of the efforts of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Key words: resettlement, settlers, migration, colonization, migration policy, migration legislation.

Экономическое развитие России в современный период тесно связывается с активным освоением районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Возрастает значение этих регионов в укреплении экономических позиций России в Юго-Восточной Азии. Сегодня основной угрозой для территорий Сибири и Дальнего Востока является ежегодный отток населения. Так, только Дальний Восток в период после распада СССР и до 2014 г. потерял 22,8% своего населения, в большинстве из-за миграционного оттока [7, С. 68]. Поэтому, как и много лет назад, увеличение экономически активного населения в этих районах позволит решать задачи обеспечения национальной безопасности.

Глубокая разработка и принятие концепции развития этих районов с выделением в отдельное направление государственной политики по привлечению экономически активного населения является необходимой составляющей общей стратегии экономической и национальной безопасности страны. В реализации этого направления особую актуальность приобретает выработка взвешенной законо-

дательной базы, позволяющей учесть многообразные: экономические, природные, территориальные и другие – особенности данных регионов, проблемы развития регионов и расселение населения в Европейской части России. Большое внимание уделяется и вопросам миграции, о чем свидетельствует возвращение функций миграционного контроля в ведение Министерства внутренних дел России.

Для решения столь грандиозной задачи должен быть востребован значительный исторический опыт России XIX – начала XX в. по переселению миллионных масс жителей из европейской в азиатскую часть России. Необходимость научного исследования деятельности отдельных министерств и ведомств, и в первую очередь Министерства внутренних дел России как непосредственного исполнителя колонизационной политики царского правительства, диктуется миграционными вызовами России XXI в.

Несомненно, изменились исторические условия: переселение происходило в условиях небывалого подъема рождаемости, значительную часть

Архипов Сергей Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России (г. Рязань)

e-mail: justice4@yandex.ru

© Архипов С.В., 2017

Статья получена: 17.02.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

переселяющихся составляли крестьяне. Вместе с тем комплексное решение многих проблем в кратчайший период конца XIX – начала XX вв.: хозяйственное обеспечение переселяющихся, организация сети учебных и медицинских учреждений, строительство храмов, создание необходимой производственной и транспортной инфраструктуры – привлекают внимание к этому опыту, позволяют говорить об эффективном взаимодействии различных отраслей в освоении данных регионов. Рациональное и контролируемое использование значительных государственных и частных ассигнований позволяло решать многие проблемы. В конце XIX – начале XX вв. были созданы организации, опыт работы которых не потерял своей актуальности и сегодня. Глубокое изучение такого опыта не позволит «слепому» заимствовать его в современность, однако поможет сформулировать идеи, которые подтолкнут отечественное законодательство и правоприменительную практику к привлечению экономически активного населения на отдаленные территории.

Отмеченные достижения были результатом длительной, к сожалению, не всегда успешной работы российского правительства, его ведомств и в первую очередь министерства внутренних дел, общественных организаций, известных представителей общества по поиску необходимых путей развития. Следует отметить, что в российском обществе не было единства взглядов, как на причины возникновения миграции, так и на роль государства в этом процессе. Выработке единой позиции мешала политическая разобщенность общества, усиление радикализма, как в правых, так и в левых кругах общества.

Несомненно, противоречивое восприятие процесса переселений в российском обществе находило свое отражение не только во взглядах политиков, но и в практическом осуществлении переселенческого процесса.

К 1861 г. по существу сформировались границы российского государства. Серьезную обеспокоенность у правительства вызывали восточные рубежи страны. Быстрое заселение этих районов было одной из важнейших задач обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем становление власти происходило на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе только в 60-е годы XIX в.

В России процесс переселений был обусловлен крестьянским малоземельем и колонизационными целями правительства. В первой половине XIX в. были выработаны не только законодательные акты, регулирующие переселения, но и сформировалось четкое представление о целях и задачах переселений. Постепенно менялся взгляд правительства и на социальные слои, способные реализовать поставленные цели по колонизации и

охране сформировавшихся рубежей страны.

В начале XIX в. руководство переселением осуществляли по согласованию министерство внутренних дел и министерство финансов, но, начиная с 1837 г., проблемами переселений стало заниматься министерство государственных имуществ, в ведении которого находились государственные незаселенные земли [6]. Деятельность министерства под руководством П.Д. Киселева высоко оценивалась как современниками, так и последующими исследователями истории российских переселений. Так, по оценке министра внутренних дел В.К. Плеве: «Переселение имело тогда другой вид, нежели в настоящее время... Оно представляло из себя стройно выработанную систему, преследовавшую определенную государственную цель, оберегавшую переселенца в пути и обеспечивавшую прочное хозяйственное устройство его на новом месте» [3, Л. 4].

Учитывая даже ограниченный состав населения, имеющего право на переселение в этот период, можно делать вывод о начавшемся движении из центральных районов России. Только по официальным сведениям министерства государственных имуществ с момента его образования и до 1859 г., т.е. за 25 лет, переселилось 57442 семейства, приблизительно 400000 жителей обоего пола, из них ревизские души составляли 188936 человек. Следует отметить, что 93% этих переселенцев выходили из 13 центральных губерний [4, С. 29].

Объявление об отмене крепостного права не могло, по ряду причин, сразу ускорить процесс переселений. Во-первых, изменилось отношение правительственных чиновников к крестьянским переселениям. В правительственных кругах возобладало мнение, что после освобождения правительству нет необходимости оказывать содействие крестьянству, а малоземельные могут найти дополнительные заработки в качестве сельских рабочих или арендаторов у землевладельцев. Во-вторых, сильное влияние на правительство оказывали землевладельцы, боявшиеся в результате переселения крестьян лишиться свободных рук и арендаторов своих земель.

Положение 19 февраля 1861 г., предоставив личную свободу помещичьим крестьянам, установило ряд правил, определяющих условия перехода из одних сельских обществ в другие, распространив их и на государственных крестьян. Согласно правилам, вместо свободного переселения государственным крестьянам было предоставлено лишь право ходатайствовать о переселении части членов их обществ. К тому же 15 декабря 1866 г. Государственным Казначейством было прекращено предоставление кредитов для оказания помощи переселяющимся государственным крестьянам. Условие процедуры переселения обусловило со-

кращение, по сравнению с предыдущим периодом, числа переселяющихся государственных крестьян.

Тормозом переселения бывших помещичьих крестьян было их правовое положение. Реформа 1861 г. освободила личность крестьянина, но не уничтожила его прикрепления к земле и общине. Выкупные платежи, подати и повинности лежали на целом обществе, которому принадлежала и наделная земля. Крестьянин, уплачивающий выкупные платежи из своих личных доходов, не становился собственником земли. Согласно действующему законодательству, крестьянин приобретал надел в собственность не себе, а фактически общине. Поэтому отдельный хозяин должен был получить увольнительное свидетельство от старого общества, предварительно оплатив все долги по недоимкам и повинностям. Старому обществу безвозмездно поступал и надел переселенца, за который он вносил выкупные платежи, сумма которых с годами возрастала. От нового общества, к которому приписывался переселенец, он должен был получить приемный приговор, который нелегко было получить без значительных денежных затрат.

Серьезные ограничения законодателя делали выход крестьян из прежних обществ чрезвычайно трудным, а для значительной части крестьян, материально слабо обеспеченных, практически невозможным. Следует отметить, что законодатель, ограничивая переселение, не принял во внимание естественный прирост населения. При наделении помещичьих крестьян землей за норму принималась не наличная, а ревизская душа. Однако списки были составлены на основе переписи 1857 г., а наделение крестьян землей происходило в конце 1861 г., т.е. на 4 года позже. Следовательно, весь естественный за это время прирост населения наделов не получил. В то же время с 1861 г. по 1870 год включительно ежегодный прирост населения в Европейской России составлял 781009 человек [2, Л. 1]. Таким образом, к 1880 г. приблизительно 1959197 душ составляли разряд безземельных [2, Л. 2].

Усложнение условий обусловило рост несанкционированных переселений, с которыми правительство практически безуспешно пыталось бороться различными методами. В практике использования полицейских методов сохраняла свое значение норма «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», определявшая наказание за самовольные переселения. Однако, несмотря на это, движение крестьян на новые места не прекращалось и к началу 80-х годов достигло размеров до 40000 душ в год.

Несколько позднее, анализируя сущность переселенческой политики в этот период исторического развития России, министр внутренних дел В.К. Плеве в записке императору Николаю II отме-

чал, что «за оказавшимся в законе пробелом относительно переселения переселенческое движение лишено было руководящего направления правительственной власти и совершалось крайне беспорядочно» [5, С. 5]. Министерство внутренних дел, отмечал Плеве, не знало, как относиться к этому явлению: то издавало циркуляры, признававшие законность переселений и облегчавшие его, то пыталось остановить переселенческое движение, ссылаясь на его противозаконность [5, С. 5]. Непределенным было и положение местных властей, куда прибывали новоселы. Им приходилось считаться с фактом переселения и устраивать прибывших крестьян на новые места. К концу 70-х гг. движение уже не укладывалось в рамки действующего законодательства. Возникла острая необходимость издания специального переселенческого закона.

Поэтому 10 июля 1881 г. императором были утверждены Временные правила о переселении, разработанные правительством. Правила предусматривали возможность переселения крестьян с согласия министров внутренних дел и государственных имуществ. Предусматривались некоторые льготы для переселяющихся и указан порядок наделения их государственной землей на праве краткосрочного (от 6 до 12 лет) пользования в размере не более 8 десятин на душу [8, Л. 24 (об)].

Однако Правила не были опубликованы. Отсутствие официальной публикации диктовалось опасениями правительства вызвать в крестьянской среде нежелательные миграционные процессы, а также отсутствием четкой позиции по переселенческому вопросу в самом правительстве.

Таким образом, законодательство и обусловленная им деятельность правительства в 60-70-е гг. утверждали отрицательное отношение к обеим фазам переселенческого движения: как к выселению крестьян из своих обществ, так и к водворению на свободных государственных землях. Например, с 1876 г. по 1881 г. в министерство государственных имуществ поступило около 1000 прошений сельских обывателей об отводе им участков государственных земель в многоземельных губерниях, которое касалось 11000 душ. Однако большинство этих ходатайств с мотивировкой «отсутствие законных оснований для удовлетворения» остались без последствий. Об изменении в правящих кругах взглядов на переселение свидетельствует и число выданных на основании Временных правил 1881 г. официальных разрешений на переселение: в 1881 г. переселение было разрешено 15 семьям, в 1882 г. – 33, в 1883 г. – 377, в 1884 г. – 550, в 1885 г. – 1277, в 1886 г. – 5490, в 1887 г. – 9094, в 1888 г. – 13109 семьям [8, Л. 26].

Позиция правящих кругов четко прослеживается

ся в конфиденциальном циркуляре губернаторам от 5 января 1883 г., подписанном министром внутренних дел Д.А. Толстым, в котором подчеркивалось, что при принятии правил о переселении было признано: не оглашать их, чтобы не способствовать стремлению крестьян к переселению. Медлительность в разработке основного закона по переселению, наряду с нарастанием переселенческого движения, порождала массу трудностей.

В то же время в министерствах шло усиленное обсуждение проектов, касающихся переселения. Согласно указаниям императора от 17 мая 1884 г. руководство и осуществление переселения возлагалось на министерство внутренних дел при участии представителей министерства государственных имуществ и финансов. Переселенческое дело на местах, согласно повелению, возлагалось на учреждения по крестьянским делам [9, Л. 153 об.].

Отсутствие четкой позиции по переселенческому вопросу привело к созданию в 1881 г. при МВД Особой комиссии под председательством П.П. Семенова, в которую вошли представители министерств и ведомств, непосредственно связанные с проблемами крестьянских переселений.

Изучив причины и масштабы переселенческого движения, Комиссия пришла к убеждению, что переселенческое движение обусловлено экономическим положением крестьян и поэтому нуждается в правильной организации и регулировании. Были рассмотрены вопросы землеустройства переселенцев, организации переселений и предоставления льгот. Непосредственное осуществление переселений, по мнению комиссии, должны осуществлять Соединенные присутствия, состоящие в губерниях – из членов Губернских по крестьянским делам присутствий и Губернских земских управ, а в уездах – из членов Уездных по крестьянским делам присутствий и Уездных земских управ. Координировать работу местных ведомств должны были министерство внутренних дел и министерство государственных имуществ. Согласно проекту Комиссии МВД сообщало в Губернские присутствия о количестве государственных земель, свободных для заселения, с точным обозначением размера и места расположения, а распределение между уездами производили бы Губернские присутствия. Уездные присутствия доводили бы до сельских обществ сведения о наличии переселенческого земельного фонда. Возрастала и роль сельских обществ: им разрешалось самостоятельно определять крестьянские семьи, имеющие право на переселение.

Материалы Комиссии были переданы специально созданному Совещанию сведущих людей. Совещание представляло собой собрание экспертов в области крестьянского земледелия и быта. На

основе дискуссий члены совещания высказались за возможно широкую и свободную постановку переселений, основанную «на признании права каждого на переход на новые места». Совещание указало на необходимость привлечения к заведению переселенческим движением в местах выхода земских учреждений. Государство, по мнению совещания, должно было считаться с фактом переселений, не пытаясь подчинить его каким-либо нормам и своей опеке [10, Л. 133].

Появление столь значительного государственного и общественного интереса к проблеме крестьянских миграций диктовалось все более усиливающимся потоком переселенцев. Вторая половина 80-х гг. XIX в. показывает, что переселенческое движение не только не сократилось, но и многократно выросло. Только через Тюменский переселенческий пункт прошли: в 1886 г. – 11862 переселенца, в 1887 – 13810, в 1888 – 26129, в 1889 – 28314, в 1890 – 33720, в 1891 – 67994 переселенца [1, С. 1-2].

Ограничение законных оснований для переселений выводило значительные массы крестьян из правового регулирования взаимоотношений с государством: они не могли законно получить землю, не платили текущие платежи по новому месту жительства, за ними сохранялись недоимки по прежнему месту проживания. Неопределенным был и их юридический статус, что позволяло старожилам, арендодателям нередко использовать в корыстных целях их юридическую незащищенность. При этом огромное большинство переселенцев проживало по просроченным паспортам и без всяких документов, продолжая числиться по месту приписки. Правительство вынуждено было считаться с фактом уже свершившегося переселения и устраивать переселенцев, прибывших на новые места и оказавшихся в неопределенном юридическом и бедственном материальном положении. В то же время Правительство не могло осуществить возвращение незаконных переселенцев на родину или отправить в отдаленные места Сибири, куда они первоначально направлялись. Поэтому оно вынуждено было издавать локальные акты, имевшие целью устройство поземельного быта незаконных переселенцев.

Вместе с тем МВД продолжало работу по подготовке материалов переселенческого закона, способного регулировать сложнейшие проблемы переселенческого процесса. Так, материалы, подготовленные Совещанием сведущих людей, в дальнейшем были разосланы МВД в губернии для получения мнений с мест. Обобщенные министерством отзывы губернаторов и разработанные проекты основных положений переселенческого дела были представлены в 1884 г. министром внутренних дел Д.А. Толстым Александру III и получили одобре-

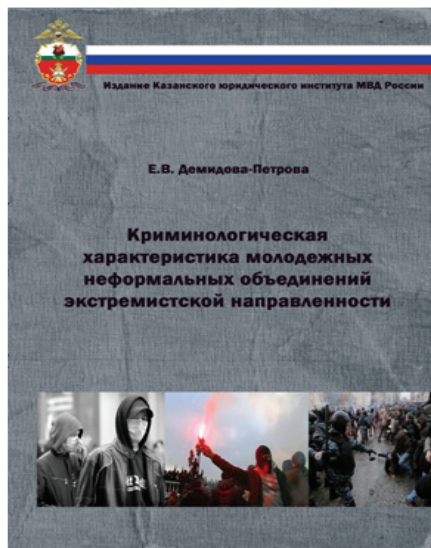
ние. Доклад Д.А. Толстого был положен в основу работы очередной комиссии при МВД под председательством заместителя министра В.К. Плеве. Таким образом, результатом работы комиссии стало создание законопроекта, регулирующего различные аспекты переселенческого дела, который был

одобрен императором и внесен на рассмотрение Государственного Совета. 13 июля 1889 г. вышел Закон о переселении и правила о водворении самовольных переселенцев, ставшие основополагающими документами в переселенческом деле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев А. А. Переселенческое дело с начала 80-х годов : Из речи, произнесенной 18 декабря 1894 г. на общем собрании Общества для вспомоществования нуждающихся переселенцам. СПб., 1895. 16 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 104.
3. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 404.
4. Очерк колонизации Северо-Восточного края. СПб., 1881. 40 с.
5. Плеве В. К. Современное положение переселенческого дела в России. Исторический очерк. СПб., 1903. 43 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. XII. №10834.
7. Понизович С. П. Анализ миграционной привлекательности территорий Дальнего Востока // Молодой ученый. 2016. №15.1. С. 68-71. URL : <http://moluch.ru/archive/119/33111/> (дата обращения : 20.09.2016).
8. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 354. Л. 24 (об).
9. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 10.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Демидова-Петрова Е.В.

Криминологическая характеристика молодежных неформальных объединений экстремистской направленности : учебное пособие / Е.В. Демидова-Петрова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 255 с.

В учебном пособии раскрываются понятие, признаки, показатели, причины экстремизма в молодежной среде; представлен криминологический анализ лиц – приверженцев молодежного экстремизма; рассматриваются молодежные экстремистские объединения, их сущность, направленность; проанализированы особенности общего (общесоциального) и специального предупреждения экстремизма в молодежной среде.

О.А. Ковалева

Л.К. Лёвина

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

INTERNATIONAL COPYRIGHT PROTECTION AND PRACTICE IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL USE OF INTELLECTUAL PROPERTY

Статья посвящена изучению вопроса, касающегося разработки общего правового режима пользования информацией в Интернет-среде, а также способов защиты авторских прав в этой среде. Авторами проводится анализ российского и международного законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности. Рассмотрена современная мировая судебная практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, защита авторских прав, информация, Интернет, международный опыт.

The article is concerned with the problem of the development of a broad legal regime of the using information and ways for defending copyright in the Internet. The Russian and international legislation in the sphere of intellectual property is analyzed in the given article. A world judicial practice of the fight against illegal use of intellectual property is also considered.

Key words: intellectual property, copyright, copyright protection, information, the Internet, international experience.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» - эта знаменитая фраза братьев Ротшильдов стала настоящим лозунгом каждого современного человека. И самым главным распространителем этой информации во всем мире стал именно Интернет. В настоящее время Глобальная сеть играет важную роль в жизни каждого общества. С каждым годом Всемирная паутина набирает все большую и большую популярность, и, возможно, это связано с тем, что Интернет предоставляет широкие возможности для получения, обмена и распростране-

ния всевозможной информации, которой, кстати, очень легко воспользоваться. К сожалению, люди очень легко пользуются той свободой, которая им предоставлена на просторах сети Интернет, этот фактор и влияет в дальнейшем на повсеместное нарушение авторских прав в этой сфере. Именно за счет чужого таланта создатели различных сайтов и форумов привыкли обогащаться.

Данная информационная сеть является глобальной, а значит, ею могут воспользоваться все без исключения люди на Земле. Практика пока-

Ковалева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург
e-mail: Radaurist@mail.ru

Лёвина Любовь Константиновна, студентка юридического факультета ФГБОУ «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург
e-mail: Levina_vp@inbox.ru

© Ковалева О.А., 2017

© Лёвина Л.К., 2017

Статья получена: 08.04.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

зывает, что полностью контролировать Интернет-среду невозможно, да и бессмысленно. И хотя данная проблема объединяет людей по всему миру, единого законодательного акта, который бы устанавливал общий правовой режим пользования информацией в сети Интернет и предусматривал ответственность за нарушение авторских прав на эту информацию, нет и по сей день. Именно поэтому правовому регулированию информационной среды на современном этапе развития общества необходимо уделять должное внимание со стороны государства в лице его компетентных органов и проводить целый ряд доработок в этой сфере.

Вопросами, связанными с защитой авторских прав в сети Интернет, занимались многие ученые, такие, например, как Н.И. Федоскина, В.Л. Михайликов, Н.Л. Сенников, Э.П. Гаврилов, Н.М. Коршунов, А.П. Сергеев, В.В. Старженецкий, А.К. Большова, Л.С. Симкин и др. [1, С. 452; 2, С. 25]. Однако данные ученые рассматривали эти вопросы в рамках гражданского права, исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, но не в рамках сферы информационных правоотношений. Не был до конца изучен вопрос законодательного закрепления прав граждан на защиту авторских прав в Интернете, и в том числе общий правовой режим пользования информацией во Всемирной сети. И в данной статье авторы уделили внимание изучению именно этого вопроса.

Наиболее известными международными нормативными правовыми актами, связанными с авторским правом является Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года и Всемирная конвенция об авторском праве. Впрочем, и в этих законодательных актах не уделяется внимание вопросу защиты авторских прав в сети Интернет. Возможно, этот факт и влияет на то, что на просторах Интернет-среды можно найти что угодно, включая научные работы, аудио - и видеозаписи. Безнаказанность, отсутствие видимых барьеров и ограничений в использовании информации - вот, что движет людьми.

В 1996 году Российская Федерация ратифицировала два Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), так называемые Договоры в области Интернета. Это Договор ВОИС по авторскому праву и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, которые устанавливают основные стандарты охраны авторского права и смежных прав в цифровой среде. Так, данные договоры ввели новое понятие - «информация об управлении правами». Ее наличие позволяет с уверенностью говорить о том, что автором произведения, исполнителем, производителем фонограмм, иным правообладателем является

определенное лицо. К тому же наличие указанной информации позволит облегчить процесс поиска и отслеживания охраняемого объекта авторского права в сети Интернет. Такой информацией могут служить: электронно-цифровая подпись, знак © с указанием имени автора и т.п. [3, С. 197].

Статья 12 Договора ВОИС по авторскому праву обязывает стран-участниц принять необходимые меры против лиц, которые без разрешения удаляют или изменяют такую информацию либо распространяют, импортируют в целях распространения, сообщают для всеобщего сведения и т.д. Размещение информации об управлении правами осуществляется исключительно по желанию самого автора и не может являться условием предоставления охраны [4, С. 205].

Однако, наряду с тем, как специалисты придумывают новые и новые способы защиты авторских прав, юзеры в свою очередь ухищряются придумывать новые технологии, позволяющие правонарушителям обойти эти способы и совершить незаконное присвоение этих прав. В настоящее время существует большое количество программ, распространяющих контрафактный материал. Достаточно крупными источниками распространения контрафактного материала в сети Интернет являются социальные сети, которые содержат большую аудиторию пользователей. Например, Facebook - крупнейшая в мире социальная сеть, содержащая огромное количество аудиовизуальных произведений, которые распространяются нелегально, в результате чего известные медиакомпании терпят большие убытки. То же самое происходит и с таким веб-сайтом, как «ВКонтакте». Так, в июне 2013 года с его ресурса были изъяты работы целого ряда исполнителей, но уже в течение следующих суток загружены обратно, конечно же, под измененными названиями. И теперь правообладателям придется крайне тяжело доказать, чьи на самом деле эти произведения. Подобных примеров по всему миру очень много, и бороться с этим в силу ряда причин крайне сложно. Во-первых, если мы говорим о нарушении авторских прав, то необходимо говорить и о наказании за такое нарушение. В частности, применить такую санкцию, как закрытие социальных сетей. Во-вторых, сталкиваясь с распространением авторского материала, будет сложно определить, кто явился инициатором этого распространения - Павел Дуров и Марк Цукенберг или же простые пользователи, кого следует привлекать к ответственности?

Все эти проблемы необходимо решать на глобальном уровне, путем внесения дополнений в международные правовые акты, действующие

в настоящий момент, а также принятия единого международного правового акта в сфере информационных, авторских и смежных прав в сети Интернет. Если объединить все правовые и неправовые способы защиты нарушенных авторских прав в единый международный документ, то через некоторое время мы сможем добиться успеха в борьбе с киберпреступностью.

Следует рассмотреть и более богатый опыт зарубежных стран. Так, в Евросоюзе действует директива Европейского Союза 2001/29/ЕС (European Union Copyright Directive 2001/29/ЕС), в США - это Закон об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act (DMCA)). Оба этих нормативных акта представляют собой олицетворение концепции «вторичной ответственности» и создают для информационных посредников так называемую «зону безопасности». Так, в соответствии с Законом США информационный посредник освобождается от ответственности за размещенный нарушителем материал в сети в следующих случаях: во-первых, если он не знал, что контент нарушает права и интересы третьих лиц; во-вторых, если он не знает о фактах или обстоятельствах, свидетельствующих о деятельности, нарушающей права третьих лиц, и при получении такой информации предпринял все необходимые действия для удаления или прекращения доступа к контенту; в-третьих, если он не получает никакой финансовой выгоды, связанной с деятельностью, нарушающей права. Также, согласно Закону об авторском праве в цифровую эпоху, ответственность информационного посредника снимается за «кэширование», под которым понимается временное изготовление дополнительной идентичной копии файла или их группы в целях обеспечения ускоренного доступа к нему пользователей [5, С. 156]. Авторы считают, что установление условий освобождения информационного посредника от ответственности в Законе США является целесообразным, поскольку сохраняется баланс интересов правообладателей, пользователей и информационных посредников.

А теперь обратимся к современной мировой судебной практике борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет.

В частности, 13 сентября 2012 года в городе Бельфор на северо-востоке Франции был вынесен первый судебный приговор по системе HADOPI. HADOPI - Комитет по распространению произведений литературы, науки и искусства и защите авторских прав в сети Интернет. Целью данного Комитета является борьба с «пиратским» контентом в Глобальной сети. Так, пользователю делает-

ся три предупреждения, после чего к нему могут быть применены определенные санкции, среди которых штраф и ограничение доступа к Интернету. Согласно решению суда, нарушитель авторских прав был приговорен к штрафу в 1500 евро, при этом изначальные требования были уменьшены в десять раз. Особенностью этого дела, помимо того, что оно является первым после создания во Франции системы «трех предупреждений», является и подход, который был избран судом для определения субъекта ответственности, в частности, к ответственности будет привлекаться не само ответственное лицо, а лицо, на которое зарегистрировано подключение [6].

Communications Data Bill - новый законопроект Великобритании, предназначенный для обновления существующих процедур предоставления доступа к информации (к номерам телефонов, адресам электронной почты). К примеру, в его рамках правоохранительные органы не имеют право прослушивать и просматривать содержимое разговоров без судебного ордера [7]. Важно отметить и тот факт, что правоохранительные органы Великобритании для осуществления этих процедур привлекают провайдеров, которые активно им содействуют.

В свою очередь мифом об Интернете является его анонимность, т.е. невозможность без определенных правовых средств идентифицировать личность пользователя сети. В Южной Корее долгое время действовал закон, который требовал от интернет-пользователей использовать реальные имена в сети. Однако данный закон действовал недолго и был отменен Конституционным судом страны [8].

На взгляд авторов, отсутствие анонимности в сети позволило бы решить многие правовые вопросы, в том числе возможность безошибочно определить субъекта ответственности, в глобальном же плане - повысить прозрачность Интернета в целом.

В России, к сожалению, пока не разработаны такие масштабные программы борьбы с повсеместным нарушением авторских прав в сети Интернет. Так, к примеру, аудио - видеопроизведения в России защищаются с помощью так называемых «водяных знаков» - элементов в графическом цифровом файле, используемых для идентификации владельца авторских прав [9, С. 204]. Кроме того, водяной знак помогает защитить произведение от каких-либо изменений в нем.

Несомненно нестандартным предложением можно назвать законопроект депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которые предложили внести изменения в ФЗ от

7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» и статью 1245 ГК РФ. Изменения касались введения сбора с операторов связи в размере 2% от их дохода, носящего компенсаторный характер за скачивание пиратского материала из сети Интернет. Данный законопроект не был принят, возможно, в связи с тем, что не регулировал вопросы ответственности правонарушителей за нарушения авторских прав.

Позднее депутатами был подготовлен проект Федерального закона «Об охране авторских и смежных прав в сети Интернет», смысл которого заключался в урегулировании общественных отношений, возникающих в процессе использования объектов авторского и смежного права в информационной сети. Проект также перечислял обязанности пользователей и провайдеров, возникающих при осуществлении доступа в Интернет, предусматривал соответствующую ответственность. Однако и этот законопроект не был одобрен в связи с несоответствием техническим реалиям.

2 июня 2013 года Федеральным законом № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельных законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» была дополнена часть четвертая ГК РФ статьей 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника», которая регулирует особенности ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет.

Прорывом в развитии российской правовой системы в сфере защиты прав авторов в сети Интернет является появление в 2013 году в законодательной базе Российской Федерации Федерального закона N 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», который направлен на защиту интеллектуальных прав. Закон подразумевает по требованию правообладателя возможность блокировки сайтов, содержащих нелицензионный контент. Однако сперва правообладатель должен будет доказать, что обладает авторскими правами в отношении того контента, который был размещен в сети и который он намеревается удалить. Также закон предписывает всем владельцам сайтов размещать на своем ресурсе контактную информацию: наименование, место нахождения, адрес электронной почты. Это необходимо для того, что правообладатели могли в досудебном порядке удалить или заблокировать свои авторские произведения. В частности, в случае необходимости владелец сайта обязан будет исполнить это требование в течение одного дня с момента, как на указанный адрес

поступило уведомление от правообладателя. В обратном случае Роскомнадзор вправе потребовать от провайдеров заблокировать доступ к такому ресурсу в течение трех рабочих дней.

На взгляд авторов, федеральный закон № 187-ФЗ является очень удачным продуктом нормотворческой деятельности законодательных органов. Те требования, которые предусмотрены в законе, позволяют выявить правонарушителя и привлечь его к ответственности за нарушение интеллектуальных прав и, что еще важнее, защитить самого правообладателя.

В частности, защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации предусмотрена общими нормами Гражданского кодекса РФ в статье 12 - признание права, самозащита права, возмещение убытков, компенсация морального вреда и т.д. Что касается непосредственно отношений по использованию произведений науки, литературы и искусства, то их защита предусмотрена статьей 1299 ГК РФ, в которой указаны технические средства защиты авторских прав, к которым относятся любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения. Однако данные меры носят общий характер и не предусматривают особенности защиты прав автора в Интернет среде.

Несомненным плюсом в данной сфере являются разработанные законодателем внесудебные меры по прекращению нарушения авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. Такие меры предусмотрены в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который, на взгляд авторов статьи, является не менее удачным результатом нормотворческой деятельности органов законодательной власти РФ. Так, Федеральным законом от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ были дополнены положения ФЗ N 149 статьей 15.7, предоставляющей правообладателям с 1 мая 2015 года в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, объектов авторских и смежных прав право обратиться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с заявлением о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим

такие объекты или информацию, на основании вступившего в силу судебного акта. После чего владелец сайта в сети Интернет в течение двадцати четырех часов с момента получения заявления удаляет указанную информацию. Однако данное положение распространяется на правообладателя, получившего исключительную лицензию на объект авторских или смежных прав.

Что касается рассмотрения дел, связанных с защитой авторских прав в сети Интернет, то в настоящее время такая подведомственность четко не определена в законе. В частности, в Арбитражном процессуальном кодексе РФ в статье 33 определена специальная подведомственность дел арбитражным судам, к которым относится рассмотрение дел по спорам о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами. В статье 34 АПК рассматривается подсудность дел суда по интеллектуальным правам в качестве арбитражного суда первой инстанции, среди которых также отсутствуют дела о защите интеллектуальных прав в сети Интернет. Аналогичные положения содержатся в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в статье 43.4. Получается, что в действующем процессуальном законодательстве отсутствуют положения, регулирующие порядок рассмотрения такой категории дел, как дела по спорам о защите интеллектуальных прав в сети Интернет. В частности, из-за отсутствия четкой подсудности дел в случае возникновения спора на объект авторских или смежных прав граждане не будут знать, куда и в каком порядке обратиться за защитой своих нарушенных прав.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного в результате анализа российского и международного законодательства в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности, авторами определены следующие способы защиты авторских прав в сети Интернет:

1. Предписание всем владельцам сайтов размещать на своем ресурсе «информацию об управлении правами», которая позволит с уверенностью говорить о том, кто именно является правообладателем того или иного результата интеллектуальной деятельности. А также введение обязательной регистрации с сохранением своей контактной информации для всех посетителей сайтов. Так, отсутствие анонимности в сети позволит решить многие правовые вопросы, в том числе возможность безошибочно определить

субъекта ответственности, и повысить прозрачность Интернета в целом.

2. Реализация концепции «вторичной ответственности», которая создает для информационных посредников так называемую «зону безопасности». В частности, при наличии определенных условий информационный посредник освобождается от ответственности за размещенный нарушителем материал в сети. Авторы считают, что это является целесообразным, поскольку сохраняется баланс интересов и правообладателей, пользователей и информационных посредников.

3. Создание Комитета по распространению результатов интеллектуальной собственности в информационной сети и защите авторских прав, целью которого является борьба с «пиратским» материалом в Глобальной сети.

4. Введение для всех объектов интеллектуальной собственности специальных средств защиты - так называемых «водяных знаков», необходимых для идентификации владельца авторских прав.

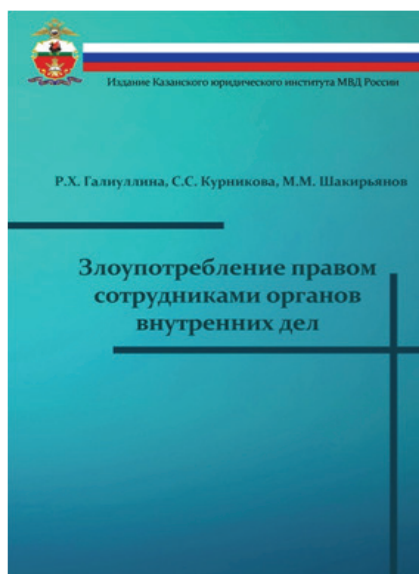
5. Введение специального сбора для всех посредников, размещающих пиратский материал в сети Интернет. Данная мера носит компенсационный характер для правообладателей, чьи права были нарушены незаконным размещением такого материала.

Таким образом, авторы приходят к следующему заключению - для Российской Федерации был бы полезным опыт международных стран в сфере охраны результатов интеллектуальной собственности. Так, можно принять во внимание все вышеперечисленные способы защиты авторских прав в сети Интернет и перенести их в российскую правовую систему. Данный опыт поможет наиболее грамотно и эффективно сформировать правовые механизмы защиты авторских прав и, соответственно, повысить уровень Российской Федерации как правового демократического государства. Также в целях совершенствования правоприменительной практики в сфере защиты авторских прав авторы предлагают дополнить пункт 4 статьи 34 Арбитражного процессуального кодекса РФ подпунктом 3, а также пункт 1 статьи 43.4 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» подпунктом 3 следующей категорий дел: дела о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности средства индивидуализации, размещаемые в сети Интернет, это позволит установить четкую подсудность данной категории дел и соответственно упростить процедуру защиты нарушенных прав граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коршунов Н.М., Эриашвили Н.Д. Право интеллектуальной собственности : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
2. Михайликова В.Л. Формы защиты авторских прав // Научные ведомости. Белгород : БелГУ, 2010. № 2.
3. Путилин А.Б. Правовое обеспечение информационных технологий : учеб. пособие. М.: МГОУ, 2011.
4. Наумов В.Б. Право и интернет : очерки теории и практики : учебник. М. : Университет, 2008.
5. Серго А.Г. Интернет и право : учебник. М. : Бестселлер, 2003. 272 с.
6. Сенников Н.Л. Об ответственности в праве интеллектуальной собственности // Российский судья. М. : Юрист, 2008. № 2.
7. Во Франции присудили первый штраф по новому закону о пиратстве [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.lenta.ru/news/2012/09/13/lepirate/_Printed.htm.
8. Wikipedia выразила протест против нового «шпионского» закона Великобритании [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.securitylad.ru>.
9. Суд отменил действие закона «о реальных именах в Сети» в Корее [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.securitylad.ru/news/428763php?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter.
10. Том Э. Цифровая фотография : учебник. М. : Астрель, 2005.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Галиуллина Р.Х.

Злоупотребление правом сотрудниками органов внутренних дел : учебное пособие / Р.Х. Галиуллина, С.С. Курникова, М.М. Шакирьянов. - Казань : КЮИ МВД России, 2016. - 70 с.

Учебное пособие посвящено изучению социально-правовой детерминации злоупотребления правом при осуществлении сотрудниками органов внутренних дел своих должностных обязанностей. Авторы учли теоретический опыт изучения этого правового явления в отечественной и мировой цивилистике, выявили и классифицировали основания (объективные и субъективные) возникновения злоупотребления правом в деятельности сотрудников органов внутренних дел, предложили собственные объяснения причин, создающих правовую основу для возникновения «злоупотребления правом», а также предложили внести изменения

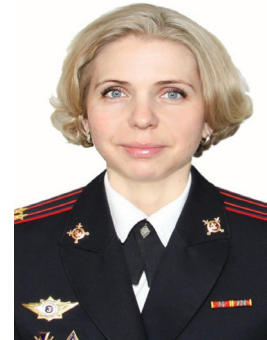
в действующее законодательство с целью устранения пробелов и коллизий, способствующих возникновению «злоупотребления правом».

УДК 342.951

Е.В. Кашкина

**ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ПРИНЦИП
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ,
ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**INDIVIDUALIZATION AS A PRIORITY PRINCIPLE
OF AN ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF THE PERSONS
RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY**

В статье анализируется законодательство, нормы которого свидетельствуют о наличии признаков индивидуального подхода к лицу, освобожденному из мест лишения свободы, при решении вопроса об административном надзоре, выборе административных ограничений и сроков надзора. Обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа индивидуализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также некоторых критериев, определяющих данный принцип.

Ключевые слова: административный надзор, поднадзорное лицо, административные ограничения, злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания, ресоциализация поднадзорного лица.

The article deals with the analysis of the legislation containing the signs of individual approach to the person released from places of deprivation of liberty in terms of choosing the administrative restrictions, administrative supervision and period of supervision. The necessity of the legitimization of individualization as a principle of administrative supervision of the persons released from places of deprivation of liberty is justified by the author. Some criteria for this principle are also considered in the present article.

Key words: administrative supervision, supervised person, administrative restrictions, malicious infringer of the established order of serving of punishment, resocialization of the supervised person.

Институт административного надзора в различных проявлениях (например, полицейский надзор) существовал во многих правовых системах задолго до его современного воплощения. Свое нормативное закрепление административный надзор как оформившийся институт получил в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI (далее Указ Президиума ВС СССР) [1]. Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие в содержании указанного правового акта принципов рассматриваемого института, некоторые советские ученые, например А.С. Бондаренко, в своих исследованиях выделяли следующие принципы [2, С. 8]:

- социалистическая законность;
- социалистический гуманизм;
- сочетание убеждения и принуждения;
- участие общественности в осуществлении надзора;
- индивидуальный подход к поднадзорным;
- привлечение поднадзорных к общественно полезному труду;

- гласность административного надзора.

Как утверждает А.Д. Никитин, некоторые из перечисленных принципов - общеправовые, а отдельные специальные принципы ныне неприменимы к административному надзору, которому свойственны или должны быть свойственны и иные специальные принципы. К ним должны быть отнесены следующие специальные принципы: криминологическая обоснованность, индивидуализация и дифференциация, экономия принудительных средств, гласность [3, С. 65].

Разделяя мнение А.Д. Никитина о необходимости разграничения принципов административного надзора, полагаем, что принцип индивидуализации для рассматриваемого института является основным принципом, идеей которого пронизан Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ [4] (далее – ФЗ № 64). Анализируя положения ФЗ № 64, можно предположить, что принцип индивидуализации административного надзора характеризуется следующими составляющими:

1. Фактом установления, продления и досроч-

Кашкина Екатерина Валерьевна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВППК МВД России

e-mail: 000049@bk.ru

© Кашкина Е.В., 2017

Статья получена: 17.06.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ного прекращения административного надзора.

2. Сроками административного надзора.

3. Административными ограничениями, устанавливаемыми судом в отношении поднадзорного лица.

4. Индивидуальной профилактической работой, проводимой органами внутренних дел с поднадзорным лицом.

Безусловно, принцип индивидуализации непосредственно связан с административными ограничениями, устанавливаемыми в отношении поднадзорного лица и закрепленными в ч. 1 ст. 4 ФЗ №64. Право выбора ограничений предоставляется исправительному учреждению и органу внутренних дел (ст. 271 КАС России), а право установления – суду, который при рассмотрении административного дела не связан с изложенным в исковом заявлении мнением истца о сроках и видах административных ограничений (п. 8 ст. 272 КАС России).

В силу того что законодательно не определены критерии, исходя из которых следует устанавливать те или иные ограничения (ст. 271 КАС России), можно лишь предположить, что их выбор как истцами, так и судом зависит от обстоятельств дела, отраженных в материалах и документах, предоставляемых истцами. Предпримем попытку разделить данные обстоятельства на несколько групп:

1. Сведения о личности поднадзорного лица, его здоровье, образе жизни и поведении, в том числе и в период отбывания наказания, семейном положении, иные сведения, характеризующие лицо и имеющие значение для рассмотрения дела.

2. Характер и степень опасности совершенного поднадзорным преступления, обстоятельства его совершения и иные сведения, имеющие значение для рассмотрения дела.

3. Сведения о трудоустройстве и иного вида деятельности, в том числе и обучении, временных рамках ежедневной трудовой занятости и/или обучения (график работы и/или учебы), удаленности места работы/учебы от постоянного места жительства (пребывания) поднадзорного лица.

4. Место постоянного жительства или пребывания поднадзорного лица, его удаленность от органа внутренних дел.

Перечисленные нами обстоятельства носят субъективный характер и не являются обязательными для принятия их в качестве каких-либо критериев.

Для полного раскрытия принципа индивидуализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, необходимо обратить внимание на сам перечень административных ограничений. Анализ ФЗ № 64 и его сопоставление с ранее действовавшим Указом Президиума ВС СССР свидетельствует о дублиро-

вании указанных ограничений, которые, по нашему мнению, являются размытым и не несут в себе детализацию правоограничений, возлагаемых на поднадзорное лицо. Тем не менее, содержащееся в ст. 3 Указа Президиума ВС СССР требование о применении ограничений в зависимости от образа жизни, семейного положения, места работы и других обстоятельств, характеризующих личность поднадзорного, полностью компенсировало указанный выше недостаток в перечне ограничений. В действующем на сегодняшний день Федеральном законе № 64 подобное требование, как и сам принцип индивидуализации, отсутствует.

Нередко установленные законодателем административные ограничения вызывают немало споров и противоречий, что на практике приводит к казусным ситуациям.

Например, запрещение пребывания в определенных местах. К сожалению, законодатель не определяет, какие именно места запрещено посещать поднадзорному лицу. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 22 (далее Постановление Пленума ВС РФ) сказано о необходимости индивидуального подхода при выборе административных ограничений. Так, если лицо осуждалось за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения или в период отбывания наказания подвергалось взысканиям за употребление алкогольных напитков в исправительном учреждении, целесообразно рассмотреть вопрос о применении административных ограничений, запрещающих его пребывание в местах общественного питания, где осуществляется продажа спиртных напитков [5]. Можно предположить, что в исковом заявлении должно быть указано:

- конкретные места, в которых запрещено пребывать поднадзорному лицу;
- границы места;
- время запрещения пребывания;
- наименование объекта (его адрес).

Подобное предложение выглядит абсурдным, так как не представляется возможным описать все места, где запрещено пребывать поднадзорным лицам. Так, если административный надзор установлен в отношении лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), необходимо перечислить все парки, сады, организации, детские площадки и иные места пребывания детей в том или ином населенном пункте, так как передвижение поднадзорного лица не ограничивается рамками административного участка. Указанный перечень будет довольно внушительных размеров, если говорить даже о малых населенных пунктах, а в случае крупных городов составить подобный перечень не представляется возможным.

Очевидно, что нельзя запретить или ограничить пребывание поднадзорного лица в местах, связанных с жизнедеятельностью граждан (лечебные организации, организации торговли, бытового обслуживания).

Запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях. Отметим, что в Указе Президиума ВС СССР данное ограничение отсутствовало. По мнению А.И. Абатурова, проведение сравнительного анализа постпенитенциарного надзора в государствах - участниках СНГ показывает, что Россия пошла по пути ужесточения административного надзора в части увеличения количества ограничений и дополнительно включила запрещение поднадзорному посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них [6]. Рассматриваемое ограничение является следствием первого, при этом оно, на наш взгляд, представляется наиболее конкретизируемым. В том случае, если имеются основания полагать, что у поднадзорного возникнет возможность совершения преступлений и других правонарушений во время проведения массовых и иных мероприятий, исходя из характеристики его личности, наиболее эффективным с профилактической точки зрения является установление указанного ограничения.

При выборе такого ограничения, как запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток, необходимо учитывать:

- место и режим работы и/или учебы поднадзорного лица;
- время следования на работу и/или учебу и обратно к месту жительства.

Полагаем, что решать вопрос о выборе данного ограничения возможно лишь при установлении административного надзора по месту жительства поднадзорного лица. Считаем дискуссионным мнение А.Д. Никитина, утверждающего, что при установлении административного надзора судом по месту отбывания наказания, не видя осужденного, можно определить сферу возможной трудовой деятельности поднадзорного, как и дать точный прогноз относительно его дальнейшего поведения [3, С. 65]. Не отрицаем, что суд и исправительное учреждение обладают определенным объемом сведений для установления надзора судом по месту нахождения исправительного учреждения. Однако считаем, что более полной информацией о постпенитенциарных условиях нахождения поднадзорного, его социальной адаптации и иных факторах, определяющих его намерения совершать противоправные деяния, облада-

ют органы внутренних дел по месту жительства данного лица, что и является одним из основных условий выбора рассматриваемого ограничения.

В зависимости от образа жизни и поведения поднадзорного лица, соблюдения им административных ограничений законодатель предоставляет возможность корректировки установленных ограничений (ч. 3 ст. 4 ФЗ № 64).

Корректировке (продлению) подлежат и сроки административного надзора (ч. 2 ст. 5 ФЗ № 64), которые также свидетельствуют об индивидуальном подходе к поднадзорному лицу. Однако при анализе Федерального закона № 64 становится очевидным аналогичное административным ограничениям отсутствие каких-либо критериев, которыми должен руководствоваться суд при установлении сроков административного надзора. Законодатель в рассматриваемых положениях ФЗ № 64 закрепляет лишь перечень административных ограничений и временные рамки сроков, при этом не делает разграничений между злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и лицами, в отношении которых административный надзор устанавливается по инициативе органов внутренних дел.

Говоря о личности поднадзорного лица, в частности о злостном нарушителе установленного порядка отбывания наказания, отметим, что им признается лицо, совершившее нарушения, предусмотренные частями первой и второй ст. 116 УИК России, при условии назначения ему взыскания. Согласно нормам УИК России, если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не будет подвергнут новому взысканию, он считается не имеющим взыскания (ч. 8 ст. 117 УИК России). Однако формулировка п. 1 ч. 3 ст. 3 ФЗ № 64 позволяет устанавливать административный надзор при наличии самого факта признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, пренебрегая положением ч. 8 ст. 117 УИК России. Тем самым законодатель заранее предопределяет неспособность лица к исправлению и перевоспитанию, обязывая претерпевать ограничения конституционных прав и свобод.

Если мы обратим внимание на цель административного надзора, регламентированную указом Президиума ВС СССР, то ею являлось именно предупреждение преступлений и оказание на лиц, освобожденных из мест лишения свободы, необходимого воспитательного воздействия. Сегодня наиболее приоритетной будет являться цель ресоциализация поднадзорного лица.

Если говорить о вопросе исправления (перевоспитания) поднадзорного лица, то само законодательство допускает данный факт, регламентируя

в ч. 2 ст. 9 ФЗ № 64 досрочное прекращение административного надзора и снятие части административных ограничений. Помимо этого, можно отметить и стимулирование законодателем правопослушного поведения поднадзорного лица, добросовестного соблюдения им ограничений и выполнения обязанностей, регламентированных законодательством. Иными словами, в Федеральном законе № 64 закрепляется право корректировки осуществления административного надзора и сопутствующих ему ограничений.

Доказательством наличия признаков индивидуализации является и проводимая органами внутренних дел профилактическая работа с поднадзорным лицом (п. 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ № 64), механизм которой раскрывается в ведомственных актах, в частности в Положении об осуществлении административного надзора [7]. Представляется, что выбор профилактических мер, направленных на предотвращение повторных преступлений, должен зависеть от причин и условий, способствующих противоправному поведению поднадзорного лица, в составе которых Н.В. Темникова выделяет [8, С. 113]:

- причины экономического характера;
- социально-психологические причины;
- организационно-правовые причины и условия.

Индивидуальная профилактическая работа должна быть направлена на устранение причин и условий, побуждающих поднадзорное лицо к совершению противоправных деяний. Однако административный надзор в той форме, в которой он существует на сегодняшний день, не способствует нейтрализации негативных причин и условий. На наш взгляд, он является неким сдерживающим фактором лишь на определенный законодателем срок. При таком одностороннем подходе, как справедливо отмечает Н.В. Темникова, эффективность административного надзора и достаточность временных ограничений вызывают сомнение [8, С. 142]. Существует необходимость в разработке комплекса мер и механизма их реализации, направленных на поддержку поднадзорных лиц со стороны государства, оказание содействия им в социальной адаптации к современным реалиям.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что содержание принципа индивидуализации административного надзора вытекает из косвенных признаков, закрепленных в положениях ФЗ № 64, включающих совокупность ограничений, профилактических и иных мер сдерживающего характера, направленных на недопущение совершения лицом повторных преступлений.

На наш взгляд, необходимо внесение ряда изме-

нений в ФЗ № 64 для наиболее полного раскрытия принципа индивидуализации, содержание которого мы видим в следующем – это учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности лица, освобожденного из мест лишения свободы, его окружения, поведения и иных характеризующих обстоятельств, позволяющих посредством установления административного надзора осуществлять профилактическое воздействие на поднадзорное лицо с целью предупреждения повторных преступлений и реализации мер, направленных на ресоциализацию поднадзорного лица, стимулирование его к правопослушному поведению.

Заметим, что ни дублирование в ФЗ № 64 требования, ранее закрепленного в Указе Президиума ВС СССР, ни рекомендации в постановлении Пленума ВС РФ не позволят в полном объеме регулировать процесс осуществления административного надзора, а затронут лишь одну его составляющую – административные ограничения.

Таким образом, во избежание субъективного толкования норм Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предлагаем внести следующие изменения и дополнения в рассматриваемый нормативный акт:

- закрепить принцип индивидуализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, раскрыв его содержание;
- дополнить цель административного надзора – оказывать помощь в ресоциализации (социальной адаптации) поднадзорного лица;
- более детально изложить административные ограничения;
- определить критерии выбора и установления административных ограничений, а также сроков административного надзора.

Помимо этого, предлагаем разработать и внедрить стратегию индивидуальной профилактической работы, исходя из личности поднадзорного лица, его социально-экономического статуса и иных характеризующих особенностей.

Указанные меры позволят оказать содействие в социальной адаптации и трудоустройстве поднадзорного лица, выработать методику проведения с ним индивидуальной профилактической работы, спрогнозировать противоправное поведение, что, как следствие, должно привести к сокращению числа рецидивной преступности, повышению чувства защищенности не только у правопослушных членов общества, но и у самих лиц, в отношении которых установлен административный надзор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. N 5364-VI [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения : 14.05.2016).
2. Бондаренко А. С. Административный надзор за освобожденными из ИТУ лицами и его эффективность (основные вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973. С. 29.
3. Никитин А. Д. Специальные принципы постпенитенциарного административного надзора // Вестник Томского государственного университета. Сер. : Право. 2014. №1 (11). С. 63-69.
4. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения : 03.05.2016).
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 22 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения : 18.05.2016).
6. Абатуров А. И. Сравнительный анализ законодательств России и государств-участников СНГ в области постпенитенциарного надзора // Российский следователь. 2012. № 11. [Электронный ресурс] URL : <http://www.center-bereg.ru/m923.html> (дата обращения: 18.05.2016).
7. О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения : 20.05.2016).
8. Темникова Н.В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 204.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Панасик Н.В.

Тактико-специальная подготовка : курс лекций / Н.В. Панасик. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 292 с.

В курсе лекций изложены теоретические понятия и даны практические рекомендации по разделам «Топографическая подготовка сотрудников ОВД» и «Действия сотрудников ОВД в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени», предусмотренные примерной программой учебной дисциплины «Тактико-специальная подготовка».

Ф.Ф. Фаткуллин

А.А. Фазлиев

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ САНКЦИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ
В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**COLLECTIVE SANCTIONS IN INTERNATIONAL LAW AS LEGAL
AND INSTITUTIONAL COERCIVE MEASURES TO INTERNATIONAL ORGANIZATIONS**

В данной статье представлен обзор мнений международников-правоведов по актуальным международно-правовым феноменам, связанным с международно-правовой ответственностью международных организаций. В частности, рассматривается проблематика привлечения международных организаций к нематериальной международно-правовой ответственности в таких формах, как ресторация, сатисфакция, а также заверения и гарантии неповторения.

Ключевые слова: международная правовая ответственность, международные санкции, принудительные меры, ресторация, сатисфакция, заверения и гарантии неповторения, контрмеры.

The article is devoted to the overview of the urgent international legal phenomena, connected with the international law responsibility of the international organizations. Particularly, such forms of non-material international legal responsibility as restoration, satisfaction, assurance and assurance of non-repetition are considered.

Key words: international legal responsibility, international sanctions, coercive measures, restoration, satisfaction, assurance, assurance of non-repetition, countermeasures.

В настоящее время определение (понимание) санкций как принудительных мер, применяемых с использованием институционально-правового механизма международной организации к государству-правонарушителю, находит все более широкое признание [1].

Институционально-правовые меры санкционного принуждения применяются по решению международной (межправительственной) организации. Они могут быть содержательно внутриорганизационными и внешними [2]. Под внутриорганизационными мерами принято понимать меры, принимаемые в отношении государства - члена организации, которые по своей сути направлены

на ограничение его деятельности в рамках организации. А внешние меры определяются как меры, принимаемые в отношении государства, не являющегося членом организации, направленные на ограничение экономической, политической, военной или иной деятельности с государствами - членами организации [3].

В международном праве институт санкций является одной из наиболее распространенных форм международно-правовой ответственности государств, которая наступает в результате нарушения ими общепризнанных норм международного права, имеющих неоспоримое значение для всего современного мирового сообщества. Институт

Фаткуллин Феликс Фиданевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
тел. 89172696590

Фазлиев Амир Азатович, курсант КЮИ МВД России

© Фаткуллин Ф.Ф., 2017

© Фазлиев А.А., 2017

Статья получена: 23.11.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

санкций затрагивает, во-первых, сущностные (глубинные по своей природе), а во-вторых, крайне многообразные в содержательном отношении стороны международной деятельности государств - от дипломатических отношений (возможность сокращения персонала посольств, отзыва послов, ограничение передвижений и т.д.) до духовно-культурной сферы (прекращение обменов, отказ в допуске на престижные мероприятия, например, на Олимпийские игры и др.). В отличие от дипломатических или политических средств воздействия, направленных, прежде всего, на снижение легитимности или авторитета страны-нарушительницы, экономические санкции, к примеру, призваны побудить ее отказаться от осуждаемых действий посредством нанесения ей значимого материального ущерба.

Следует при этом иметь в виду, что санкции, как правило, не должны носить превентивного действия; их цель, и это следует подчеркнуть особо, - защита и восстановление уже нарушенных прав субъектов международного права. При этом никакие ссылки на национальные интересы государства в качестве оправдания применения подобного рода санкций не предполагаются и, следовательно, не допускаются.

Собственно сама международно-правовая ответственность не имеет своей целью в первую очередь применение средств принуждения, поскольку международное правонарушение порождает лишь так называемую первичную ответственность, состоящую в обязанности восстановить нарушенное право. И только в случае отказа выполнить эту обязанность наступает вторичная ответственность - за нежелание восстановить нарушенное право. При этом принуждение должно быть правомерным как по основанию и цели, так и по методу и объему. Правомерность принуждения в подобном случае определяется, прежде всего, по критерию соответствия основным целям и принципам международного права.

В научной среде существуют, однако, расхождения в интерпретации того, что представляют собой международно-правовые санкции.

Так, В.А. Василенко относит к санкциям все виды правомерного принуждения, осуществляемого как государствами, так и международными организациями. По его мнению, основными элементами международно-правовых санкций «стали: реторсии; репрессалии (исключительно невооруженные); самооборона; коллективные невооруженные и вооруженные принудительные меры, осуществляемые международными организациями» [4].

Более «узкое» понимание международно-правовых санкций как мер принуждения, осуществляемых международными организациями, приводит Т.Н. Нешатаева. Она, как большинство

ученых-международников, считает, что под санкциями следует понимать «все меры охраны международного правопорядка, закрепленные в нормах международного права, носящие принудительный характер и применимые в случае правонарушений к государству-делинквенту с помощью институционального механизма международных организаций» [5].

Однако у вышеприведенного понимания санкций есть и оппоненты. Так, например, П. Курис считает, что, «следуя такому пониманию, надо было бы оставить за пределами понятия «санкции» все формы индивидуального государственного принуждения...». Однако именно в этом как раз и видится задача проведения различия между применяемыми международными организациями санкциями и «формами индивидуального государственного принуждения». В качестве аргумента в обоснование своей позиции автор констатирует, что подобное понимание может создать иллюзию, будто нормы международного права по существу не обеспечены санкциями [6]. Оппонируя, И.И. Лукашук замечает, что «речь идет лишь о терминологии, а не об отрицании права государств принимать меры принуждения в случае правонарушения» [7].

В настоящее время понимание санкций как принудительных мер, применяемых с использованием институционального механизма международных организаций к государству-правонарушителю, находит все более широкое признание [8].

Анализ текущей практики применения Советом Безопасности санкций позволяет говорить о следующих тенденциях:

- Смещения в выборе тех или иных форм осуществления санкций в пользу тех, которые носят целенаправленный и избирательный характер. Так, например, можно указать на такие формы как частичное эмбарго, замораживание средств и иных экономических ресурсов объекта санкций. Совет Безопасности использует в своей практике эмбарго на поставки оружия, нефти и нефтепродуктов, оборудования для переработки и транспортировки нефти. Введение Советом Безопасности ООН эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов имело место в отношении Южной Родезии, Анголы, Гаити, Сьерра-Леоне; эмбарго на оборудование для переработки и транспортировки нефти - в отношении Ливии [9].

- Использование практики «отсроченных» санкций. Их суть состоит в приостановке действительного наложения санкций посредством определения Советом Безопасности ООН в резолюциях фиксированного срока для выполнения требований, предъявляемых к объекту, невыполнение которых в течение данного срока служит основанием для введения санкционного режима. Так, режимы экономических санкций, введенные Резолюциями Со-

вета Безопасности ООН 1572 (по Кот-д'Ивуару) и 1591 (по Судану), должны были создать стимулы для мира, поскольку эмбарго на поставки оружия стало немедленно применяться ко всей территории Кот-д'Ивуара и к Дарфуру на территории Судана, тогда как замораживание активов в отношении конкретных лиц и связанных с ними организаций должно было вступить в силу только через 30 дней после их принятия. Отсрочка в один месяц давала сторонам стимул для того, чтобы они быстро подключились к мирному процессу и тем самым избежали применения к ним международных санкций [10].

- Укрепление режима санкций, в том числе путем создания групп экспертов по контролю за их осуществлением, и включение в мандаты миротворческих сил задач по оказанию содействия в обеспечении контроля за соблюдением эмбарго. Международные санкции могут быть эффективными лишь в том случае, если Совет Безопасности ООН сможет через свои группы экспертов контролировать осуществление санкционного режима и вносить коррективы в свою стратегию, чтобы стимулировать соблюдение предъявляемых им требований. Несоблюдение государствами введенных Советом Безопасности ООН международных санкций может также значительно снизить или вообще свести на нет эффективность их режимов. «Сталкиваясь с государствами, которые обладают возможностями для выполнения своих обязательств, но то и дело не выполняют их, Совет Безопасности может потребовать принимать дополнительные меры для обеспечения соблюдения, и он должен разрабатывать график заранее установленных санкций за их невыполнение государствами», - отмечается в Докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность» [11].

- Максимальная адресность применения санкционных режимов посредством составления перечней лиц и организаций. Именно пакет санкций стран Запада против России выступает как наиболее ощутимый по своему возможному влиянию на страну комплекс антироссийских мер. Это связано не столько с широтой данного списка, сколько с объемами торгово-экономических и политических связей России и Запада, которые исторически превышают объемы совокупного российско-американского сотрудничества.

Серьезные дискуссии вокруг вопросов международной ответственности государств, применения международно-правовых санкций велись в Комиссии международного права ООН при разработке проекта статей Конвенции «Об ответственности государств» [12].

Помимо государства, иные субъекты международного права тоже должны нести ответствен-

ность в случае совершения ими международных правонарушений. Особую актуальность приобретает вопрос об ответственности международных (межправительственных) организаций. В принципе может нести ответственность международная организация, если она, согласно ее учредительному акту, обладает в тех или иных пределах правом выступать в межгосударственных отношениях от собственного имени, т.е. обладает определенной международной правоспособностью, являясь тем самым субъектом международного права. Если международная организация не обладает международной правосубъектностью и ее решения принимаются от имени государств-членов, то вопрос может ставиться только об ответственности этих государств в случае совершения ими международного правонарушения с использованием механизма международной организации.

И. Лукашук (член Комиссии международного права ООН в 1994 - 2001 гг.) отмечает, что «ныне, как констатировала Комиссия международного права ООН, термин «санкция» используется для обозначения принудительных мер, принимаемых международными организациями, особенно на основании главы VII Устава ООН» [7]. В Комиссии международного права по существу было выражено общее согласие относительно того, что международно-правовые санкции должны ограничиваться принудительными мерами, принимаемыми международными организациями, представляющими международное сообщество и наделенными полномочиями на применение указанных мер. В первую очередь подобной международной организацией является Организация Объединенных Наций.

Формы и виды санкционной ответственности международной организаций зависят от ее международной правоспособности.

На сегодняшний день единственной попыткой кодификации положений об ответственности международной организации является Проект статей об ответственности международных организаций 2011 г. (далее Проект статей), который, как и аналогичный проект статей об ответственности государств 2001 г. за международно-противоправные деяния, все еще находится на стадии проекта [13].

Если призывание международных организаций к международно-правовой ответственности имеет свои особенности по сравнению с аналогичными действиями в отношении государств, то анализ видов и форм ответственности данных субъектов международного права показывает, что они не отличаются.

Беря за основу классификации международно-правовой ответственности международных организаций имущественный характер обременений правонарушителя, следует констатировать, что

ответственность может быть двух видов: материальная и нематериальная.

К нематериальным формам ответственности мы предлагаем отнести ресторацию, сатисфакцию, а также заверения и гарантии неповторения.

Ресторация, как форма ответственности, в проекте Статей не упоминается. Ресторация – это восстановление нематериальных прав потерпевших субъектов международного права. Она относится к нематериальным формам ответственности. Поэтому мы предлагаем в проекте ст. 37, наряду с реституцией, предусмотреть ресторацию.

Сатисфакция в проекте Статей об ответственности международных организаций рассматривается как форма возмещения вреда, которая может выражаться в признании нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или выражаться в иной подобающей форме. Четкого определения данной формы ответственности в проекте Статей не содержится, сразу указываются лишь конкретные способы возмещения вреда. Мы предлагаем сатисфакцию определить как возмещение потерпевшему субъекту или субъектам нематериального ущерба.

В проекте ст. 40 подчеркивается, что международная организация, ответственная за международно-противоправное деяние, обязана предоставить сатисфакцию за вред, причиненный данным деянием, насколько он не может быть возмещен реституцией или компенсацией [13]. Из этого следует, что сатисфакция будет применяться только в тех случаях, когда причиненный вред не поддается финансовой оценке, когда потерпевшему субъекту нанесено публичное оскорбление или когда нарушенные права невозможно восстановить материально. Желательно данную форму ответственности применять одновременно с реституцией и/или компенсацией, т.к. возникновение нематериального ущерба никак не связано с существованием материального ущерба. Известно, что любое правонарушение автоматически наносит вред чести, достоинству, репутации потерпевшего. И даже если вместе с этим был причинен и вполне исчислимый материальный ущерб, необходимо возместить и причиненный нематериальный ущерб. К тому же следует учитывать и то, что сатисфакция выражается, по смыслу проекта Статей, как правило, в признании нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или в иной подобающей форме. То есть для международной организации, на наш взгляд, не будет крайне обременительным, наряду с предоставлением компенсации, еще и извиниться за нанесенный вред.

Сатисфакция «в иных подобающих формах» может выражаться в различных действиях международной организации, в зависимости от того, кто является потерпевшим. Если им является государ-

ство, то это может быть, к примеру, отдание почестей флагу; административное наказание частных лиц; принятие внутренних нормативных актов, направленных на обеспечение соблюдения международных обязательств; проведение расследования обстоятельств инцидента. В некоторых случаях возможно направление специальных миссий в потерпевшее государство.

Наряду с ресторацией и сатисфакцией в качестве третьей формы нематериальной ответственности международных организаций следует признать заверения и гарантии неповторения.

Однако комиссия международного права ООН включила прекращение и неповторение международно-противоправного деяния в часть вторую Статей об ответственности международных организаций, озаглавленную «Содержание международной ответственности международной организации», и отнесла их к общим принципам данной части (ст. 33 проекта) [13].

На наш взгляд, прекращение и предоставление заверений и гарантий неповторения следует отнести к форме нематериальной ответственности, особенно учитывая формулировку «если того требуют обстоятельства». По сути, это будет зависеть от степени доверия потерпевшего к правонарушителю. Если для первого будет недостаточно, к примеру, восстановления ситуации, существовавшей до правонарушения, он вполне может требовать от международной организации, виновной в произошедшем, предоставить определенные заверения и гарантии того, что подобное больше не повторится.

Таким образом, привлечение международных организаций к нематериальной ответственности преследует в основном такую важную цель, как предупреждение нарушения норм международного права. Этому способствуют сатисфакция, заверения и гарантии неповторения. Ликвидация же последствий правонарушения, как цель международно-правовой ответственности, достигается с помощью ресторации.

В настоящее время понимание санкций как принудительных мер, применяемых с использованием институционального механизма международной организации к государству-правонарушителю, находит все более широкое признание и применение.

Важно подчеркнуть, что применяемые в одностороннем порядке экономические санкции в большинстве своем не достигают поставленных целей, являются нецеленаправленными и не поддающимися контролю. Подобные односторонние санкции не кодифицированы и не находят нормативного закрепления в международном праве [14].

Для обозначения мер, применяемых потерпевшим государством к государству, ответственному

за международно-противоправное деяние, с целью побудить его выполнить возлагаемые на него правоотношением ответственности обязательства, Комиссия международного права ООН предложила использовать понятие «контрмеры» [15].

Контрмеры, и в этом их принципиальное отличие от международно-правовых санкций, представляют собой элемент децентрализованного механизма принуждения государства-правонарушителя и рассматриваются как инструмент имплементации ответственности, не носящий карательного характера [1].

Международные санкции эффективнее всего срабатывают как средство убеждения, а не наказания. Необходимо, чтобы в санкциях присутствовали элементы, стимулирующие их соблюдение. Объект санкций должен понимать, принятие каких шагов от него ожидается. При этом частичное или полное выполнение предъявляемых требований должно вызывать соответствующую реакцию со стороны Совета Безопасности ООН, проявляющуюся в ослаблении режима международных санкций или в их снятии.

Одной из важнейших задач в настоящее время выступает обеспечение легитимности международных санкций. Так, поддержание мира и безопасности в значительной мере зависит от общего

понимания того, когда применение международно-правовых санкций легитимно. В связи с этим при принятии решения о введении международных санкций необходимо исходить, прежде всего, из того, чтобы санкции содействовали поддержанию международного мира и безопасности и были легитимными с точки зрения положений Устава ООН и иных норм международного права. Представляется необходимым при принятии Советом Безопасности ООН решения о введении санкций учитывать следующие базовые критерии легитимности: серьезность угрозы; правильную цель; крайнее средство; соразмерность средств.

Таким образом, однозначное понимание и единообразное применение в международной практике категории «международно-правовые санкции» имеют большое практическое значение для обеспечения международного правопорядка. Следствием произвольной терминологической трактовки международно-правовых санкций является то, что санкциями зачастую определяют явно неправомерные акции. В связи с этим представляются необходимыми дальнейшие прогрессивные и неотложные наработки в деятельности Комиссии международного права ООН по кодификации вопросов международной ответственности и применению мер принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кешнер М.В. Соотношение международного и национального права в вопросах реализации международных санкций // Российский юридический журнал. 2014. N 1. С. 192-193.
2. Курдюков Г.И., Кешнер М.В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве : доктринальные подходы // Журнал российского права. 2014. N 9. С. 103-115.
3. Карпова Е.М. Санкционная война : новая система стоп-факторов при проведении международных операций // Международные банковские операции. 2014. N 3. С. 18-25.
4. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1983. С. 68.
5. Нешатаева Т.Н. Международно-правовые санкции специализированных учреждений ООН. М., 1985. С. 17; Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 148.
6. Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 79.
7. Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. N 2. С. 41.
8. Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве. Казань, 2005. С. 122.
9. Резолюции Совета Безопасности ООН : S/RES/841(1993), 16 june 1993; S/RES/864(1993), 15 september 1993; S/RES/883(1993), 11 november 1993; S/RES/232(1996), 16 december 1966; S/RES/1132(1997), 8 october 1997. URL : <http://www.un.org/russian/sc/committees/>
10. Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации: Доклад ООН A/60/1, 5 August 2005.
11. Более безопасный мир : наша общая ответственность : Доклад ООН A/59/565, 2 December 2004.
12. Ответственность государств - международно-противоправное деяние государства как источник международной ответственности : седьмой доклад специального докладчика: доклад Комиссии международного права ООН. 1978. Аго A/CN. 4/307 С. 361-376.
13. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. 2001. URL : <http://www.un.org>.
14. Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. 2014. N 3. С. 91-113.
15. Огнесян А.Г. Каспий : путь к глобальному проекту // Международная жизнь. 2012. N 7. С. 3-7.

УДК 314.7

Ю.А. Лялякин

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
СТРАТЕГИИ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON THE FORMATION OF MIGRATION STRATEGY
OF THE SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проводится анализ государственно-правовых реформ в Российской Федерации, рассматриваются основные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, предлагаются условия формирования стратегии миграционной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, система безопасности, внешние и внутренние угрозы, интересы, приоритеты, стратегия миграционной безопасности.

The article analyzes the state and legal reform in the Russian Federation. The modern «Russian Federation National Security Strategy» is considered. The terms of the formation of the migration security strategy are offered in the present article.

Key words: national security, security system, external and internal threats, interests, priorities, migration security strategy.

Вектор развития России, а также ее положение в мире ориентируют органы государственной власти, местного самоуправления и институты гражданского общества на реализацию задачи, обобщенная суть которой может быть сведена к надежному обеспечению национальной безопасности Российской Федерации с гарантией соблюдения прав и свобод личности.

Ускорение процесса развития России невозможно без формирования стратегии государственного строительства. В связи с этим формирование условий обеспечения государственной стратегии национальной безопасности подразумевает необходимость осмысления итогов предыдущих реформ, заключающихся в реструктуризации органов государственной власти и принятии законодательных и подзаконных актов.

Следует признать, что в истекшие годы система обеспечения национальной безопасности значительно укрепилась. Были разработаны и приняты важные федеральные законы, а также другие нормативные акты в указанной сфере. По оценкам экспертов в настоящее время действует более 70 законов, 200 президентских указов и 500 правительственных актов по вопросам обеспечения безопасности личности, общества и государства. Однако анализ действующего законодательства свидетельствует о недостаточности нормативно-правового обеспе-

чения основных положений безопасности государства в условиях противостояния новым угрозам и вызовам, необходимости совершенствования существующей законодательной базы в сфере укрепления национальной безопасности в целом и ее системных компонентов в частности.

Вместе с тем анализ результатов реформирования системы обеспечения национальной безопасности позволяет признать, что значительная часть угроз, включающих вызовы международного и геополитического характера, является следствием недостаточно продуманных, а нередко и спонтанных решений. Это, в свою очередь, свидетельствует о недостаточном политико-правовом анализе происходящих событий и об отсутствии должной подготовки соответствующих специалистов, ясного представления о функционировании государственно-правовых механизмов, необходимых для поэтапного реформирования страны в целях обеспечения должного уровня защищенности личности, общества и государства. Некоторые эксперты полагают, что «...проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического,

Лялякин Юрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

e-mail: yuran1965@mail.ru

© Лялякин Ю.А., 2017

Статья получена: 12.05.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

военного и информационного давления...» (п. 12 указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года № 683; далее – Стратегия).

Уже сегодня можно констатировать наличие переработанной и адаптированной к современным реалиям государственной стратегии национальной безопасности. Однако для повышения уровня национальной безопасности особое значение приобретает анализ собственно эндогенных реакций социальной сферы и экономического состояния в стране на возникающие изменения и вводимые преобразования, а также степень управляемости этими реакциями при использовании тех или иных способов государственного регулирования.

Своевременное и оперативное применение научного подхода к описанию и анализу происходящих процессов является ключевым фактором в процессах поиска и формирования необходимых направлений и перспектив дальнейшего углубления и развития реформ, а также выбора наиболее эффективных методов управления процессом трансформации политической, правовой и социальной сфер, выбора средств и методов повышения уровня безопасности государства. Решение острейших проблем безопасности государства предполагает совершенствование ее концепции и разработку стратегии ее обеспечения, рассматриваемых не как фасадно-догматические сборники традиционных постулатов и деклараций, а как живое, постоянно развивающиеся и совершенствующиеся теоретико-программные документы, оперативно отражающие результаты соответствующих научно-прикладных исследований и разработок.

Создание системы обеспечения безопасности личности, общества и государства в сфере миграции является в наивысшей степени актуальной в период формирования стратегии миграционной безопасности в Российской Федерации. Создание системы обеспечения миграционной безопасности, построение ее стратегии должно вестись на основе проведения комплексного научного исследования и анализа передового опыта современных отечественных и зарубежных научно-практических разработок.

В свою очередь, стратегия государственно-правового регулирования миграционными процессами и обеспечения миграционной безопасности, как система взглядов на угрозу со стороны миграции, определяет основы государственно-правового регулирования в сфере миграционных отношений, которые играют непосредственную роль в создании правовых механизмов при формировании норм и институтов национальной безопасности страны. «...Сохраняющийся блоковый подход к

решению международных проблем не способствует противодействию всему спектру современных вызовов и угроз. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза, ... обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми и тому подобное» (п. 16, 22 Стратегии).

В связи с этим справедливо, на наш взгляд, настаивает Никитенко И.В. на необходимости оперативного и своевременного применения научно-обоснованных методик при формировании стратегии миграционной безопасности. Это же, в свою очередь, должно стать, руководящим началом последующего осмысления и апробации при проектировании законопроектов и иных нормативно-правовых актов в сфере управления миграционными процессами, что должно способствовать снижению соответствующих криминогенных рисков и социальной напряженности в связи с ростом неконтролируемой миграции [1].

Вырабатываемая учеными и практиками стратегия миграционной безопасности Российской Федерации даст целостное представление о необходимом векторе и тенденциях развития комплексной системы безопасности государства. Создание и апробация стратегии миграционной безопасности России представляет собой непрерывный процесс оптимизации системы официально принятых взглядов на вероятные источники опасности для страны и разработку необходимого механизма их нейтрализации, а также надежной защиты интересов государства в случае их ущемления в любой форме.

Алгоритм действий по реализации стратегии миграционной безопасности может быть представлен следующим образом: а) выявление и прогнозирование возникающих внутренних и внешних угроз в сфере миграции, осуществление комплекса мер по профилактике и нейтрализации их источников; б) разработка приемлемых вариантов управления системой миграционной безопасности в условиях развития государственно-правового режима; в) формирование и поддержание эффективной системы и равноправных правовых отношений в рамках национальной безопасности; г) обеспечение жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Методологической основой разработки стратегии миграционной безопасности является осознание ее как одной из частей (наряду с общественной, экономической, военной, информационной и другими видами безопасности) в системе национальной безопасности, как существующей взаимосвязи

интересов (ценностей, целей), а также преодоления новых вызовов (опасностей, умаления прав и т.д.).

Своевременность принятия стратегии подразумевает, во-первых, всесторонний анализ национальной безопасности как целостной совокупности интересов и опасностей личности, обществу и государству, а также мер по защите их интересов. Во-вторых, разработку своего рода отраслевых моделей безопасности на временном и территориальном уровнях, где теория сопрягается с опытом (с практическими рекомендациями). В-третьих, стратегия миграционной безопасности как часть общей картины внутренних и внешних предпосылок суверенности государства представляет собой исходную базу для формирования необходимых нормативных установок в этой сфере [2].

Реализация стратегии миграционной безопасности находит свое отражение в выработке долгосрочных планов государственного развития и государственной концепции миграционной безопасности. То есть, чтобы повысить процесс эффективности развития Российской Федерации в миграционной сфере, крайне важным представляется выработка критериев классификации самих опасностей миграционной безопасности – по характеру, сферам жизни, источникам, носителям, по силе проявления и возможному ущербу. Также очевидно, что особенности содержания категории «миграционная безопасность» должны приниматься во внимание при принятии новых законопроектов и подзаконных актов. Насколько известно, на настоящий момент вариантов принятия новых актов с возможным упоминанием рассматриваемой терминологии не столь много. Включение в формулировку названия нормативно-правовых актов категории «миграционная безопасность» представляется оправданным по ряду обстоятельств.

В первую очередь, применяемая терминология базируется на уже общепринятом в мировой и внутринациональной практике подхода, рассматрива-

ющего миграцию, миграционные процессы и т.п. как естественную социальную, политическую, правовую, экономическую составляющую общемирового государственного бытия, некий «человеческий субстрат государства». При таком подходе наиболее логичной является совокупность основных объектов миграционной безопасности – личность, общество, государство.

Во-вторых, применение категории «миграционная безопасность» акцентирует внимание на государственных интересах в сфере миграции населения. Государственные интересы в сфере миграции – это уже не только жизненно важные интересы личности, общества и государства, но и их интегрированное отражение на происходящих миграционных процессах в государстве. В данном случае усиливается понимание взаимозависимости и взаимообусловленности состояния благополучия с точки зрения безопасности каждого из основных ее элементов «человек, общество, государство».

В-третьих, приведенный выше вариант применяемого термина, как представляется, несет в себе позитивную и конкретную социально-психологическую нагрузку. Такая формулировка термина, наряду с обозначением приоритета и важности проблемы, способствует пониманию того, что миграционная безопасность существует как позитивный результат комплекса мер от всех сегментов общества по преодолению возникающих разноплановых угроз: от специализированных органов власти и управления до отдельного человека [3].

Всем этим определяется актуальность, научность и практическая значимость дальнейшего исследования феномена миграционной безопасности, в котором заключен значительный потенциал, консолидирующий все элементы триад, - человек, общество, государство, в процессе их благополучного существования и преодоления реальных и потенциальных угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект) : монография. М., 2013. 351 с.
2. Лялякин Ю.А. Влияние нелегальной миграции на обеспечение национальной безопасности // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2013. №14 (498). 61 с.
3. Лялякин Ю.А. Конституционно-правовое регулирование взаимодействия подразделений ФМС и МВД России по обеспечению миграционной безопасности : учебное пособие. М., 2015.

УДК 325.075.1

А.Р. Ямалеева

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**CHARACTERISTICS OF LEGAL REGULATION OF ECONOMIC
ACTIVITY OF MUNICIPALITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье даются развернутые определения особенностей правового регулирования хозяйственной деятельности муниципальных образований в Российской Федерации. Автор делает вывод, что деятельность межмуниципальных формирований связана с применением муниципальных нормативных правовых актов, содержание которых вытекает из актов федеральных и региональных законодательств, и дает рекомендации по содержанию муниципального нормативного правового акта об участии муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества.

Ключевые слова: система, муниципалитет, сотрудничество, правовая основа, нормативный акт.

The article provides a detailed definition of the characteristics of legal regulation of economic activity of municipalities in the Russian Federation. The author concludes that the activities of inter-municipal formations involve the application of municipal regulations, and makes recommendations for maintenance of municipal regulatory legal act on the participation of the municipality in the inter-municipal cooperation.

Key words: system, municipality, cooperation, legal framework for a normative act.

Существование хозяйственной формы межмуниципального сотрудничества [1, С. 44-51], межмуниципального экономического сотрудничества [2, С. 150-156], межмуниципальной кооперации [3, С. 7-13] или межмуниципального сотрудничества в хозяйственной сфере [4, С. 34-38] вытекает из опыта и представлений о межмуниципальном взаимодействии как организационном и правовом выражении кооперационных связей, складывающихся между муниципальными образованиями в целях кооперации, более эффективного осуществления своих прав и интересов, совместного решения различных вопросов и проблем экономически, финансово и политически самостоятельных субъектов, осуществляющих деятельность по муниципальному управлению (органов МСУ, руководителей этих органов, муниципальных организаций, предприятий, граждан) [5].

Организационным и одновременно правовым выражением кооперационных связей между межмуниципальными образованиями выступают организационно-правовые формы межмуниципального сотрудничества, являющиеся: а) некоммерческими организациями, т.е. ассоциации (союзы), фонды, автономные некоммерческие организации; б) коммерческими организациями (хозяйственные общества), т.е. закрытые акцио-

нерные общества и общества с ограниченной ответственностью [13].

Организация и деятельность межмуниципальных коммерческих и некоммерческих формирований сопряжена с применением актов федерального и регионального законодательства, а также основанных на их содержании муниципальных нормативных правовых актов.

К особенностям муниципально-правового регулирования отношений межмуниципального сотрудничества в организационно-правовых формах, предусмотренных ч. 4 ст. 8, ст. 68 и 69 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», можно отнести следующие черты.

Во-первых, это – наличие муниципального нормативного правового акта по общим вопросам муниципального сотрудничества, в качестве которого выступает уже известное положение о порядке участия муниципального образования в межмуниципальном сотрудничестве [6] или о порядке участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества [7], принятого на основе уставного акта.

Правовой основой указанных положений выступают преимущественно гражданское законо-

Ямалеева Алина Рустэмовна, помощник руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан
e-mail: AAALIN@yandex.ru

© Ямалеева А.Р., 2017

Статья получена: 18.04.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

дательство Российской Федерации, причем для межмуниципальных организаций, создаваемых в форме автономных некоммерческих организаций и фондов, – это Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а для межмуниципальных хозяйственных обществ, образуемых в форме закрытых акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью, – дополнительно Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и иные федеральные законы.

Вместе с тем в преамбулах положений о порядке участия муниципального образования в межмуниципальном сотрудничестве было бы целесообразно ссылаться и на законодательные акты субъектов Российской Федерации: конституции (уставы), региональные законы о местном самоуправлении.

Подобные положения о порядке участия местных территорий в межмуниципальном сотрудничестве единообразно раскрывают содержание основных понятий (некоммерческие организации муниципальных образований, межмуниципальное хозяйственное общество), а также устанавливают общий порядок принятия решения представительным органом местного самоуправления об учреждении (участии) муниципального образования в указанных организациях межмуниципального взаимодействия, который складывается из нескольких основных этапов:

1) выдвижение инициативы уполномоченным субъектом (главой муниципального образования [8]; администрацией муниципального образования [9] главой муниципального образования и депутатами представительного органа местного самоуправления [10]; главой муниципального образования, депутатами представительного органа местного самоуправления, руководством администрации и его аппарата [11]);

2) внесение инициативы в представительный орган местного самоуправления, как правило, в виде проекта решения об участии муниципальной единицы в организации межмуниципального сотрудничества, учредительных документов такой организации, информации о социально-экономическом и финансовом положении муниципальных образований, с которыми предполагается участие в организации межмуниципального сотрудничества, обоснование финансовых и иных затрат на участие муниципальной территории в организа-

ции межмуниципального взаимодействия, планируемого эффекта от совместного решения общих вопросов местного значения и пр.;

3) принятие представительным органом местного самоуправления решения об учреждении (участии в образовании) межмуниципального хозяйственного общества в форме закрытого акционерного общества либо общества с ограниченной ответственностью или о создании (участии в образовании) межмуниципальной некоммерческой организации в форме автономной некоммерческой организации либо фонда.

Принимаемое муниципальной представительной властью решение должно соответствовать определенным требованиям. Так, согласно Положению о порядке участия муниципального образования «Каширский муниципальный район» в организациях межмуниципального сотрудничества решение Совета депутатов о создании межмуниципального хозяйственного общества должно содержать положения о форме межмуниципального хозяйственного общества, об утверждении его учредительных документов, в том числе устава, об утверждении денежной оценки ценных бумаг, других вещей или имущественных прав либо иных прав, имеющих такую оценку, вносимых Каширским муниципальным районом в оплату акций общества для закрытых акционерных обществ и номинальной стоимости доли для общества с ограниченной ответственностью, а в свою очередь решение Совета депутатов о создании межмуниципальной некоммерческой организации – положения о ее форме, об утверждении учредительных документов, включая устав, о внесении добровольных имущественных взносов, об избрании представителя Каширского муниципального района в органы управления таких организаций.

Учитывая базовый характер муниципального нормативного правового акта об участии муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества, полагаем, что основными компонентами его содержания должны стать следующие вопросы: регулируемые отношения; организации межмуниципального сотрудничества; принципы и цели участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества; виды и формы межмуниципального сотрудничества; основы правового положения организаций межмуниципального сотрудничества; органы муниципального образования, принимающие решение об учреждении организаций межмуниципального сотрудничества; принятие и рассмотрение вопроса об учреждении организации межмуниципального сотрудничества; порядок принятия решения об учреждении орга-

низации межмуниципального сотрудничества; порядок его реализации; учредители организации межмуниципального сотрудничества; участие муниципального образования в действующей организации межмуниципального сотрудничества; участие муниципального образования в управлении организации межмуниципального сотрудничества; органы и должностные лица муниципального образования, осуществляющие права участника (учредителя, акционера) в организациях межмуниципального сотрудничества; представление интересов муниципального образования в органах управления организации межмуниципального сотрудничества; основания осуществления такого представительства; порядок деятельности представителей в организации межмуниципального сотрудничества; контроль за их деятельностью; прогнозирование и анализ результатов деятельности организации межмуниципального сотрудничества; основания принятия решения о реорганизации (ликвидации), выходе из организации межмуниципального сотрудничества; орган муниципального образования, принимающий такое решение, и порядок его принятия [12; 13; 14].

Во-вторых, к особенностям муниципально-правового регулирования следует отнести и принятие специального нормативного и (или) правового акта об указанных формах межмуниципальной кооперации. В первом случае речь идет о муниципальных нормативных правовых актах типа Решения Совета депутатов Амурского муниципального района от 13 июля 2005 года № 55 «Об утверждении Положения «О принятии решений об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ и некоммерческих организаций на территории Амурского муниципального района» [14]

или Решения Магаданской городской Думы от 19 февраля 2008 года № 76-Д «О Положении о порядке создания (учреждения), реорганизации и ликвидации хозяйственных обществ с участием муниципального образования город Магадан» [15], а во втором – о муниципальных правовых актах представительного органа местного самоуправления об учреждении межмуниципального хозяйственного общества или межмуниципальной некоммерческой организации [13; 16; 17; 18 и т.д.]

В-третьих, при упорядочении отношений межмуниципальной кооперации в хозяйственной и социальной сферах допускается обращение к актам муниципального модельного правотворчества.

К примеру, Советом муниципальных образований Республики Башкортостан подготовлены такие проекты модельных решений, как: «Об утверждении Положения «О порядке участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества»; «Об утверждении Порядка участия представителей муниципального образования в органах управления автономной некоммерческой организации»; «Об утверждении Порядка оплаты имущества, находящегося в собственности»; «Об утверждении Положения о порядке планирования приватизации муниципального имущества»; «О Положении об определении порядка принятия решения об условиях приватизации муниципального имущества» и т.д.

К иным особенностям муниципально-правового регулирования отношений межмуниципальной хозяйственной кооперации можно отнести широкое использование договорно-правовых форм, привлечение значительного массива муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы местного значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронова О.В. История и опыт формирования современной модели межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. Сер. : Экономика. 2014. № 1. С. 44-51.
2. Граф И.В., Жаромских Д.Г. Межмуниципальное экономическое сотрудничество : опыт правового регулирования в зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 1. С. 150-156.
3. Петроградская А.А. Приоритетные формы межмуниципального сотрудничества муниципальных образований // Право и экономика. 2010. № 11. С. 7-13.
4. Алпатов Ю.М. К вопросу о формировании концепции межмуниципального сотрудничества муниципальных образований // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4. С. 34-38.
5. Решение Ростовской-на-Дону Думы от 19 февраля 2013 года № 4/3 «Об утверждении Положения «О порядке участия муниципального образования «Город Ростов-на-Дону» в межмуниципальном сотрудничестве» // Ростов официальный. 2013. №9.
6. Решение Рязанской городской Думы от 17 апреля 2008 года № 69-I «Об утверждении Положения «О порядке участия города Рязани в организациях межмуниципального сотрудничества» // Рязанская городская Дума. Официальный сайт URL : <http://rgdzn.ru/pages/show/meltings/resheniya>
7. Решение Совета депутатов сельского поселения Павло-Слободское Истринского муниципального

района Московской области от 9 декабря 2011 года № 129 «Об утверждении Положения о порядке участия муниципального образования «Сельское поселение Павло-Слободское» в организациях межмуниципального сотрудничества» // «Истринские вести», № 52, 30.12.2011 (Решение); Истринские вести. 2012. № 1. (Приложение).

8. Решение Совета депутатов Одинцовского муниципального района Московской области от 26 ноября 2010 года № 35/2 «Об утверждении Положения о порядке участия муниципального образования «Одинцовский муниципальный район Московской области» в межмуниципальном сотрудничестве» // Администрация Одинцовского муниципального района Московской области. URL : http://odin.ru/news/?div_id=16@PageNO=

9. Решение Совета муниципального образования «Икрянинский сельсовет» от 19 июля 2012 года № 2/6 «Об утверждении порядка участия муниципального образования «Икрянинский сельсовет» в межмуниципальном сотрудничестве» // Икрянинский сельсовет. URL : http://mo.astrobl.ru/ikrjaninskijsselsovets/norm_prav_acts

10. Решение Думы Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югра от 18 октября 2007 года № 460 «Об утверждении Положения о порядке участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества». Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования Кондинский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. URL : <http://admkonnda.ru/documents/69.html>

11. Решение Казанской городской Думы от 26 июня 2008 года № 13-31 «О Положении «О порядке участия муниципального образования город Казань в организациях межмуниципального сотрудничества» // Казанские ведомости. 2008. № 124.

12. Решение Режевской Думы 4 созыва от 24 мая 2006 года № 37 «Об утверждении Положения о порядке участия Режевского городского округа в организациях межмуниципального сотрудничества (в ред. 21.12.2011 № 106)» // Режевские вести. 2006. №62.

13. Решение Совета депутатов городского поселения «Город Советская Гавань» Советско-Гаванского района Хабаровского края от 25 февраля 2014 года № 11 «Об участии в создании межмуниципальных хозяйственных обществ для осуществления полномочий по решению вопросов местного значения». Советская Гавань. Официальный сайт Администрации. URL : <http://admsovgav.ru>

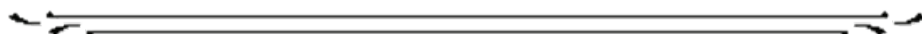
14. Хабаровский край. URL : http://khabarovsk.news-city.info/docs/sistemas/dok_oeglc.htm.

15. Магаданская городская Дума. Представительный орган местного самоуправления муниципального образования «Город Магадан». URL : <http://www.maggorduma.ru/index.php?newsid=441>.

16. Решение Совета депутатов от 22 марта 2013 года № 134 с. Медведь «Об участии Медведского сельского поселения в межмуниципальном хозяйственном обществе». Официальный сайт муниципального образования «Медведское сельское поселение» Шимского муниципального района Новгородской области. URL : http://медведское_рф/?p=514

17. Решение Думы Парфинского муниципального района Новгородской области от 16 апреля 2013 года «Об участии в учреждении межмуниципального хозяйственного общества в форме общества с ограниченной ответственностью Межмуниципальное предприятие «Водоканал Парфинского района». Парфинский муниципальный район. Официальный сайт органов местного самоуправления. URL : http://парфинский_рф/?p=2082

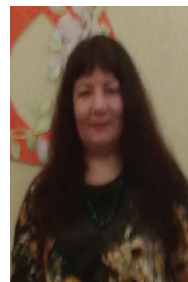
18. Решение Совета депутатов сельского поселения Яблоновский Краснинского муниципального района Липецкой области Российской Федерации (46 сессия 4 созыва) от 16 мая 2014 года с. Яблоново № 46/189 «О вступлении в межмуниципальное хозяйственное общество с ограниченной ответственностью «Красноетехсервис». Администрация сельского поселения «Яблоновское сельское поселение» Краснинского муниципального района Липецкой области. URL : <http://яблоновское-адм.рф/documents/46html>

УДК 34.03

Р.Р. Алиулов

Г.А. Мустафина

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**ON SOME ASPECTS OF THE SOCIAL AND LEGAL PROTECTION
OF THE POLICE OFFICERS: THEORY AND LAW REGULATION**

В статье проводится анализ социально-правовой защиты сотрудника полиции в современных условиях, предлагаются принципы, раскрывается сущность, содержание, формы и методы ее реализации применительно к сотрудникам полиции на современном этапе, а также предлагается организационно-правовой механизм реализации этого института на практике.

Ключевые слова: сотрудник полиции, социально-правовая защита, социально-правовая защита сотрудника полиции, новые подходы к социально-правовой защите сотрудника полиции в условиях реформирования, денежное содержание, социальная выплата, пенсионное обеспечение.

The article analyzes the social and legal protection of the police officers in modern conditions, proposes principles, reveals the nature, content, forms and methods of its implementation with respect to police officers at the current stage, and suggests the organizational and legal mechanism for implementing this institution in practice.

Key words: police officer, social and legal defense, new directions to social and legal protection under reform, pecuniary maintenance, social payment, pension provision.

Эффективность правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее ОВД) по основным оперативно-служебным направлениям, обозначенным в ФЗ РФ «О полиции», во многом определяется уровнем профессиональной компетенции сотрудников полиции, их личностными качествами (см. ст. 2 указанного закона). В условиях рыночных отношений и значительного демографического спада трудоспособной части населения в организации деятельности органов исполнительной власти в целом, в том числе и полиции, все рельефнее выступает проблема качественного дефицита молодых кадров, способных на высоком профессио-

нальном уровне в современных непростых условиях решать возложенные правоохранительные задачи. Вопреки ожиданиям многих руководителей МВД России и его территориальных органов, а также сотрудников кадровых аппаратов, в период продолжающегося масштабного реформирования системы ОВД, большого потока молодых людей из числа выпускников ведущих учебных заведений, желающих добросовестно служить в полиции, не наблюдалось. Между тем формирование социально ориентированной модели полиции, готовой незамедлительно приходить на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств, в прин-

Алиулов Рашид Рахимулович, доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, тел. 5376213

Мустафина Гульнара Акрямовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института

© Алиулов Р.Р., 2017

© Мустафина Г.А., 2017

Статья получена: 16.01.2017. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ципе невозможно без коренного пересмотра концептуальных основ и методологических подходов кадровой работы в органах государственной власти и аппаратах государственного управления. Речь идет, прежде всего, обо всей системе отбора, подготовки и формирования кадрового резерва для нужд государства, а также выработке действенного организационно-правового механизма обеспечения выполнения ими своих должностных обязанностей (административных регламентов) и продвижения по службе. Наряду с целым комплексом вопросов, возникающих в процессе формирования новой кадровой политики в сфере государственной службы, особую роль занимают вопросы социально-правовой защиты государственных служащих, в том числе реализующих правоохранительные функции. Необходимость качественного обеспечения правоохранительной функции государства требует коренного переосмысления роли и значения института мотивации сотрудника полиции, создания таких условий, при которых сотрудники ориентировались бы на длительную, инициативную и активную работу в ОВД. Становится очевидным, что в вопросах организации государственной службы, в том числе и ее разновидности — службы в ОВД, государство должно выступать весьма требовательным, но надежным субъектом, гарантирующим своим служащим адекватный уровень социально-правовой защиты. В условиях отсутствия четкой политики государства по вопросам социально-правовой защиты сотрудников ОВД, отсутствия достойного денежного содержания, возможности положительного решения жилищной проблемы, качественного медицинского обслуживания сотрудника и членов его семьи, пенсионного обеспечения на перспективу, креативно настроенная часть молодежи свой профессиональный выбор делает явно не в пользу органов правопорядка.

Еще несколько лет назад руководством МВД России, а также рядом ученых отмечалось, что низкое денежное содержание сотрудников полиции, нерешенность жилищной проблемы у значительной части сотрудников, низкое пенсионное обеспечение следует отнести к числу негативных факторов, снижающих престиж службы в ОВД. Все это привело к значительному оттоку из ОВД молодых, активных, грамотных профессионалов, которые могли бы честно служить в полиции продолжительное время. Подобное положение, наряду с другими функциональными и структурными причинами, обусловило необходимость коренного реформирования деятельности ОВД и выработки политики государства в сфере социальной защиты сотрудников.

Правоохранительная практика показывает, что в вопросах социально-правовой защиты сотрудников ОВД и членов их семей нужен системный и комплексный подход со стороны государства. Этот тезис должен выступать в качестве концептуальной основы решения рассматриваемой социальной проблемы, существенным образом влияющей на эффективность правоохранительной деятельности в целом в стране. Попытки отдельных субъектов РФ решить вопросы денежного содержания или жилищной проблемы сотрудников полиции за счет собственных внутренних материально-технических и финансовых ресурсов на практике не привели к стабилизации оперативной обстановки на обслуживаемой территории.

Вместе с тем, несмотря на очевидную актуальность вопросов, связанных с повышением уровня социально-правовой защиты сотрудников ОВД, многие аспекты этой проблемы до сегодняшнего дня оставались вне научного интереса ученых. Так, до конца не выявлены, в достаточной степени не аргументированы и не систематизированы факторы, обуславливающие необходимость повышенной социально-правовой защиты сотрудников полиции, не выработаны научно обоснованные схемы денежного обеспечения сотрудников полиции, с учетом уровня их профессиональной компетенции, реального вклада каждого сотрудника в решение правоохранительных задач по основным направлениям оперативно-служебной деятельности полиции, стажа работы в органах внутренних дел, а также других важных факторов.

Самостоятельного анализа и изучения требует оценка эффективности положений Федерального закона от 19.07.2011 №247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» о предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации. Проведенные нами опросы показывают, что у сотрудников полиции не только сохранилось недоверие к способности государства решить жилищную проблему, более того, у значительной части оно даже возросло. Далеко не во всех территориальных органах МВД России и органах внутренних дел на уровне муниципальных образований сотрудники полиции успели реализовать данное право. Достоверность и репрезентативность сделанных нами выводов и обобщений подтверждаются тем фактом, что в общей сложности было опрошено более 1550 респондентов, в том числе руководителей территориальных подразделений МВД России на реги-

ональном и районном уровне – 765, руководителей подразделений по работе с личным составом – 527, государственной инспекции безопасности дорожного движения, дежурной части – 470, участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних – 376, сотрудников органов дознания – 355.

В связи с этим актуальной остается проблема выявления причин и условий, не позволяющих в полной мере реализовать на практике тот потенциал, который был заложен в нормах законодательного акта социальной направленности.

Тем не менее, несмотря на общую положительную оценку предложенных законодателем схем решения многих вопросов социально-правовой защиты сотрудников полиции, ряд аспектов данной проблемы остался вне рамок правового регулирования. В связи с этим актуальной является выработка научно обоснованных рекомендаций и предложений, направленных на дополнение отдельных положений базовых федеральных законов, регламентирующих социально-правовую защиту сотрудников органов внутренних дел.

Практика показывает, что в решении вопросов, связанных с социально-правовой защищенностью сотрудников полиции, в большей степени наблюдается фрагментарный, эклектический подход. В рамках решения обсуждаемой проблемы нередко встречаются предложения о необходимости реализации отдельных мероприятий финансового характера (повышение денежного содержания, выдача премий, обеспечение всех сотрудников полиции жильем), зачастую вырванных из общего контекста, как правило, со ссылкой на зарубежный опыт деятельности полиции. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что целостная картина и эффективная государственная политика должной социально-правовой защищенности сотрудников полиции может быть создана и сформирована при решении следующих сопутствующих познавательных задач, к числу которых следует отнести: необходимость выявления факторов, обуславливающих необходимость повышения социально-правовой защиты сотрудников ОВД на современном этапе развития системы ОВД; раскрытие и систематизацию существенных признаков, форм, методов и особенностей организации социально-правовой защиты как охранительно-регулятивной функции государства; раскрытие сущности и особенностей социально-правовой работы в ОВД. Важными задачами в указанном контексте являются формулировка научно обоснованной дефиниции понятия социально-правовой работы в ОВД РФ; выявление причин и условий, не позволяющих эффективно реализо-

вать потенциал ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также формулировка аргументированных научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование отдельных положений федеральных законов социальной направленности. Разумеется, обозначенные задачи в полном объеме могут быть решены и изложены лишь в рамках отдельного монографического исследования. С учетом известных ограничений объема научной статьи в данной работе будут обозначены лишь отдельные аспекты решения вопросов о социально-правовой защите сотрудников полиции.

Во-первых, социально-правовую защиту сотрудников ОВД следует рассматривать как неотъемлемую часть государственной системы социально-правовой защиты государственных служащих и реализуемой в рамках социальной политики государства. Сотрудник полиции, реализуя правоохранительные функции государства, должен быть уверен, что достойное денежное содержание, положительное решение жилищного вопроса и пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания и иных социально-правовых гарантий выступают важными мотивационными факторами, стимулирующими сотрудника полиции на добросовестное, активное и инициативное выполнение функциональных обязанностей на весь период прохождения службы в ОВД.

Во-вторых, в рамках исследования обозначенной проблемы важно придерживаться однообразного понимания и использования единых терминов и дефиниций. В связи с этим считаем необходимым под социально-правовой защитой сотрудников полиции понимать основанную на комплексном и системном понимании систему государственных мер материального, финансового, организационного и правового характера, направленных на создание благоприятных условий для профессиональной реализации правоохранительных задач, стимулирование позитивной мотивации сотрудника, а также предоставление компенсаций в случаях гибели или ранения сотрудника. Социально-правовая защита сотрудников полиции, прежде всего, выражается в установлении адекватной схемы денежного обеспечения сотрудника ОВД с учетом должностного оклада, стимулирующих и компенсационных выплат сотруднику за его добросовестное профессиональное отношение к выполнению должностных обязанностей, в оптимальной схеме решения жилищной проблемы сотрудника с первого дня поступления на службу в органы внутренних дел до

его увольнения путем предоставления сотруднику компенсации за поднаем жилья; предоставлении сотруднику на период прохождения службы служебного жилья, а также выдаче по основаниям и в порядке, определенным законодательством РФ, единовременной социальной выплаты на улучшение или приобретение жилья, пенсионном обеспечении, медицинском обслуживании.

В-третьих, в условиях свободного рынка труда и проводимого реформирования необходимость повышенной социальной защиты сотрудников полиции обусловлена объективными факторами, отражающими характер и специфику самой правоохранительной деятельности, условиями и режимом труда сотрудника полиции, постоянно возникающими стрессами и различными конфликтными ситуациями в процессе правоприменительной практики, а также неблагоприятными негативными последствиями, угрожающими жизни, здоровью сотрудника полиции. Указанные обстоятельства обуславливают повышенный уровень социально-правовой защиты сотрудников полиции по сравнению с другими категориями государственных служащих, ее дифференциацию в зависимости от характера осуществляемой правоохранительной деятельности, продолжительности службы в ОВД, а также от других значимых факторов.

В-четвертых, эффективная социально-правовая защита сотрудников полиции может быть достигнута лишь в результате осуществления организационных мер в органах внутренних дел. В связи с этим следует ввести понятие организации социально правовой защиты в ОВД, под которым следует понимать целенаправленную, регламентированную законодательством РФ упорядоченную деятельность руководителей и специальных аппаратов, включающую в себя целостную систему взаимосвязанных организационных, финансовых, культурных, материальных, правовых средств, мероприятий (форм и методов), направленных на реализацию сотрудниками их прав в сфере пользования социально-правовой защитой. Исторический опыт показывает, что реальный уровень реализации системы социально-правовой защиты сотрудников правоохранительных органов на разных исторических этапах зависит от множества факторов (роли и места в системе госорганов, степени востребованности, экономических возможностей общества, общих особенностей социальной политики государства), в зависимости от которых она принимала активную или пассивную форму. Общественная потребность в организации социальной защиты сотрудников ОВД существовала с момента возникновения государства и его неперемennого атрибута – регуляр-

ных органов правопорядка.

В-пятых, следует отметить, что существующий правовой механизм социально-правовой защиты сотрудников полиции и членов их семей, закрепленный в базовых законах, создает определенные правовые предпосылки для обеспечения достойного денежного содержания сотрудников полиции, решения жилищной проблемы всех категорий сотрудников ОВД и членов их семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Вместе с тем ряд положений указанного законодательного акта не в полной мере учитывает реалии сегодняшней деятельности ОВД и не способствует повышению позитивной мотивации сотрудника. Так, предусмотренные стимулирующие надбавки к денежному обеспечению сотрудника в условиях финансового кризиса фактически не учитывают специфику правоохранительной деятельности, активность персонального сотрудника, его вклад в раскрытие преступлений и решение других правоохранительных задач.

В-шестых, для определения направлений дальнейшего совершенствования организационно-правового механизма социально-правовой защиты сотрудников полиции важное значение имеют выявление и систематизация причин и условий, не позволяющих в полной мере решить задачу социально-правовой защиты сотрудников полиции на должном уровне, к числу которых следует отнести: недостаточное выделение федеральным бюджетом финансовых средств на решение жилищного вопроса; отсутствие прозрачной схемы учета лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, слабое знание руководителями территориальных органов внутренних дел МВД России и его организаций положений ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», недостаточную правовую просвещенность значительной части сотрудников ОВД; отсутствие у руководства ОВД личной мотивации в решении данной проблемы, несовершенство процессуального порядка определения лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий. В частности, возникают трудности при применении правовых норм о возможности включения в выслугу лет сотрудников времени их учебы до поступления на службу при выплате назначенных пенсий сотрудникам, приостановлении, прекращении и восстановлении выплаты.

В-седьмых, с учетом качества правового регулирования вопросов социально-правовой защиты сотрудников полиции и эффективности правоприменительной практики в обозначенной сфере

можно сформулировать следующие предложения и дополнения в базовые федеральные законы и ведомственные нормативные-правовые акты, регламентирующие социально-правовую защиту сотрудников органов внутренних дел:

1. Изложить п. 1 статьи 88 «Прекращение контракта по достижении предельного возраста пребывания на службе в органах внутренних дел» Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в следующей редакции:

«Предельный возраст пребывания на службе в органах внутренних дел для сотрудника органов внутренних дел, соответствующего требованиям к состоянию здоровья сотрудников органов внутренних дел согласно заключению военно-врачебной комиссии, вне зависимости от занимаемых должностей, специальных званий, составляет 65 лет».

2. Внести изменения в п. 32 приказа МВД России от 31 января 2013 года № 65 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», изложив его в следующей редакции:

«На основании приказа руководителя органа сотрудникам, имеющим дисциплинарное взыскание, дополнительная выплата в виде премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей не выплачивается в течение одного месяца со дня их привлечения к дисциплинарной ответственности».

3. В целях совершенствования организационных основ социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел предлагается:

- в законодательство о должностных окладах внести изменения, установив так называемую «вилку» – минимальный и максимальный оклад

по занимаемой должности, предоставив возможность руководителю органа по обоснованному ходатайству непосредственного начальника изменять его размер в зависимости от качества выполняемой работы и нагрузки;

- необходимо установить четкие критерии для такого правового понятия, как «сотрудник, не имеющий возможности ежедневно возвращаться в указанное жилое помещение в связи с удаленностью места его нахождения от места службы»;

- разработать алгоритм реализации оказания финансовой помощи тем сотрудникам, которые смогли реализовать свое право на жилище путем ипотечного кредитования. Данная финансовая помощь могла быть оказана сотрудникам по месту службы, имеющим 15-летнюю безупречную выслугу;

- предусмотреть механизм реализации права на жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел путем введения льготных условий ипотечного кредитования по аналогии с ипотечным кредитованием, разработанным для военнослужащих;

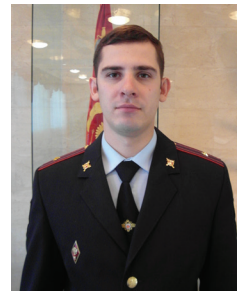
- в органах и подразделениях создать методические классы социально-правовой работы, в службах - уголки правовых знаний. Организовать в ОВД консультационно-правовую работу с личным составом, обобщать и распространять положительный опыт социально-правовой работы;

- в документах по планированию и организации деятельности ОВД определять мероприятия по социально-правовой работе, разъяснению законов, иных правовых актов в данной области; в ходе инспектирования, проверок органов (подразделений) изучать результативность социально-правовой работы, учитывать ее при оценке морально-психологического состояния личного состава, рассматривать в ходе подведения итогов воспитательной работы и состояния служебной дисциплины.

А.Ш. Габдрахманов

С.Л. Миролубов

**СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ**

**THE CORE OF THE INVESTIGATIVE INSPECTION WHILE INVESTIGATING FRAUD
IN THE FIELD OF AUTO INSURANCE**

В статье рассматриваются особенности осмотра места происшествия, транспортного средства и следов дорожно-транспортного происшествия в целях выявления следов инсценировки для последующего получения страховой выплаты.

Ключевые слова: следственный осмотр, транспортное средство, дорожно-транспортное происшествие, инсценировка, мошенничество в сфере автострахования.

In the article the peculiarities of the examination of the scene, the vehicle and traces of traffic accidents in order to identify staging for subsequent receipt of the insurance payment are considered.

Key words: investigative inspection, vehicle, traffic accident, hoax, fraud in the field of auto insurance.

В последнее десятилетие в России наметилась тенденция стремительного увеличения парка автотранспорта. Следствием данного обстоятельства является рост количества преступлений, связанных с автомобилями, в частности мошенничества в области автострахования.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, динамика зарегистрированных фактов мошенничества за последние годы нестабильна. Так, в 2011 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 147 468 случаев мошенничества, что было на 7,9% меньше, чем в 2010 г. (160 081), со следующего 2012 г. начался стабильный рост числа зарегистрированных мошеннических действий. Так, в 2012 г. зарегистрировано 161 969 (+9,8%), в 2013 г. – 164 629 (+1,6%) случаев мошенничества; однако в 2014 г. было зарегистрировано меньше случаев совершения мошеннических действий – 160 214 (-2,68%),

при том что, согласно статистическим данным, в 2014 г. доля мошенничества в структуре преступности составила 7,4%. В 2013 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 462, а в 2014 г. – 441 случай мошенничества в сфере страхования, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ [1, С. 3]. В 2015 по ч.2-4 ст. 159.5 УК РФ – 155, в 2016 - 158 преступлений. На территории Республики Татарстан по ч.2-4 ст. 159.5 УК РФ выявлено в 2013 – 45, в 2014 – 9, в 2015 – 9, в 2016 – 36 преступлений [2].

Методика расследования данного вида преступлений требует постоянного совершенствования в связи с использованием преступниками множества различных схем инсценировки дорожно-транспортного происшествия.

Согласно статистике, при расследовании преступлений предусмотренных ст. 159.5 УК РФ, производятся осмотры места происшествия (при инс-

Габдрахманов Айдар Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
e-mail: aidar191@mail.ru

Миролубов Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
e-mail: mirolubov2008@yandex.ru

© Габдрахманов А.Ш., 2017

© Миролубов С.Л., 2017

Статья получена: 19.10.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ценировке совершения преступлений различных видов) – 40%; осмотр места страхового события (при инсценировке событий некриминального характера, также являющегося местом совершения преступления) – 60%; осмотр объекта страхования – 80%; осмотр предметов – 75%; осмотр документов – 95% [1, С. 19].

Следует согласиться с определением, предложенным А. П. Онуциным, в соответствии с которым осмотр места происшествия «представляет собой сложное, многостороннее следственное действие, заключающееся в изучении следователем материальной обстановки места дорожного события, транспортных средств, различных следов и иных объектов при помощи системы научно обоснованных непосредственных и опосредованных приемов, методов и способов исследования с целью установления и фиксации фактических данных, необходимых для выяснения обстановки дорожного происшествия, его механизма и иных обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления» [3, С. 112].

Ретроспективно восстановить структуру объектов, сложные процессы их взаимодействия, структурные связи в расследуемом событии возможно только на основе аналитического подхода и использования реконструкции и моделирования [4, С. 4] реальной обстановки и механизма преступления. Реализация таких действий достаточно сложна, так как обстановка места преступления является многоэлементной, то есть выделяют три ее иерархические составляющие: статическая часть обстановки, так называемое пространственное положение участка, и конструктивные особенности его обустройства, непостоянная часть обстановки места происшествия, включающая в себя условия метеобстановки, а также состояние дорог, их освещенности и наличия следов восстановительных работ. И третью часть, представленную в виде остаточных явлений, появившихся в результате преступления, сопутствующих ему или случайных (например, местоположение поврежденного автомобиля, других транспортных средств, отделившихся деталей, следов и пр.) [5, С. 47-48].

Рабочий этап осмотра места происшествия должен быть объемным и включать такие действия группы, как осмотр близлежащей местности, участка дорожного полотна, транспортного средства и предметов, косвенно указывающих на фальсификацию страхового случая.

Значительно отличаться могут и особенности при осмотре места происшествия, как, например, в случае уличения мошенников на месте сфальсифицированного ДТП работниками страховой организации, при получении страхового возмещения

или получения следователем информации о неоднократном мошенничестве или в случае получения заявления о мошенничестве по истечении определенного времени, а также в случаях вымогательства на месте инсценированного ДТП или в случае вымогательства путем фальсификации обстоятельств ДТП на месте передачи денежных средств.

Стоит отметить, что каждый из перечисленных выше случаев может обладать своими неповторимыми особенностями, ведь осмотр места происшествия наиболее результативен при непосредственном уличении мошенников или вымогателей на месте фальсификации или инсценировки ДТП, и разумно было бы проводить следственный осмотр при наличии транспортных средств на месте ДТП, а кроме осмотра участка дорожного полотна, транспортных средств и предметов или следов, стоило бы проводить и первичный осмотр документов.

В ходе осмотра места происшествия очень важно обнаружить признаки взаимодействия следообразующего и следовоспринимающего объекта, которые и будут служить доказательством их контакта [3, С. 41-42]. В таких случаях считаем необходимым внимательно осмотреть внешние соприкасающиеся слои контактных поверхностей в целях обнаружения признаков их контактного взаимодействия, как то следы наслоения и отслоения лакокрасочного покрытия, а также царапин на металлических изделиях и иных материалах.

Наличие или отсутствие таких следов обязательно должно быть зафиксировано с помощью фото-, видеосъемки и изъятия следов. Отсутствие таких следов динамичного взаимодействия с предметами или агрегатами транспортного средства стоит рассматривать как косвенные признаки, указывающие на инсценировку обстоятельств ДТП.

Предварительное исследование таких следов, как волосы, волокна или иные следы биологического происхождения, а также фрагменты лакокрасочного покрытия, может позволить ответить на вопросы: «Находилось ли данное лицо за рулем транспортного средства в момент ДТП или нет?», «Имело ли место динамичное взаимодействие двух транспортных средств?», «В результате каких действий было разбито боковое стекло?», «К скольким видам транспортных средств относятся изъятые осколки?» и т.п. Результаты таких исследований позволяют проверить уже выдвинутые следственные версии и получить сведения, способствующие организации новых следственных версий или тактических приемов. Проведение предварительного исследования позволяет также точнее определить вид экспертизы и необходимые образцы, конкретизировать задание эксперту, облегчает выдвижение и проверку следственных версий [6, С. 176-177].

Часто следователю для выяснения всех обстоятельств расследуемого события не хватает знаний и опыта в различных узкоспециализированных областях техники или требований технических условий и стандартов на детали транспортного средства, его материалов или узлов, и именно в таких случаях следователю стоит привлекать специалистов авто-техников, а также назначать криминалистические экспертизы по интересующим его вопросам.

При работе специалиста-криминалиста на месте происшествия знание возможностей, которые могут дать нетрадиционные виды экспертиз, может оказать помощь следователю в подготовке и назначении комплексной автотехнической экспертизы.

Еще одной из важнейших структурных составляющих технико-криминалистического обеспечения расследования по делам о мошенничестве в области автострахования является применение в такой деятельности фотограмметрических методов фиксации информации. Говоря о фотограмметрических методах фиксации информации, стоит отметить, что при осмотре мест происшествий, наряду с протоколом осмотра, изготавливаются и фототаблицы, а также зарисовываются и составляются схемы, которые позволяют лучше сориентироваться и разобраться в происшествии, более точно и быстро установить виновность или невиновность его участников. Чаще всего схемы зарисовываются рукой следователя, и именно поэтому обладают рядом неточностей и недостатков, так как сказываются субъективные психологические особенности восприятия действительности следователем, либо вмешиваются особенности погодных условий, времени суток и иные внешние факторы, однако основным недостатком проведения измерений таким способом является невозможность осуществить дополнительные измерения без непосредственно го выезда на само место происшествия.

Использование следователем измерительной фотографии и видеосъемки при осмотре мест происшествий дает ряд преимуществ, к примеру, фотографии, полученные в ходе выполнения измерительным способом, могут дать потенциальную возможность использования их в дальнейшем процессе расследования как одного из основных источников информации.

Материальные следы по местонахождению (месту локации) стоит сгруппировать следующим образом. К первой группе комплекса следов на проезжей части дорожного полотна следует относить факты отсутствия или несоответствия расположения следов на дорожном полотне от выпирающих агрегатов транспортного средства, которые в данной ситуации должны быть характерны для такого вида ДТП. Также к первой группе стоит отнести

факты отсутствия следов торможения, юза или заноса транспортного средства, добавив к этому и факты отсутствия следов скольжения покрышек при заносе транспортного средства, которые должны указывать направление его движения.

Необходимо также отметить, что появление в России транспортных средств с антиблокировочной системой тормозов осложняет фиксацию такого показателя, как наличие следов тормозного пути при экстренном торможении.

Отсутствие на проезжей части дорожного полотна следов подтека технологических жидкостей транспортного средства, вытекающих из поврежденных агрегатов автомобилей (при наличии повреждений данных агрегатов), или несоответствия химического состава таких жидкостей может быть установлено только в условиях проведения судебной экспертизы.

Ко второй группе следов относятся такие следы, которые могут оставаться на придорожных объектах в результате динамичного взаимодействия с таким объектом транспортного средства. К ним относятся следы повреждения на придорожной грунтовой насыпи или ограждениях и деревьях либо на опорах освещения, которые могут быть расположены на определенном расстоянии от места происшествия и образованы в результате динамичного взаимодействия агрегатов, деталей или узлов транспортного средства с такими объектами. Такие возникшие повреждения на транспортных средствах могут выдаваться мошенниками за повреждения, полученные в результате столкновения с другим транспортным средством или в случае фальсификации ДТП.

К третьей группе следов обычно относят комплекс следов на самих транспортных средствах и отделившихся от них частях. К ним причисляют повреждения агрегатов и деталей транспортных средств.

Признаками инсценировки обстоятельств является полное либо частичное отсутствие или несоответствие размеров, характера и локализации повреждений и следов с теми, которые логически или технологические должны были бы быть. К примеру, это может быть несоответствие следов повреждений на транспортном средстве и объекте, с которым транспортное средство динамично соприкоснулось. К этому примеру следует отнести и несоответствие размеров повреждений, их локализация и характер на двух транспортных средствах, участвовавших в происшествии.

К следам и объектам, отделившимся от транспортного средства, стоит относить осколки боковых, лобовых, ветровых, фонарных стекол, отдельные агрегаты транспортного средства, части интерьерной отделки салона транспортного средства, следы лакокрасочного покрытия, а также

фрагменты иных узлов и агрегатов автомобиля.

Стоит отметить, что признаком, указывающим на инсценировку обстоятельств происшествия, является также несоответствие характера разброса и местоположения осколков стекольных изделий транспортного средства, его деталей, узлов, агрегатов, которые отделились от транспортного средства, направлению разброса, сопутствующему направлению движения транспортного средства. К подобным выводам приводит и несоответствие количественного показателя осколков, разбросанных на проезжей части дорожного полотна, а также их общей площади поврежденного остекления транспортного средства. При совершении мошенничества в области автострахования мошенники могут добавлять следы, имеющие происхождение от других происшествий, то есть мошенники могут просто подбросить такие детали на проезжую часть дорожного полотна. К примеру, у транспортного средства разбито ветровое стекло, а на месте происшествия обнаружены следы стекла, по количеству, цвету и иным характеристикам не соответствующие разбитому ветровому стеклу.

Говоря о четвертой группе, стоит определить, что к ней относят повреждения, возникшие на пострадавших после происшествия. То есть повреждения на теле трупа, а в случае, если потерпевший не погиб, такие следы выявляются в ходе медицинского освидетельствования потерпевшего.

Определенному месту положения пострадавшего в автомобиле будут соответствовать определённые телесные повреждения (травмы, ранения), которые соотносятся с конструктивными особенностями салона автомобиля и его деформацией при ДТП [7, С. 51]. Отсутствие таких телесных повреждений или наличие нехарактерных повреждений тем, которые обычно причиняются в случае происшествия участнику этого происшествия, может указывать на факт фальсификации обстоятельств или инсценировки этого происшествия. Назначение в дальнейшем на последующем этапе расследования судебно-медицинской экспертизы позволит установить причины телесных повреждений и их связь с происшествием [8, С. 64].

Кроме того, стоит упомянуть осмотр транспортного средства, ведь нам представляется, что осмотр транспортного средства, осуществляемый при заключении договора страхования со страховой организацией, позволил бы существенно минимизировать количество мошеннических действий, но поскольку в страховом законодательстве такие требования отсутствуют, то осмотр транспортных средств возможно проводить только с согласия страхователей, что в случае с мошенниками довольно проблематично. Однако страховым аген-

там следует использовать все возможности для осмотра транспортных средств при одновременном страховании и по ОСАГО, и по добровольному страхованию транспортного средства.

Осмотр транспортного средства с целью обнаружения и изучения повреждений на нем позволяет выявить механизм возникновения таких повреждений, а также причины происшествия и возможность предварительно оценить материальный ущерб, причиненный владельцу такого транспортного средства.

При осмотре транспортного средства с явными следами участия в ДТП или при наличии предположения об этом стоит зафиксировать все видимые повреждения на корпусе машины, ее ходовой части, механизме рулевого управления и торможения, материалах интерьерного оснащения салона (так как в престижных транспортных средствах бизнес-класса стоимость материалов интерьера может составлять значительные суммы), кресел, особенно, если они обшиты дорогой кожей или иными дорогостоящими материалами. Обязательно следует выяснить техническое состояние всех основных механизмов и автоматических систем транспортного средства, особенно тех, которые непосредственно влияют на безопасность пассажиров или движения самого транспортного средства.

При криминалистическом же исследовании повреждений очень важно исключить все те повреждения, которые образовались на транспортном средстве до его динамичного столкновения с объектом, и в этом отношении вышеописанные рекомендации по осмотру транспортного средства при заключении договора страхования могут помочь следователю и криминалисту в определении таких повреждений. К таким следам относятся следы, например, некачественного или повторного ремонта, следы, возникшие до происшествия или уже после него, или в иных происшествиях, в которых участвовало осматриваемое транспортное средство. Следует также выяснить, могут ли поврежденные агрегаты, детали, узлы или части сниматься и заменяться самостоятельно или при ремонте транспортного средства. Довольно часто, совершая мошенничества в отношении страховой организации, завышают сумму оплаты ремонтных услуг, когда ранее поврежденные узлы, детали и агрегаты были установлены на транспортное средство и выдаются за поврежденные в ДТП, а затем, после получения страховых выплат, меняются на родные исправные, а в случаях когда на заменяемой детали присутствует серийное или идентифицирующее номерное обозначение, мошенники используют возможности по изменению, порче или замене таких обозначений.

Таким образом, осмотр места происшествия и

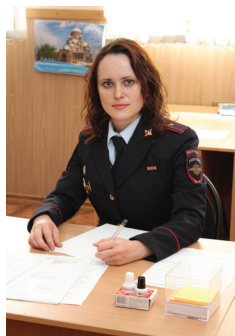
транспортного средства требует тщательной подготовки, применения всех известных науке тактических приемов и использование широкого спектра современных технико-криминалистических средств

и методов. От качества проведенного следственного осмотра зависит последующее выявление самого факта мошенничества в сфере автострахования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2015. 27 с.
2. По данным ГИАЦ МВД России. Электронный ресурс (дата обращения : 27.02.2017).
3. Онучин А.П. Обстановка места автодорожного происшествия как предмет криминалистического исследования // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1983. 427 с.
4. Путивка С.Н. Криминалистическое моделирование для реконструкции неочевидных обстоятельств при расследовании дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 188 с.
5. Онучин А.П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 187 с.
6. Ищенко П.П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. М., 1994. 189 с.
7. Поль К. Д. Естественнаучная криминалистика (Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) : пер. с нем. М: Юрид. лит., 1985. 489 с.
8. Волгин В.В. После ДТП. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Ось-89, 2014. 320 с.

УДК 343.102

Э. Д. Шайдуллина

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ И РАЗУМНОСТЬ СРОКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**INQUIRY IN THE REDUCED FORM AND RATIONALITY OF TERMS OF CRIMINAL TRIAL**

Статья посвящена анализу разумности сроков производства дознания в сокращенной форме, начиная с момента проверки сообщения о преступлении, расследование которого в последующем осуществляется в сокращенной форме производства дознания. Определяется степень разумности сроков и делаются предложения по соблюдению данного принципа уголовного процесса в ходе производства дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание в сокращенной форме, сроки расследования, сроки проверки сообщения о преступлении, разумность сроков.

This article is devoted to the analysis of rationality of terms of production of inquiry in the reduced form, since the moment of verification of the message on a crime which investigation is performed in the reduced inquiry mode of production in subsequent. Degree of rationality of terms is determined and proposals on respect for this principle of criminal procedure in inquiry course of production in the reduced form are made in the present article.

Key words: preliminary investigation, inquiry in the reduced form, investigation terms, terms of the message on a crime, rationality of terms.

Уголовное судопроизводство в России осуществляется в строгом и неукоснительном соблюдении норм отечественного уголовно-процессуального законодательства. В свою очередь, основополагающие правила осуществления процессуальной деятельности на любом этапе производства по уголовным делам закреплены в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Принципы уголовного судопроизводства» [1]. В частности в 2010 году в статье 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» [2] был определен новый принцип уголовного процесса, согласно которому уголовное судопроизводство по уголовному делу осуществляется в разумный срок. При этом определение такой разумности включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до его окончания с учетом правовой и фактической сложности уголовного дела, поведения участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора и должностных лиц органов предварительного расследования в целях своевременного осуществления уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ).

Реформирование действующего уголовно-процессуального закона России после принятия дан-

ного принципа было направлено, в том числе, на оптимизацию соблюдения разумности срока уголовного преследования, в том числе в ходе предварительного расследования. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] в УПК РФ была введена новая форма предварительного расследования – дознание в сокращенной форме.

В пояснительной записке к законопроекту, в котором и предлагалось введение дознания в сокращенной форме, акцентируется внимание на том, что дознание для определенных составов преступлений небольшой и средней тяжести имеет упрощенную форму в целях оптимизации доступа к правосудию в разумные сроки. Однако в результате громоздкой процедуры досудебного производства по многим очевидным и несложным преступлениям расследование идет в течение 2-х и более месяцев. Изложенное подводит к необходимости дальнейшего кардинального совершенствования процедуры осуществления уголовного преследования с таким расчетом, чтобы создать, с одной стороны – оптимальные условия для скорейшего расследования преступлений и

Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

e-mail: elya-hi@bk.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2017

Статья получена 21.12.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

передачи дела в суд, при обеспечении неукоснительного соблюдения конституционных прав и свобод граждан независимо от их процессуального положения. Именно, исходя из этих посылок, предлагается такая процедурная форма, как введение института сокращенной формы уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Основным смысл предлагаемых законопроектом изменений в УПК РФ заключается в том, что если по результатам процессуальной проверки сообщения о преступлении получены достаточные доказательства о совершении преступления конкретным лицом, против него выдвигается обвинение с одновременным возбуждением уголовного дела с последующим сбором доказательств в объеме, минимально необходимым для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в его совершении с последующим составлением обвинительного постановления, которое вместе с собранными материалами незамедлительно передается прокурору для утверждения и передачи в суд. Предлагаемый порядок, стимулируя розыскную и следственную работу на конечный результат без дублирования процессуальных действий по сбору и закреплению доказательств, способен существенно сократить сроки производства, экономя силы, время и государственные средства [4].

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что изначальная позиция законодателя при введении новой формы предварительного расследования в виде дознания в сокращенной форме является очередным шагом к оптимизации разумности сроков уголовного судопроизводства. При этом сами разработчики данного Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ акцентируют внимание, на том, что по большому счету фактически курс на дальнейшее производство дознания в сокращенной форме наступает уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

Следует отметить, что до настоящего времени в теории уголовного судопроизводства отношение к расследованию преступлений в форме дознания в сокращенной форме неоднозначное [5].

Обратимся к рассмотрению основных условий и сроков производства дознания в сокращенной форме. Начало производства дознания возможно только по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица, в случаях признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступным деянием вреда, без оспаривания правовой квалификации преступления, указанной в постановлении о возбуждении уголовного дела, а также при отсутствии обстоятельств, исключая-

щих производство дознания в сокращенной форме. При этом расследование преступлений в рассматриваемом порядке возможно только на основании ходатайства подозреваемого (ст. 226.1 УПК РФ).

Согласно ст. 226.4 УПК РФ при наличии вышеуказанных условий дознаватель до начала первого допроса разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, а также порядки и правовые последствия такой формы расследования. После этого подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме в течение двух суток со дня, когда ему было разъяснено указанное право. Поданное в письменной форме ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме рассматривается дознавателем в течение 24 часов с момента его поступления, в результате принимается решение либо об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме, либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме.

При принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме срок расследования уголовного дела составляет не более 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме (ст. 226.6 УПК РФ). Укороченный срок производства дознания в таких случаях обусловлен упрощенным законодателем предметом доказывания. Так, доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. При этом дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

- 1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;
- 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;
- 3) не назначать судебную экспертизу по вопро-

сам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев необходимости установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, либо проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, а также при наличии оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам (ст. 226.5 УПК РФ).

В вышеприведенной статье законодательно закреплено, что процесс доказывания по общественно-опасным деяниям, расследуемым в форме дознания в сокращенной форме, начинается еще с момента проверки сообщения о преступлении. При этом львиная доля доказательств может быть собрана именно на данном этапе досудебного производства.

Следует также отметить, что согласно ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении составляет 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При этом при рассмотрении сообщений о преступлениях, подследственных органам дознания, данный срок может быть продлен по решению начальника органа дознания до 10 суток, а по решению прокурора – до 30 суток при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Обратимся теперь к правоприменительной практике. На сегодняшний день расследование преступлений в сокращенной форме дознания активно используется в практической деятельности. По данным ГИАЦ МВД России, в 2015-2016 годах в форме дознания в сокращенной форме расследовалось 147807 уголовных дел, из них в 2016 году – 90913 уголовных дел. Темп прироста уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания, таким образом, составляет 59,8 % [6].

В свою очередь, анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод, что при наличии перспективы производства дознания в сокращенной форме нередко случаи, когда срок проверки сообщения о преступлении продлевается до 30 суток. При этом именно на данном этапе осуществляется сбор основной массы доказательств

по уголовному делу, которое в дальнейшем расследуется в сокращенной форме дознания. Этот факт при обращении к обычной арифметике привел нас к выводу, что укороченные сроки расследования преступления небольшой и средней тяжести указаны лишь в законе, а на практике дознание в сокращенной форме фактически осуществляется и в более длительные сроки, чем дознание в общем порядке, если учитывать сроки проверки сообщения о преступлении. Ведь, складывая все сроки воедино, мы получаем 45 суток, и это без учета того факта, что начало дознания в сокращенной форме происходит не с момента возбуждения уголовного дела, а примерно через 2-3 суток после этого. При этом производство дознания в общем порядке осуществляется в тридцатидневный срок, и продление сроков проверки сообщений о преступлении до 30 суток в таких случаях не приветствуется руководством дознавателей и надзирающим прокурором.

Одним из вариантов решения проблемы соблюдения разумности сроков производства дознания в сокращенной форме, по нашему мнению, является применение предусмотренных в ст. 6.1 УПК РФ условий соблюдения разумности сроков по уголовным делам, которые прекращаются либо приостанавливаются. Учитывая запрет применения аналогии норм уголовно-процессуального законодательства, полагаем целесообразным ввести в ст. 6.1 УПК РФ новую часть 3.4 следующего содержания: «При определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения по уголовному делу, расследованному в форме дознания в сокращенной форме в соответствии с главой 32.1 настоящего Кодекса, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий прокурора, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве дознания в сокращенной форме, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу».

Полагаем, что введение в УПК РФ вышеприведенного положения обеспечит соблюдение разумности сроков производства по уголовным делам, расследуемым в сокращенной форме дознания, акцентирует внимание должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль и прокурорский надзор, на соблюдение разумности, начиная с момента проверки сообщения о преступлении,

обеспечит права участников уголовного судопроизводства на быстрый доступ к правосудию, что изначально соответствовало замыслу законодате-

ля при введении в уголовный процесса производство дознания в сокращенной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Российская газета. 2016. 29 июня.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : Федеральный закон от 30.04.2010 N 69-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения : 13.02.2017).
3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ была введена новая форма предварительного расследования – «Дознание в сокращенной форме : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 2013. 6 марта; Российская газета. 2013. 30 декабря.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения : 13.02.2017).
5. См., например, Белавин А.А., Бочинин С.А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. 2016. № 13. С. 12-17; Хисматуллин И.Г. Проблемные вопросы сокращенной формы дознания // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 59-61; Магомедов М.А. Дознание в сокращенной форме : проблемы и перспективы // Законы России: опыт, анализ и практика. 2015. № 4. С. 81-83.
6. Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://10.5.0.16> (дата обращения : 13.02.2017).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

История советского государства и права : учебно-методическое пособие / сост. А.А. Микерин, В.В. Казаченок. – Казань, 2016. – 60 с.

В пособии представлены учебные и методические материалы по курсу «История государства и права России» для курсантов очной формы обучения КЮИ МВД России, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 – Правоохранительная деятельность.

УДК 343.97

А.Е. Шалагин

**КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ:
ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА****CRIMINAL VICTIMOLOGY:
CONCEPT, CONTENTS AND PREVENTION**

В статье показано значение криминальной виктимологии для современной юридической науки. Отражены исторические аспекты и современное состояние виктимологических исследований. Особое внимание обращено на типологию и характеристику жертв преступных посягательств. Проанализированы виктимологические факторы и предложены меры виктимологической профилактики.

Ключевые слова: виктимология, виктимность, виктимизация, виктимологическая ситуация, жертва, потерпевший, виктимологическая профилактика.

The importance of the criminal victimology for the modern juridical science is shown in the given article. The historical aspects and the current state of the victimological investigations are considered. Special attention is paid to the typology and characteristics of victims. Victimological factors are analyzed and preventive measures are also suggested.

Key words: victimology, victimity, victimization, victimological situation, victim, preventive measures.

Термин «виктимология» происходит от лат. *victima* – жертва и греч. *logos* – учение. Человек может стать жертвой природных, социальных, техногенных процессов. Они могут произойти в результате случайного стечения обстоятельств, нарушения правил техники безопасности, различных происшествий, в том числе и криминального характера[1, С. 8].

Криминальная виктимология изучает личность жертвы, пострадавшей от уголовно-наказуемого деяния, а также характер взаимоотношений с преступником, механизм виктимного поведения, формы и методы защиты от противоправного поведения. О соотношении виктимологии и криминологии существует несколько мнений. Одно заключается в том, что виктимология – самостоятельная научная дисциплина, взаимосвязанная с юридическими и социальными науками, другое – что это перспективное научное направление, развивающееся в рамках криминологии. Последнее на современном этапе представляется более оправданным и способствует развитию криминологических идей.

В начале XX столетия профессор Георг Клейнфеллер обнародовал результаты своих исследований о жертве и ее роли в механизме преступного посягательства. Его последователь Ганс фон Гентинг в 1948 году опубликовал монографию «Преступник

и его жертва: исследование по социобиологии преступности». В 1975 г. вышла книга Б. Мендельсона «Общая виктимология», в которой рассматривались не только жертвы преступлений, но и пострадавшие от стихийных бедствий, катастроф, войн и др.

Возникновение криминальной виктимологии – закономерный процесс, который был вызван необходимостью разработки и реализации профилактических мероприятий, повышением уровня раскрываемости преступлений, оптимизацией уголовной политики, определением стандартов защищенности населения. Роль и значение виктимологических исследований были признаны на международном уровне.

История отечественной виктимологии как самостоятельного научного направления начинается с публикации в 1966 г. статьи Л.В. Франка «Об изучении личности и поведения потерпевшего», благодаря которой в научный оборот были введены виктимологические термины и определения. Отдельные аспекты криминальной виктимологии рассматривались в трудах В.В. Вандышева, К.В. Вишневецкого, Г.Н. Горшенкова, А.А. Глухой, А.И. Долговой, П.А. Кабанова, В.Е. Квашиша, В.П. Коновалова, В.В. Меркурьева, В.И. Полубинского, С.В. Расторопова, Д.В. Ривмана, Б.В. Сидорова, А.Л. Ситковского, А.Л. Репецкой, В.Я. Рыбальской,

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

© Шалагин А.Е., 2017

Статья получена: 09.01.2017. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

Г.И. Уразаевой, В.С. Устинова, Д.А. Шестакова и др.

Под виктимностью понимается предрасположенность (способность) при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления или неспособность противостоять криминальному поведению [2, С. 106]. В своем исследовании С.Г. Войтенко виктимность понимает как определенный комплекс социально-психологических, физиологических свойств личности, обуславливающих во взаимодействии с внешними факторами определенную способность человека стать жертвой преступления, а также особое свойство личности, определяющее степень ее уязвимости от общественно опасного деяния [3, С. 25].

Высоким уровнем личностно-ситуативной виктимности по отношению к другим категориям граждан характеризуются: 1) женщины (в том числе беременные); 2) малолетние и несовершеннолетние; 3) пенсионеры; 4) инвалиды; 5) индивидуальные предприниматели; 6) иностранные граждане (мигранты); 7) маргинальные слои населения и др.

Виктимизация – процесс превращения лица в жертву преступного посягательства. Условиями виктимизации являются объективные и субъективные факторы, которые влияют на уровень виктимности, создают предпосылки к возникновению конфликтных ситуаций, облегчают совершение противоправных действий. Такие условия проявляются в индивидуальном, групповом и массовом поведении людей [4, С. 76].

Уровень виктимизации российского общества напрямую зависит от степени защищенности прав и свобод граждан. Проведение виктимологических исследований способствует выявлению жертв преступлений, расширяет возможности специалистов в получении объективной криминологически значимой информации, в том числе и о состоянии латентной преступности. Также научные исследования позволяют подробно и точно описать механизм виктимного поведения, характерные особенности личности потерпевшего, выработать комплекс мер, направленный на своевременное предупреждение и пресечение преступлений [5, С. 6].

Поведение человека по своей природе может быть рискованным, провоцирующим, легкомысленным, аморальным, противоправным и т.п., что может привести к совершению в отношении него преступного посягательства. Для характеристики личности потерпевшего (жертвы преступления) существенное значение имеют следующие показатели: пол, возраст, образование, вид профессиональной деятельности, социальное положение, наличие семьи, взаимоотношения в микро- и макрогруппах. Сочетание объективных и субъективных факторов, их взаимосвязь и взаи-

мообусловленность, в конечном счете, определяют виктимное поведение, а также формирование защитного механизма от преступных посягательств.

Д.В. Ривман считал, что предмет криминальной виктимологии составляют лица, которым причиняется материальный, физический или моральный вред; механизм виктимного поведения; ситуация, в результате которой совершено общественно опасное посягательство; взаимоотношения преступника и жертвы [6, С. 12].

В.И. Полубинский к ее предмету относил:

а) виктимность как специфическое биопсихосоциальное явление;

б) демографические, социальные, психологические, нравственные, юридические характеристики лиц, которым причинен ущерб совершенным преступлением;

в) виктимологическую обстановку, т.е. обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению противоправного деяния;

г) специфику отношений между преступником и жертвой преступления, в том числе инверсию ролей;

д) формы и методы предупреждения виктимного поведения (виктимологическую профилактику);

е) процедуру и способы возмещения потерпевшему причиненного вреда [7, С. 53].

К вышеперечисленному необходимо отнести проблемы, связанные с адаптацией и оказанием своевременной помощи лицам, пострадавшим от преступления [8, С. 16].

Под виктимной ситуацией следует понимать совокупность негативных факторов окружающей среды, возникших в силу поведения жертвы преступления или в связи с наличием у нее виктимных личностных характеристик, которые, взаимодействуя с негативными качествами личности преступника, привели к совершению преступления [9, С. 296]. Виктимные ситуации требуют постоянного наблюдения и своевременного корректирующего воздействия со стороны правоохранительных органов и иных государственных структур. Они могут включать в себя:

- формирование предпосылок к виктимному поведению;

- возникновение условий, предшествующих совершению преступления;

- виктимное поведение жертвы (в момент совершения преступления);

- поведение жертвы после преступного деяния [10, С. 160].

Нередко поведение жертвы становится причиной преступления или облегчает его совершение. Без детального изучения виктимологических факторов невозможна квалифицированная разработка эффективных мер предупреждения преступности,

прогнозирование криминогенной ситуации, а также планирование упреждающих действий по недопущению противоправного поведения.

Современная виктимология активно развивается, как в зарубежных государствах, так и в России. Все чаще заявляют о себе ее перспективные научные направления, способствующие совершенствованию юридической и превентивной практики. Отечественные и иностранные специалисты в области криминальной виктимологии исследуют такие ее направления, как: а) виктимология насильственной преступности; б) виктимология экстремизма и терроризма; в) виктимология корыстной и экономической преступности; г) пенитенциарная виктимология; д) виктимология неосторожной преступности; е) виктимология коррупции и организованной преступности и т.д. [11, С. 9].

Существуют разнообразные типологии жертв преступных посягательств. Так, исходя из устойчивости личных качеств, определяющих виктимную предрасположенность, можно выделить следующие типы жертв:

1) случайные – ставшие потерпевшими в результате стечения обстоятельств (неблагоприятная дорожно-транспортная ситуация);

2) ситуативные – пострадавшие от одного или нескольких виктимологических факторов (кража чужого имущества в общественном месте в период проведения массовых мероприятий);

3) профессиональные – лица, пострадавшие на производстве или в результате выполнения своих должностных обязанностей [12, С. 735];

4) добровольные – лица, неосознанно вступившие в связь с преступником (на-пример, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достиг-шим 16-летнего возраста; получение сексуальных услуг несовершеннолетнего).

По характеру поведения различают: а) агрессивных; б) активных; в) инициативных; г) не критичных; д) нейтральных жертв преступления [13, С. 99-105].

Жертвы преступных посягательств в зависимости от степени их личного участия в создании криминогенной ситуации делятся на:

- невинные жертвы (например, малолетний, инвалид, престарелый человек);

- жертвы с минимальным уровнем вины (нахождение в нетрезвом состоянии в компании малознакомых людей);

- жертвы в равной степени виновные в произошедшем с правонарушителем (оставление автомобиля на неохраняемой стоянке, неоснащение его средствами сигнализации и противоугонными устройствами);

- жертвы более виновные, чем правонарушитель (лицо, спровоцировавшее другого на совершение

противоправных действий, в результате собственных неправомерных или аморальных поступков);

- исключительно виновные жертвы (такое поведение возможно при систематических оскорблениях, побоях, истязании и др.) [14, С. 239].

Также выделяют потенциальных жертв (в отношении которых совершение преступления еще не произошло, но его угроза значительна), реальных (лица, которым причинен имущественный, физический, моральный вред), латентных (неизвестных правоохранительным органам по тем или иным обстоятельствам) [15, С. 40].

Виктимологические факторы – это совокупность социально-негативных (позитивных) взаимодействующих компонентов, обуславливающих наличие интегративных качеств личности и внешней среды, которые формируют виктимность и могут способствовать совершению преступления [16, С. 78]. Общепринято выделять экономические, политические, социальные, правовые, культурно-нравственные, организационно-управленческие, психологические, технические и иные факторы виктимизации.

К виктимологическим признакам личности относятся: биологические (пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции, устойчивость нервной системы); социально-демографические (образование, семейное положение, профессия); нравственно-психологические (темперамент, характер, интеллект, эмоциональные и волевые качества, убеждения, ценностные ориентации); экономические (уровень материальной обеспеченности), культурные (поведение в быту, на работе, в общественных местах) [17, С. 70].

Таким образом, к основным задачам криминальной виктимологии относятся:

1) изучение поведения жертвы, причин, по которым лица становятся потерпевшими;

2) анализ виктимных ситуаций и способов защиты от противоправного поведения;

3) разработка и реализация мер виктимологической профилактики (определение концепции личной и групповой безопасности населения, проведение профилактических мероприятий);

4) оказание помощи лицам, пострадавшим от преступных действий, возмещение причиненного ущерба, минимизация негативных последствий противоправного поведения.

Виктимологическая профилактика – это деятельность субъектов предупреждения преступлений в сфере реализации общих и индивидуальных мер, направленных на снижение у населения и отдельных граждан риска стать жертвой преступных посягательств [18, С. 173]. К ее мерам относят: информирование населения о криминальной си-

туации и существующих угрозах, способах защиты жизни, здоровья, собственности; выявление потенциальных и латентных жертв преступлений и иных правонарушений; проведение профилактических бесед с гражданами, характеризующимися повышенным уровнем виктимности; анализ виктимологических факторов [19, С. 47]. Выделяются следующие виды виктимологической профилактики: а) общая; б) специальная (видовая); в) индивидуальная; г) реабилитационная [20, С. 99-100].

На официальных сайтах правоохранительных органов размещается информация о том, как не стать жертвой тех или иных противоправных действий. Данные сведения распространяются через средства массовой информации, раздаются гражданам в виде брошюр и буклетов. Органами

внутренних дел совместно с гражданами отрабатывается алгоритм действий, направленный на упреждение преступлений и административных правонарушений. Виктимологической профилактике способствует проведение оперативно-профилактических операций, направленных на минимизацию правонарушений и обеспечение общественного порядка. К их числу можно отнести: «Алкоголь», «Мак», «Притон», «Арсенал», «Незаконный мигрант», «Подросток», «Безопасная дорога» и др. Одним из перспективных направлений современной криминальной виктимологии остается обучение граждан тактике действий в сложившейся обстановке, развитие у них навыков и умений самозащиты от преступных посягательств, обеспечение общественной и личной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриб В.Г., Шикула И.Р., Мажников А.В. Основы обеспечения виктимологической безопасности жертв преступного насилия : учебное пособие. М. : Синергия, 2013. 288 с.
2. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : дис. ...докт.юрид.наук. М. : МУ МВД России, 2008. 399 с.
3. Войтенко С.Г. Криминологическое исследование виктимности потерпевших. Белгород, 2000. 164 с.
4. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 224 с.
5. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология : учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 191 с.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. 304 с.
7. Полубинский В.И. Криминальная виктимология : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2008. 210 с.
8. Ившин В.Г., Идрисова С.Ф., Татьяна Л.Г. Виктимология : учебное пособие. М. : Волтерс Клувер, 2011. 264 с.
9. Криминология. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Юрайт, 2016. 303 с.
10. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М. : Волтерс Клувер, 2004. 640 с.
11. Чурляева И.В. Криминальная виктимология : учебное пособие. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2009. 80 с.
12. Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 771 с.
13. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений : учебное пособие. Ленинград, 1975. 157 с.
14. Mendelsohn B. The origin of the doctrine of victimology // *Excerpta Criminologica*. 1963. Vol. 3. № 4. P. 239.
15. Уразаева Г.И. Психология виктимной личности : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2014. 284 с.
16. Глухова А.А., Изосимов С.В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учебное пособие. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. 158 с.
17. Гаджиева А.А. Виктимология : курс лекций. Махачкала : ДГУНХ, 2016. 152 с.
18. Полубинский В.И. Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2010. 227 с.
19. Шалагин А.Е. Актуальные направления профилактической деятельности органов внутренних дел на современном этапе // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2014. № 2(16). С. 44-48.
20. Папкин А.И. Современная криминальная виктимология : учебно-методическое пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2006. 157 с.

УДК 343.779

Н.И. Кузнецова

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ
С ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ****SOME DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY OF RUSSIA
IN THE SPHERE OF COMBATING ENVIRONMENTAL CRIME**

В статье рассматриваются некоторые направления уголовной политики в сфере борьбы с экологическими преступлениями. Особое внимание автор уделяет таким из них, как криминализация и пенализация. Вместе с тем отмечается наличие других направлений и потенциальная возможность появления принципиально новых.

Ключевые слова: уголовная политика, экологические преступления, криминализация, пенализация, уголовная ответственность юридических лиц.

The article considers some trends of criminal policy in the fight against environmental crime. Special attention is paid to such of them as criminalization and penalization. However, the author notes the existence of the other areas and the potential emergence of a fundamentally new one.

Key words: criminal policy, environmental crime, criminalization, penalization, the criminal liability of legal entities.

Обострение экологической ситуации в стране, хищническое использование природных ресурсов, неконтролируемый вывоз за рубеж природных богатств делают настоятельно необходимой выработку четких ориентиров в определении уголовной политики государства в сфере борьбы с экологическими преступлениями.

Уголовная политика – это социальная политика борьбы с преступностью, которую в определенном смысле можно характеризовать как продиктованную интересами общества систему правил осуществления специфического взаимодействия государства и преступного мира [1, С. 9]. Под уголовной политикой принято понимать действующую в государстве систему взглядов, идей, направлений борьбы с преступностью. Правильный выбор направлений уголовной политики существенным образом влияет на процессы выработки законодательства, что в свою очередь напрямую ведет к эффективности его реализации.

В рамках одной статьи не представляется возможным отразить весь спектр вопросов, связанных с состоянием, выработкой, реализацией, корректировкой уголовной политики, оценкой её эффективности. Вместе с тем считаем необходимым остановиться на наиболее важных, на наш взгляд, направлениях развития уголовной политики в сфе-

ре борьбы с экологическими преступлениями.

Наиболее очевидным проявлением реализации уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности является такой процесс, как криминализация.

Под криминализацией понимают выявление общественно опасных форм индивидуального поведения, признание допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксацию их в законе в качестве преступных и уголовно-наказуемых [2, С. 82].

Критерием для криминализации деяния обоснованно является общественная опасность поведения, требующего уголовно-правового запрета [3, С. 365].

Свежим примером криминализации общественно опасного поведения, несущего в себе угрозу экологической безопасности общества, явилось включение в 2013 году в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 258.1, предусматривающей ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Бесспорно, незаконная добыча и оборот указанных видов животных и водных биологических ресурсов нужда-

Кузнецова Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: natasha40480@mail.ru

© Кузнецова Н.И., 2017

Статья получена: 25.11.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

лись в криминализации.

Включение в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 258.1 явилось большим шагом вперед по усилению уголовно-правовой охраны отдельных объектов животного мира. Ранее в Уголовном кодексе Российской Федерации подобной уголовно-правовой нормы не существовало. Совершенно обоснованно была криминализована такая пособническая деятельность браконьерской направленности, как содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа указанных особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

Однако процесс криминализации является очень сложным, многоплановым, требует учета целого ряда факторов. В ходе её реализации законодатель сталкивается с множеством проблем, неизбежно допускает просчеты.

Одним из наиболее существенных просчетов в процессе криминализации экологических преступлений является недооценка законодателем степени их общественной опасности. Подтверждением этому является анализ отнесения законодателем экологических преступлений к тем или иным категориям.

Так, в настоящее время в главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации «Экологические преступления» содержится 18 статей, включающих 41 состав. Из них 26 составов – это преступления небольшой тяжести, 10 – средней тяжести, 5 составов – тяжкие преступления.

Таким образом, составов, содержащих признаки особо тяжких преступлений, в гл. 26 УК РФ нет. Законодатель относит подавляющее большинство предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации экологических преступлений к преступлениям небольшой тяжести.

Факт наличия значительного количества составов не говорит о качестве уголовно-правовой охраны экологических интересов общества. На основе уголовно-правовой статистики можно сделать вывод, что из 18 статей главы 26 УК РФ 13 статей, призванных обеспечить экологическую безопасность страны, в той или иной степени содержат нормы, которые могут быть определены как «мертвые» [4, С. 334–345.]

Еще одним очевидным просчётом при криминализации экологических преступлений является то, что законодатель в процессе разработки и принятия изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс РФ в недостаточной мере учитывает некоторые принципиальные отличия общественно опасных деяний экологической направленности от иных преступных деяний (к примеру, преступлений против личности, собственности и др.)

Во-первых, специфика экологических престу-

плений проявляется в том, что при совершении отдельного вида этих преступлений (например, посягающих на животный мир) вред причиняется окружающей среде в целом ввиду происходящего в этом случае нарушения экологических взаимосвязей. В свою очередь, нарушения экологических взаимосвязей приводят к нарушению экологического равновесия с трудно предсказуемыми тенденциями развития и отдаленными последствиями, что ставит под угрозу существование жизни на планете [5, С. 94].

Во-вторых, существенным различием является круг лиц, которым в результате преступления причиняется вред. К примеру, если от кражи имущества страдает конкретное лицо либо весьма ограниченный круг лиц, то экологические преступления наносят урон неопределенной общности индивидов, насчитывающей порой десятки тысяч человек. При этом часто эти люди даже не осознают того, что стали потерпевшими от экологического преступления.

В-третьих, момент совершения преступления и наступления общественно опасных последствий могут быть разделены длительным промежутком времени. Последствия этих преступных деяний могут затронуть интересы будущих поколений. В этом кроется особая опасность экологических преступлений. Например, при тайном незаконном захоронении экологически опасных веществ и отходов очевидный вред может проявиться спустя много лет или даже десятилетий.

Кроме того, специфической особенностью экологических преступлений является возможность наступления вредных последствий не в месте непосредственного совершения преступления, а в другой географической точке, возможно, находящейся на весьма значительном расстоянии. Хрестоматийным примером служит авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 года. Катастрофические последствия радиоактивного заражения тогда испытало на себе население значительного числа стран Западной Европы. Таким образом, имеет смысл говорить о трансграничном характере экологической преступности, что неизбежно порождает целый комплекс коллизий как внутригосударственного законодательства ряда государств, так и норм международного права.

Недооценка степени общественной опасности экологических преступлений проявляется в том, что рассматриваемые составы преступлений помещены законодателем в раздел 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Из этого следует, что родовым объектом экологических преступлений являются общественные отношения по охране обществен-

ной безопасности и общественного порядка.

Беспорность такой позиции представляется дискуссионной. Следует отметить, что за последние десятилетия масштаб негативного воздействия человека на природу качественно изменился. Человечество проживает в условиях мирового кризиса окружающей среды, вызванного антропогенными факторами, прежде всего деятельностью самого человека, что ставит под угрозу существование всех живых организмов. В связи с этим взгляды ученых и законодателя на социально-правовую природу экологических преступлений должны быть принципиально переосмыслены. Так, профессор А. В. Яблоков справедливо отмечает: «Если воздухом нельзя дышать, воду нельзя пить, а пищу нельзя есть, то все социальные проблемы теряют свой смысл». И это действительно так. Благоприятная окружающая среда является естественной средой обитания людей. Живые существа не способны существовать без воздуха, воды, пищи. Уничтожение окружающей среды, ее деградация будут означать гибель всего общества [6, С. 67-68].

Таким образом, исходя из специфики общественно опасных последствий экологических преступлений, представляется, что экологическая безопасность не должна рассматриваться только как часть общественной безопасности, поскольку при наступлении экологической катастрофы потеряют свой смысл и обеспечение общественной безопасности, и охрана общественного порядка.

На основании изложенного, считаем целесообразным главу 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления» выделить в самостоятельный раздел УК РФ, расположив его после раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». В результате такого деления родовым объектом экологических преступлений будут выступать общественные отношения по обеспечению экологической безопасности.

Отдельного внимания заслуживает такое направление уголовной политики, как пенализация.

Под пенализацией понимают процесс установления характера наказуемости криминализованных деяний законодателем, а также процесс назначения наказания в судебной практике [7, С. 9].

С момента принятия в 1996 году Уголовного кодекса РФ санкции главы 26 претерпели ряд изменений.

Наиболее существенные преобразования санкций за совершение экологических преступлений связаны с принятием Федерального закона № 26-ФЗ от 7 марта 2011 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Всего изменениям подверглись санкции 9 статей гл. 26 УК РФ, устанавливающие минимальную границу

наказания в виде лишения свободы. Нижний предел лишения свободы был устранен, что позволило судьям часто необоснованно назначать минимальные сроки лишения свободы за совершение экологических преступлений. Эта неоднозначная, с точки зрения обеспечения экологической безопасности, новелла встретила целый ряд критических замечаний ученых-правоведов и представителей общественности [8, С. 83].

Характеризуя санкции статей гл. 26 УК РФ, следует отметить их очевидную бессистемность и нелогичность. Так, к примеру, в статье 246 и статье 249 УК РФ содержатся схожие наказания в виде штрафа до 120 тыс. рублей. Однако в первом случае оно отнесено к преступлениям средней тяжести, а во втором случае – небольшой тяжести. С. И. Голубев совершенно верно подмечает, что в ч. 2 ст. 250 УК РФ и ч. 2 ст. 251 УК РФ (преступления небольшой тяжести) в качестве наказания установлены обязательные работы на срок до 480 часов или исправительные работы до 2 лет. Точно такое же наказание предусмотрено и в ст. 246, ч. 2 ст. 248 УК РФ, но здесь эти преступления уже отнесены к категории средней тяжести [9, С. 156].

С нашей точки зрения, закрепление в уголовном законе одних и тех же видов и размеров наказаний для преступлений различных категорий тяжести является неправильным, поскольку в соответствии со ст. 15 УК РФ «в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления». Таким образом, у преступлений различной степени тяжести не может быть одинаковой степени общественной опасности. Следовательно, и санкции должны быть различными. Наличие схожих санкций за преступления различной степени тяжести затрудняет адекватную оценку общественной опасности деяния.

Недостаточное осознание опасности экологических преступлений ведет к тому, что суды зачастую назначают за них слишком мягкие наказания.

На сегодняшний день неразрешенной проблемой в сфере борьбы с экологическими преступлениями является отсутствие уголовной ответственности юридических лиц. Статистика утверждает, что именно ими совершается основная часть преступлений в экологической сфере, приносящих огромный вред окружающей среде [10, С. 86-89].

Представляется, что уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления в настоящее время реально необходима. Это утверждение основано на позитивном опыте зарубежных стран, на мнении большого коли-

чества российских ученых, подтверждается результатами проведенного нами исследования. Уверены, что такая мера будет способствовать повышению эффективности борьбы с экологическими преступлениями.

Отмеченные в статье направления уголовной политики государства в сфере борьбы с экологическими преступлениями являются, по мнению автора, на сегодняшний день наиболее существенными, но далеко не единственными. Среди прочих направлений заслуживают внимания:

- оптимизация уголовного законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности. Представляется целесообразным выделение главы 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические престу-

пления» в самостоятельный раздел УК РФ. Нуждаются в уточнении санкции статей указанной главы;

- устранение «мертвых» норм главы об экологических преступлениях;

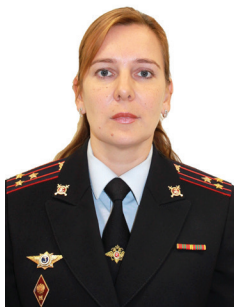
- установления уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений.

Как известно, политика в целом и уголовная в частности представляют собой динамично развивающийся феномен, испытывающий на себе влияние множества факторов. Поэтому вполне очевидно выдвижение в обозримой перспективе на первый план иных направлений уголовной политики в сфере борьбы с экологическими преступлениями, а также появление принципиально новых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М. : Проспект, 2014.
2. Российское уголовное право. Т. 1. Преступление : курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008.
3. Попов И. В. Преступления против природной среды : теоретические основы и практика применения : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
4. Коррупция : состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под редакцией профессора А.И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2015.
5. См. : Браташова Н. И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
6. См. : Браташова Н. И. Преступления, посягающие на животный мир: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2011.
7. Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004.
8. Голубев С.И. Наказания за экологические преступления по УК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1.
9. Голубев С.И. Наказания за экологические преступления : теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.
10. Браташова Н.И. Экологическая преступность – угроза национальной безопасности страны // Информационная безопасность регионов. Саратов, 2011. №1 (8).

УДК 343.9+159.9

М.В. Баранчикова

Т.В. Мальцева

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ СКОРОСТИ

FEATURES PREVENTION AND ENSURING INEVITABILITY OF RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC WHEN USING AUTO-FIXING OF EXCESS OF SPEED

Статья посвящена использованию средств автоматической фиксации нарушений скоростного режима как мере профилактики дорожно-транспортной аварийности. Опыт их применения показал, что максимальный профилактический эффект воздействия средств фотовидеофиксации на нарушителей скоростного режима достигается при их постоянном использовании в очагах аварийности на протяжении длительного времени. Осознание неотвратимости наказания может выступить определяющим сдерживающим фактором, обеспечивающим соблюдение нарушителями правил дорожного движения и эффективной мерой профилактики преступлений в сфере дорожного движения,

Ключевые слова: профилактическое воздействие, превышение скоростного режима, дорожно-транспортный нарушитель, безопасность дорожного движения, средства фотовидеофиксации, нарушение правил дорожного движения.

The article is devoted to the use of auto-commit violations of speed limits as a measure of prevention of accidents. Experience of their use showed that the maximum preventive effect of means of fotovideoфиксация on violators of speed limits is achieved by their constant use in black spots for a long time. Awareness of the inevitability of punishment can be a determining limiting factor, ensuring that violators of traffic rules and effective measure of preventing crimes in the sphere of road traffic

Key words: speeding, preventive action, road traffic violator, traffic safety, fotovideoфиксация means, a traffic violation.

В современный период профилактика дорожно-транспортных преступлений, традиционно оцениваемая с точки зрения эффективности предупредительного воздействия на все компоненты триады «человек-автомобиль-дорога», носит комплексный характер, включает устранение причин, связанных со всеми указанными факторами.

Однако преобладающим направлением обе-

спечения безопасности дорожного движения выступает воздействие на «человеческий фактор», в первую очередь на лиц, управляющих транспортными средствами. Именно действия водителей в разнообразии погодных, дорожных условий, технического состояния транспортных средств, опыта управления автомобилем, обусловленные их личностными особенностями, создают фон до-

Баранчикова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

Мальцева Татьяна Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: mtv-psy@mail.ru

© Баранчикова М.В., 2017

© Мальцева Т.В., 2017

Статья получена: 18.05.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

рожно-транспортной безопасности.

Повышение культуры вождения определено в качестве одной из задач Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [2]. Одним из направлений ее реализации выступает профилактика нарушений правил дорожного движения путем использования автоматических комплексов фотовидеофиксации, которые призваны повлиять на дисциплину водителей, предотвратить возможные нарушения, в том числе связанные с превышением скорости.

Воздействие средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения ориентировано на выявление и предотвращение появления неправопослушных участников дорожного движения соответственно с целью неотвратимости наказания дорожно-транспортных нарушителей и обеспечения соблюдения водителями установленной скорости движения.

Система фотовидеофиксации, введенная Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [1], выступает важным средством обнаружения нарушений правил дорожного движения, активно применяемым на российских дорогах. Она позволяет обеспечить максимальную выявляемость фактов нарушений скоростного режима, снизить количество дорожно-транспортных происшествий в местах ведения фотовидео наблюдения за дорожной обстановкой. Расширение сферы и объема применения средств фотовидеофиксации дорожно-транспортных нарушений обуславливает пропорциональный этому рост числа зафиксированных нарушений.

В 2015 году по результатам работы стационарных и передвижных комплексов, работающих в автоматическом режиме, было вынесено более 50 млн постановлений по делам об административных правонарушениях, что на 4 % больше по сравнению с 2014 годом. За шесть месяцев 2016 года их количество составило 26,2 млн, что на 17 % больше, чем за аналогичный период 2015 года.

В настоящее время 76 % стационарных комплексов ориентированы на фиксацию превышения установленной скорости движения транспортных средств, что составляет 89 % от общего количества правонарушений, зафиксированных в автоматическом режиме [16].

Сегодня «менталитет российских водителей не позволяет надеяться на законопослушное поведение за рулем без постоянного внешнего надзора. В этих условиях особую важность и эффективность с точки зрения выявления и фиксации противоправного поведения водителей представляет собой более

широкое использование средств видеофиксации» [6].

Современное «государство и общество при нынешнем уровне научно-технического развития не в состоянии влиять на содержание сознания водителей в момент, когда они собираются нарушить ПДДиЭТС или начинают соответствующие осознанные действия (бездействие)» [7]. Однако воздействовать на правосознание водителей в момент, когда они собираются превысить допустимый на конкретном участке дороги скоростной режим путем установки соответствующих предупреждающих знаков вполне реально.

Очевидно, что дорожно-транспортные нарушители обладают определенными криминологическими особенностями, изучение которых в научной литературе [8, 13 и др.], показало, что эмпирические исследования в ней проводились на водителях, осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ либо ставших участниками дорожно-транспортного происшествия, изучалось влияние травматического события на личность испытуемого. При этом личность водителя, допускающего превышение скоростного режима, практически не исследована.

Между тем изучение личности осужденного водителя, уже отбывающего наказание, не дает понимания картины того, какими личностными особенностями он обладал «до» и «в момент» совершения преступления. Нахождение виновного в ситуации ДТП, в процессе его расследования, судебного рассмотрения дела, отбытия наказания являются психотравмирующими событиями и накладывают на личность серьезный отпечаток, изменяя ее. Таким образом, понятия «личность осужденного водителя» и «нарушитель скоростного режима» не тождественны.

В исследовании личности водителя, допускающего превышение скоростного режима, приняли участие 84 человека, из которых 41 признавали факт нарушений скоростного режима (экспериментальная группа), а 43 отрицали. При этом из 43 водителей только 18 согласились пройти тестирование и составить контрольную группу. В свою очередь 25 человек находили предлоги отказаться от эксперимента, что заставляет усомниться в их искренности.

Исследование проводилось с использованием опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» С. Хобфолла, Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» – 4 (МЛЮ-АМ) А.Г. Маклакова и анкеты, включающей вопросы по социально-демографическим данным, особенностям ситуации превышения скорости и причинам, повлекшим это нарушение.

Анализ анкетирования показал, что количество

эпизодов превышения скорости на трассе и в населенном пункте было одинаково. Около 30% опрошенных совершили только одно нарушение, по 19% - соответственно 2, 3 и 4 нарушения, 13% - более четырех фактов превышения скорости. Чаще всего причиной превышения скорости респонденты называли срочную необходимость следовать по важным делам и привыкание к темпо-ритму движения, вследствие чего водитель не успел сбросить скорость. Другой причиной превышения скорости называли невнимательность.

Водители экспериментальной группы были разделены равномерно на две возрастные подгруппы 18-35 лет и 36- и старше лет. При сравнении подгрупп разница была выявлена по количеству эпизодов превышения скоростного режима. В группе 18-35-летних водителей таких эпизодов в два раза больше, чем в группе от 36 лет. Более чем в 3 раза 18-35-летние чаще превышают скорость на трассе и в 1,5 раза в населенном пункте, чем водители старше 35 лет.

Водители старше 35 лет причиной превышения скорости называют главным образом срочную необходимость следовать по важным делам.

При анализе индивидуально-личностных особенностей данных подгрупп и сравнении с контрольной группой было выявлено следующее. Экспериментальная группа от контрольной отличается низким уровнем законопослушности и высокой степенью использования активной и асоциальной стратегий преодоления стрессовых ситуаций, что свидетельствует о сниженном уровне социализации, о пренебрежительном отношении к нормам и правилам поведения в социуме, принятии закона с оговорками, низком уровне правосознания и уверенности в правильности своей позиции. Различия между подгруппами выявлены не были.

Проведенное исследование показало, что личность водителя, допускающего превышение скорости, не имеет принципиальных индивидуально-психологических особенностей. Низкий уровень законопослушности и высокую степень использования асоциальной стратегий преодоления стрессовых ситуаций возможно корректировать профилактическим воздействием и воспитательной работой среди водителей. Одним из эффективных средств такой профилактики могут стать средства фотовидеофиксации скоростного режима.

Использование таких средств основано на принуждении водителей к соблюдению требований Правил дорожного движения и может стать одним из перспективных направлений по снижению уровня аварийности, сохранению человеческих жизней [10]. Однако эффективность использования систем фотовидеофиксации в России пока сложно оценить

однозначно, несмотря на восьмилетний опыт их использования на российских дорогах.

Немногочисленные исследования посвящены, как правило, техническим, правовым, процессуальным особенностям или проблемам применения средств фотовидеофиксации. Расчеты количества установленных средств фотовидеофиксации, выявленных ими нарушений правил дорожного движения и привлеченных к ответственности водителей с оценкой окупаемости данных средств фотовидеофиксации исчерпывают сферу оценки их эффективности.

Зарубежные исследования многолетнего использования подобного рода устройств позволяют сделать выводы о том, что на дорогах в городской местности обычно достигается больший профилактический эффект, чем на дорогах регионального и федерального значения. Однако такой эффект достигается лишь спустя определенное время с момента установки таких стационарных систем, когда водители, привыкнув к надзору за соблюдением скоростного режима на конкретном участке, выбирают скорость движения транспортного средства, не превышающую разрешенное значение.

Существующая «огромная концентрация автотранспорта в городской местности анонимизирует рядового водителя, автоматизация правоприменительной практики способна персонифицировать его в потоке движения и заставить подчиняться правилам» [9]. Зная о постоянном надзоре за скоростью движения на определенной дороге, неотвратимости фиксации нарушений скоростного режима, лица, управляющие транспортными средствами, оказываются вынужденными соблюдать дорожно-транспортную дисциплину.

Очевидно, что «превышение установленного ограничения скорости движения является основным фактором гибели людей и получения ими тяжелых ранений при дорожно-транспортных происшествиях. В связи с этим возрастает роль нового способа фиксации нарушений ПДД специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки» [12].

Главной функцией комплексов фотовидеофиксации, работающих в автоматическом режиме, должна стать, наряду с выявлением нарушений правил дорожного движения, их оптимальная профилактика. Это достигается за счет информирования граждан о местах расположения средств фотовидеофиксации путем установки соответствующего дорожного знака или разметки, предупреждающих о них водителей.

С 1 июля 2013 года на территории России действует знак «Фотовидеофиксация» и соответству-

ющая дорожная разметка. Они призваны информировать водителей о том, что в зоне действия дорожного знака может осуществляться фиксация административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. Тем самым воспринят опыт зарубежных стран, где установка подобных дорожных знаков признана эффективной мерой, способствующей снижению скорости на данных участках дорог.

Сегодня можно говорить «об активной нормотворческой и правоприменительной деятельности, направленной на внедрение средств фотовидеофиксации административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения» [14]. Обеспечение возможности выявления нарушений скоростного режима, совершенных сразу несколькими участниками транспортного потока, способствует реализации принципа неотвратимости наказания за совершенные правонарушения, искоренению чувства безнаказанности и правового нигилизма.

Результаты зарубежного опыта работы автоматического выявления и фиксации нарушений, проведенного ETSC, показали, что при применении устройств автоматического выявления и фиксации нарушений (УФН) их количество снижается в среднем на 28 % в городских районах и на 4 % - в сельской местности. При этом, несмотря на первоначальную негативную реакцию населения на устройства, автоматически фиксирующие нарушения скоростного режима, впоследствии около 80 % жителей отмечали, что фото- и видеоконтроль положительно повлиял на дорожную обстановку. Значительное снижение скорости движения в местах установки УФН привело к уменьшению числа ДТП в зонах их действия на 85% [15].

Анализ работы российских стационарных комплексов фотовидеофиксации дорожно-транспортных нарушений показал, что по прошествии определенного количества времени с момента установки комплекса у водителей транспортных средств появляется «эффект привыкания». Это приводит к тому, что водители, зная о месте расположения комплекса, принимают меры к снижению скорости движения в зоне его работы с последующим превышением скоростного режима, минуя стационарный комплекс. Это обуславливает необходимость комплексного применения стационарных и передвижных комплексов фотовидеофиксации.

Сегодня для того, чтобы «система носила вос-

питательный характер и повышала безопасность дорожного движения... необходима разработка научно обоснованной методики определения мест размещения технических средств СКДО» [5], позволяющей снизить в них число нарушений правил. Оптимальной реализацией мер профилактики и неотвратимости ответственности дорожно-транспортных нарушителей в России стоит ожидать при постоянном использовании средств фотовидеофиксации в очагах аварийности на протяжении достаточно длительного времени. Профилактический эффект достигается за счет осознания нарушителем неотвратимости выявления нарушений скорости в местах их стационарной установки и повседневного действия.

Наиболее оптимальным для безопасности дорожного движения будет комплексное сочетание стационарного и мобильного режимов фотовидеофиксации нарушений скоростного режима. Это обусловлено тем, что привыкание водителей к стационарным камерам приводит к соблюдению скоростного режима только в местах действия этих камер. В остальных случаях водители, превышая установленную скорость, часто надеются остаться безнаказанными и только в случае «неожиданности» административного наказания понимают необходимость повсеместного соблюдения правил дорожного движения [3].

Применение таких комплексов является эффективным средством профилактики дорожно-транспортных происшествий, призвано стабилизировать ситуацию в сфере дорожного движения, позволяет расширить спектр мер воздействия на его безопасность наиболее эффективными и современными средствами [4], усилить их влияние на водителей.

В современных условиях главной функцией систем фотовидеофиксации скоростного режима является воздействие на водителя с целью мотивировать его на соблюдение установленного скоростного режима [3]. Такое воздействие может быть общим или специальным, направленным как на всех водителей в целом, так и имевших «опыт» привлечения к ответственности за превышение скорости. Неотвратимость наказания нарушителей будет выступать значимым сдерживающим фактором, обеспечивающим соблюдение ими правил дорожного движения.

При этом никакие меры, взятые в отдельности, не в состоянии полностью снять проблему аварийности [11]. Эффективно осуществлять профилактику нарушений скоростного режима возможно лишь комплексно, постоянно реализуя сочетание мер профилактического и правоприменительного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 41, ст. 5183.
2. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. 1995. № 245.
3. Средства фотовидеофиксации нарушений ПДД способствуют снижению числа ДТП на российских дорогах [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.gibdd.ru> (дата обращения : 30.10.2016).
4. Домрачев Д.Г. О некоторых вопросах применении административного законодательства в целях профилактики дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 121-126.
5. Дорожно-транспортная преступность : закономерности, причины, социальный контроль / А.Ю. Кравцов, А.И. Сирохин и др. СПб. : Юрический центр-Пресс, 2011. С. 448.
6. Ефимова Е.О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
7. Обоймова С.М. К вопросу исследования психических детерминант безопасности личности водителя // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 114-116.
8. Коняев С.А., Золотарев И.И. Об эффективности использования средств автоматизированной фиксации административных правонарушений в предупреждении ДТП и сохранении жизни и здоровья участников дорожного движения // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 136.
9. Кильдеев М.В. Автоматический контроль скоростного режима на автомобильных дорогах республики Татарстан // Вестник НЦ БЖД. 2012. № 4 (14). С. 11.
10. Кузнецов А.В. Привлечение к административной ответственности за нарушения ПДД при использовании средств автоматической фиксации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 72.
11. Подчерняев А.Н. Особенности внедрения технических средств фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения // Вестник Орловского государственного университета. 2014. № 1 (36). С. 38-39.
12. Предупреждение дорожно-транспортного травматизма : обзорная информация. Выпуск 18. М. : НИЦ БДД МВД России, 2006. С. 42-45.
13. Воробьев А.И., Гаврилюк М.В. Методика определения мест установки системы фото- и видеофиксации и дополнительных элементов инфраструктуры // Вестник МАДИ. 2013. № 2 (33). С. 83.
14. Баранчикова М.В., Смоляков А.И. Использование средств фото-видеофиксации для выявления нарушений скоростного режима: обеспечение безопасности дорожного движения или фискальная функция? // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (67). С. 198-207.
15. Баранчикова М.В., Кузнецова И.И. Пропаганда безопасности дорожного движения : криминологические и психолого-педагогические аспекты // Вестник Орловского государственного университета. 2015. № 4. С. 23.
16. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография. М.: Юрлитформ, 2015. С. 51.

УДК 343.2.7

Ю.Р. Хамзяева

**НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ**

**NOT MESSAGE ON A CRIME: AREAS FOR IMPROVEMENT
OF THE PENAL PROVISIONS**

В статье рассмотрены вопросы, возникающие в связи с введением в Уголовный кодекс РФ статьи 205.6 «Несообщение о преступлении». Обозначена авторская позиция относительно целесообразности редакции наименования и примечания уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: несообщение о преступлении, близкие лица, близкие родственники, терроризм, террористические преступления, уголовное законодательство, освобождение от уголовной ответственности.

Some questions arising in connection with introduction of the article 205.6 “Not Message on a Crime” to the Criminal code of the Russian Federation are considered. The author’s position concerning expediency of edition of the name and the note of the criminal precept of law is given in the present article.

Key words: not message on a crime, close persons, close relatives, terrorism, terrorist crimes, criminal legislation, release from a criminal responsibility.

24 июня 2016 г. Государственной Думой РФ приняты 2 Федеральных закона:

1. «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» № 374-ФЗ [1];

2. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» № 375-ФЗ [2].

В СМИ и общественных дискуссиях законодательные акты получили наименование «Законы Яровой» или «Пакет Яровой» по фамилии одного из авторов – депутата Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой. Вторым автором является член Совета Федерации ФС РФ В.А. Озеров.

Исходя из официальных названий, законы имеют прямую антитеррористическую направленность. Значимые изменения внесены Федеральным законом № 375-ФЗ в Уголовный кодекс России: расширен перечень террористических преступлений, ответственность за которые насту-

пает с 14 лет, ужесточено наказание за совершение экстремистских и террористических преступных деяний, подвергнуты редакции статьи 205.1-205.5 УК РФ, введены новые составы преступлений 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» и 361 УК РФ «Акт международного терроризма». Большинство положений закона вступили в силу с 20 июля 2016 г.

Внесенные изменения в Уголовный кодекс РФ, несомненно, будут способствовать повышению эффективности противодействия терроризму. Но, несмотря на все имеющиеся положительные моменты, они не лишены некоторых недостатков. Так, формулировка статьи 205.6 УК РФ вызывает серьезные вопросы, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Законодатель предусмотрел наименование статьи «Несообщение о преступлении», а в перечне статей, за несообщение о подготовке и реализации которых предусмотрена уголовная ответственность, указал на статьи 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, то есть статьи, предусматривающие ответственность за преступления террористического характера и направленности. Отсюда следует, что наименование статьи не соответствует содержанию. При существующем названии статьи в ее дис-

Хамзяева Юлия Радиковна, преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

e-mail: julia.727@yandex.ru

© Хамзяева Ю.Р., 2017

Статья получена: 06.12.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

позиции следовало предусмотреть ответственность за несообщение о любом преступлении, а не только о террористическом. Но здесь возникает этический вопрос возрождения института доносительства [3], которое, несомненно, в современном российском обществе, основанном на принципах демократии, уважения прав и свобод человека, недопустимо.

Полагаем, что более верно наименование статьи 205.6 УК РФ определить как «Несообщение о террористическом преступлении». В качестве подтверждающих аргументов этого выделим:

1. перечень содержащихся в статье преступных деяний относится к террористическим преступлениям;

2. статья является фактическим примечанием к статье 205 УК РФ «Террористический акт»;

3. сообщение о преступлении является разновидностью помощи граждан правоохранительным органам и «приобретает особое значение, когда речь идет о преступлениях, наиболее опасных для нашего общества» [4, С. 3]. Указание на криминализацию несообщения именно о террористическом преступлении нивелирует этический вопрос, возникающий при внедрении института доносительства, и еще раз подчеркнет опасность террористических деяний.

Еще одним аспектом, которому следует уделить внимание, является примечание к рассматриваемой статье 205.6 УК РФ, где оговорено, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником». Закрепление в уголовном законодательстве данного примечания указывает на соблюдение законодателями норм морали, соотносящихся со статьей 51 Конституции РФ, согласно которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников».

В Уголовном кодексе РФ понятие близкого родственника для целей кодекса не дается, хотя помимо статьи 205.6 в законодательном акте имеются также нормы о декриминализации деяний в случае отказа лица от дачи показаний против своего супруга или близкого родственника (статья 308 УК РФ) или заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления, совершенного супругом или близким родственником (статья 316 УК РФ). Но перечень лиц, относящихся к близким родственникам, в данных статьях не приводится.

В примечании к статье 116 УК РФ для целей статьи раскрывается перечень близких лиц, включающих близких, родственников: супругов, родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, и иных близких лиц: опекунов, попечителей, лиц, состоящих в свойстве с лицом,

совершившим деяние и лиц, ведущих с ним общее хозяйство. При этом признание лиц близкими на основании установления только факта ведения общего хозяйства вызывает некоторые сомнения. С течением времени лица, являющиеся близкими в силу ведения общего хозяйства, могут данное ведение прекратить, но близость отношений до конца не утратить. Так, дядя и воспитанный им взрослый племянник, официально не находившиеся в отношениях опеки или попечительства, при дальнейшем раздельном проживании, скорее всего, останутся близкими друг для друга людьми, жизнь, здоровье и благополучие которых будут взаимно важны. Полагаем, что наличие общего хозяйства необоснованно сужает перечень лиц, являющихся близкими, исключая в процессе доказывания по уголовным делам факт личных взаимоотношений между людьми.

Перечень лиц, относящихся к близким родственникам и близким лицам, имеется и в иных правовых актах России. Так, Конституция РФ оговаривает, что круг близких родственников определяется федеральным законом. Но каким именно, в Конституции не указано.

Среди федерального законодательства наиболее узкий круг близких родственников представлен в Гражданском кодексе РФ, который в статье 281 в качестве близких родственников указывает только на родителей, детей, братьев, сестер.

Для целей Уголовно-процессуального кодекса РФ в статье 5 под близкими родственниками понимаются супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки. В статье приводится также определение близких лиц, которыми, за исключением близких родственников и родственников, являются, лица, «состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений».

Таким образом, близкие родственники уголовно-процессуальным законодательством фактически к близким лицам не относятся. Но жизнь, здоровье и благополучие близких родственников, как правило, дороги лицу именно в силу сложившихся личных отношений. Полагаем, что норма статьи 116 УК РФ справедливо относит близких родственников к близким лицам.

Статья 14 Семейного кодекса РФ не допускает заключение брака между близкими родственниками: родителями, детьми, дедушкой, бабушкой, внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами. Налоговое законодательство (статья 208 Налогового кодекса РФ) при оперировании понятием «близкие родственники» ссылается на Семейный кодекс РФ.

Таким образом, для целей уголовного законодательства значимые определения и перечни близких лиц и близких родственников отсутствуют, а имеющиеся в действующем законодательстве лишены единообразия. Данная ситуация может негативно сказываться на правоприменительной практике, в частности, при декриминализации отдельных деяний.

Кроме того, нередко ситуации, когда не только законные родственники являются близкими для лица людьми, но и иные категории граждан играют первостепенную роль в его жизни. Например, лица, длительное время проживающие совместно, состоящие в фактических семейных отношениях и имеющие общих детей, но не зарегистрировавшие свои отношения в органах ЗАГС, согласно российскому законодательству, родственниками не являются. Но, несомненно, значение жизни, здоровья, интересов друг друга для данных лиц велико. Рассматривая семейные отношения, судебная практика исходит из того, что они характеризуются «взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства» [5].

Исходя из положений статьи 205.6 УК РФ, женщина, узнав о подготовке террористического преступления мужчиной, с которым она имеет фактические семейные отношения, проживает длительное время и ведет совместное хозяйство, обязана сооб-

щить об этом в органы власти. Хотя нормы морали и нравственности в рассмотренном примере свидетельствуют, что независимо от официальной регистрации брака, данные лица де-факто являются близкими лицами, благополучие которых дорого друг другу в силу сложившихся личных отношений.

Следует отметить, что доля незарегистрированных браков в России имеет тенденцию к увеличению: в 2002 г. около 10% супружеских пар проживали без официальной регистрации отношений [6, С. 202], в 2010 г. – около 13% [7, С. 55], в 2014 г. – более 16% [8].

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, в примечании к статье 205.6 «Несообщение о террористическом преступлении» УК РФ необходимо закрепить, что лицо может освобождаться от уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении террористического преступления близким лицом. Понятие близких лиц для целей Уголовного кодекса РФ целесообразно определить в примечании к статье 116 УК РФ. На основе анализа действующего законодательства, полагаем, что в качестве близких лиц следует закрепить близких родственников (родителей, детей, бабушку, дедушку, внуков, полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей) и иных близких лиц (состоящих в свойстве с лицом и лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дорого лицу в силу сложившихся личных отношений).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. ст. 4558. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
2. Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
3. Более подробно об истории доноительства и его этических вопросах см. : Лапунин М.М. Уголовная ответственность за доноительство : история и современность // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сборник научных трудов. Саратов : Сателлит, 2006. С. 357-360.
4. Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1971. 28 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 8 июля. № 123. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
6. Петрова Л.Н. Незарегистрированные браки и их социальные последствия // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 10. С. 202-207.
7. Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А. Сожительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3. С. 54-60.
8. Россия в цифрах. Семья и дети // Россия 24. 2014. 12 февраля. URL : <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/575962/cid/360/www.vesti.ru/www.vesti.ru/doc.html?cid=5&id=2402706#> (дата обращения: 21.11.2016).

УДК 343.364

Е.Р. Беляева

**К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА
«РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К Ч. 4 СТ. 303 УК РФ**

**ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT
“THE RESULTS OF THE OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE
ACTIVITIES” IN RELATION TO THE P. 4 OF ART. 303
OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

В статье рассматривается понятие результатов оперативно-розыскной деятельности применительно к ч. 4 ст. 303 УК РФ, дается его толкование. Автор предлагает закрепить данное понятие в примечании к ст. 303 УК РФ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-технические мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, должностные преступления, сотрудник оперативного подразделения, фальсификация доказательств.

The concept of the results of operational and investigative activities in relation to the p. 4 of Art. 303 of the Criminal code of Russian Federation is considered by the author. The author's definition of the analyzed concept is given. Moreover, the author offers to consolidate this concept in the note to Art. 303 of the Criminal code of Russian Federation.

Key words: operational and investigative activities, operating-technical actions, results of operational and investigative activities, falsification of results of operational and investigative activities, malfeasances, employee of operational division, falsification of proofs.

В настоящее время возрастает количество преступлений, совершаемых должностными лицами. Увеличение происходит, несмотря на меры, принимаемые руководителями органов государственной власти Российской Федерации, по укреплению национальной безопасности, усилению роли государства как гаранта безопасности личности, построению правового государства, в котором не было бы места совершению преступлений, связанных с нарушением конституционных прав граждан, особенно со стороны сотрудников правоохранительных органов, обязанных эти права обеспечивать. Среди последних изменений особое место занимает включение в статью 303 УК РФ части четвертой, установившей ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. Данные изменения стали объектом для исследования многих ученых, таких как

Н.А. Радачинская, Г.Г. Радионов, А.Н. Халиков и другие. В работах перечисленных авторов имеются важные теоретические и практические выводы, вносящие существенный вклад в изучение вопросов противодействия фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем далеко не все вопросы получили в них достаточное освещение, что свидетельствует о возникновении необходимости детального изучения отдельных структурных элементов конструктивных признаков преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Для того чтобы ясно и правильно толковать события, явления в научных исследованиях, необходимо стремиться к тому, чтобы используемые понятия и термины имели единое значение и толковались единообразно с учетом их этимологического смысла. Четкое терминологическое значение способствует правильности принятия решений в практической деятельности [1, С. 93-97]. Изучая проблему фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, необходимо остановиться на самом понятии «результаты опе-

Беляева Екатерина Рашитовна, адъюнкт Уральского юридического института МВД России

e-mail: vatya@list.ru

© Беляева Е.Р., 2017

Статья получена: 22.04.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ративно-розыскной деятельности». В ч. 36.1 ст. 5 УПК РФ указано, что «результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда». Так, Ю.А. Агафонов под результатами оперативно-розыскной деятельности понимает «различные данные (сведения, информацию), полученные при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и способствующих решению задач оперативно-розыскной деятельности» [2]. Другие (Чечетин А.Е., Малыгин С.С.) под результатами оперативно-розыскной деятельности понимают «оперативно-розыскные данные (информацию, сведения), полученные в процессе использования сил, средств и оперативно-розыскных мероприятий (действий) в сфере и инфраструктуре преступности, то есть фактические данные, устанавливающие обстоятельства, связанные с подготавливаемым или совершенным преступлением, розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших» [3]. Вместе с этим А.О. Вагин под результатами оперативно-розыскной деятельности понимает «систему проверенных и оцененных оперативных данных либо сведения о фактах» [4]. При этом в определении Конституционного Суда РФ сказано, что результатами оперативно-розыскной деятельности «являются лишь сведения об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований ФЗ «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона» [5]. На наш взгляд, понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» должно включать в себя:

- сведения о фактах, признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, полученных при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, которые фиксируются в оперативно-служебных документах и ценность которых заключается в содержании информации. К оперативно-служебным документам можно отнести предметы и документы, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые в дальнейшем могут быть предоставлены органу дознания, следователю или в суд и могут служить основой для формиро-

вания всех видов доказательств, что закреплено в Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд;

- согласно ст. 89 УПК РФ запрещается использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, установленным УПК РФ. Отсюда следует, что как доказательства, полученные при проведении следственных действий, так и результаты оперативно-розыскной деятельности должны оцениваться с точки зрения относимости, допустимости и достоверности предоставляемых сведений;

- оперативно-розыскные данные предоставляются только оперативными подразделениями и лицами, в обязанности и права которых входит осуществление оперативно-розыскной деятельности. Правом осуществления оперативно-розыскной деятельности согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» обладают органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны, таможенные органы Российской Федерации, службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ [9]. В полном объеме, установленным вышеуказанным законом, оперативно-розыскную деятельность осуществляют подразделения по борьбе с экономической преступностью, по борьбе с организованной преступностью, по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, обеспечения собственной безопасности, по борьбе с преступными посягательствами на грузы органов внутренних дел на транспорте. В неполном объеме, согласно ведомственным нормативным актам МВД России, выполняя по поручению подразделений лишь отдельные оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскную деятельность осуществляют подразделения оперативного поиска, оперативно-технических мероприятий, радиоэлектронной безопасности, национального центрального бюро Интерпола России.

Для наиболее четкого и полного понимания содержания термина «результаты оперативно-розыскной деятельности» считаем необходимым остановиться и на оперативно-розыскных мероприятиях, в связи с тем что только при проведении данных мероприятий могут быть получены сведения, которые в дальнейшем можно будет считать результатами оперативно-розыскной деятельности. Указанные мероприятия перечислены в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной

деятельности», однако в рамках установленных оперативно-розыскных мероприятий проводятся и другие оперативные мероприятия, вытекающие из закреплённого списка. С целью определения данных мероприятий остановимся на классификации оперативно-розыскных мероприятий. Один из ведущих учёных в сфере оперативно-розыскной деятельности В.Г. Бобров даёт наиболее развернутую классификацию: 1. По времени (продолжительности) проведения (длящиеся и разовые); 2. По форме проведения (гласные и негласные); 3. Необходимость санкционирования [6, С. 23-24]. Кроме того, существуют и другие основания для классификации оперативно-розыскных мероприятий по направленности, характеру и др. Наиболее интересная для нас и дальнейшего рассмотрения затронутой темы – это классификация по субъекту проведения оперативно-розыскного мероприятия (все оперативные подразделения и специализированные оперативные подразделения), а также классификация по интенсивности использования технических средств (имеют преобладающее значение или без такового). При этом С.И. Давыдов и А.Е. Чечетин предлагают свою классификацию оперативно-розыскных мероприятий по субъекту и разделяют их на оперативно-технические и оперативно-поисковые, на которых остановимся более подробно. Под оперативно-техническими мероприятиями понимают оперативно-розыскные мероприятия, проводимые подразделениями оперативно-технических мероприятий, с использованием технических средств. Под оперативно-поисковыми понимаются мероприятия, осуществляемые силами и средствами оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел [7]. Профессор Г.А. Кокурин указывает на то, что понятие «оперативно-технические мероприятия» не рассматривается в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и является намного уже, то же самое можно сказать и о понятии «оперативно-поисковые мероприятия». Данные мероприятия проводятся только на основании требований органов, наделённых правом осуществления оперативно-розыскной деятельности и проводятся специальными оперативно-техническими и оперативно-поисковыми подразделениями, по конкретным оперативно-розыскным мероприятиям. Подзаконные нормативные акты ведомственного, закрытого характера (приказы, инструкции) МВД России предусматривают три вида оперативно-технических мероприятий: негласная аудиозапись, негласное видеонаблюдение, негласное видеодокументирование – и регламентируют порядок их проведения [8]. Лицо, проводящее оперативно-технические и оператив-

но-поисковые мероприятия, так же, как и другие участники уголовного судопроизводства, несет ответственность за достоверность данных, а также законность и обоснованность проведения указанных мероприятий. Представленные сведения в установленном законом порядке отражаются в документах, которые передаются инициатору проведения оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, данная информация может быть использована органами предварительного следствия, дознания и судом для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, как и результаты, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, данные сведения можно назвать «результатами оперативно-розыскной деятельности», они могут использоваться в доказывании по уголовным делам.

Информация, полученная сотрудниками оперативно-поисковых и оперативно-технических подразделений (аудио- и видеозаписи, фотографии, перехваченные телефаксные, телеграфные, компьютерные сообщения, выполненные с помощью цифровых камер и компьютеров) [8], представляются в цифровом виде, поэтому могут быть легко изменены. Результатом таких умышленных изменений является нарушение прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в Конституции РФ. Отсюда следует, что и лицо, уполномоченное на проведение оперативно-технических мероприятий, предоставляя фальсифицированные сведения, подлежит уголовной ответственности по ч. 4 ст. 303 УК РФ.

В соответствии с действующим законодательством и сложившейся практикой сотрудники оперативных служб, реализуя свою организационно – управленческую функцию, при раскрытии и расследовании преступлений привлекают в борьбе с преступностью отдельных граждан как на негласной (конфиденциальной), так и на гласной основе, которые отличаются лишь длительностью и устойчивостью отношений между гражданином и органом внутренних дел, а также лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе, должно отвечать ряду специальных требований, которые определяются ведомственными нормативными актами МВД России. Федеральный закон требует от лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям, предоставлять оперативно-зна-

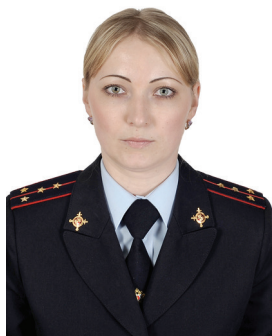
чимую информацию, и это означает, что указанные сотрудники не должны предоставлять в ходе сотрудничества заведомо ложные данные. В связи с этим работники оперативных аппаратов должны обучать данных лиц не только приемам выполнения поручений и заданий, но и верному юридическому распознаванию событий. Для того чтобы избежать использования ложной информации при раскрытии и расследовании преступлений, сотрудник оперативного подразделения должен подвергнуть данные сведения тщательной проверке, которая заключается в предварительном изучении информации, определении степени порядочности, честности и объективности источника. В связи с этим к сотрудникам оперативных подразделений предъявляются высокие требования, связанные с добросовестностью и профессиональной компетентностью. «Если внештатный сотрудник в силу субъективных причин может добросовестно заблуждаться, неверно оценивать то или иное событие, поступок, то сотрудник оперативного аппарата как профессионал ни заблуждаться, ни ошибаться не имеет права» [3]. Отсюда следует, что информация, предоставляемая лицами, осуществляющими содействие органам внутренних дел, может предоставляться органам предварительного следствия в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности, однако данные сведения, как уже ранее нами было сказано, должны быть проверены, изучены

сотрудником, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, закреплены в установленном законом порядке в оперативных документах, и при установлении факта фальсификации данных результатов ответственность понесет сотрудник оперативного подразделения.

Подводя итог, отметим, что под результатами оперативно-розыскной деятельности, применительно к ч. 4 ст. 303 УК РФ, следует понимать данные (информация, сведения), полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями, а также лицами, уполномоченными на проведение оперативно-розыскных мероприятий, сотрудниками оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, закрепленные в установленном законе порядке и отвечающие требованиям УПК РФ. В целях единообразного использования и применения указанного понятия в практической деятельности, а также чтобы при производстве уголовного судопроизводства и судебного разбирательства у должностных лиц не возникало сомнений в законности, объективности принимаемых решений, данное понятие необходимо закрепить в примечании к ст. 303 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокурин Г.А. К вопросу о понятии результатов оперативно-розыскной деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 93-97.
2. Агафонов Ю.А., Кваши Ю.Ф. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник. Краснодар : Изд-во КРУ МВД России, 2009. 216 с.
3. Малыгин С.С., Чечетин А.Е. Основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций. Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2001. 301 с.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова. М. : ИНФРА. М, 2014. 712 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 04 февраля 1999 г. № 18–0 по жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».
6. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. М. : Академия управления МВД России, 2003. С. 23-24.
7. Давыдов С.И., Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. М. : ЦОКР МВД России, 2009. 104 с.
8. Кокурин Г.А. Правовая регламентация оперативно-технических мероприятий // Российский юридический журнал. 2015. № 5 (104). С. 108-111.

УДК 34:343

О.В. Ивушкина

**ПРОФИЛАКТИКА КРАЖ ГРУЗОВ
ИЗ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА НА ОБЪЕКТАХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ)**

**PREVENTION OF THEFTS FROM THE ROLLING STOCKS ON
THE OBJECTS OF RAILWAY TRANSPORT
(ON MATERIALS OF THE EAST SIBERIAN RAILWAY)**

Настоящая статья посвящена актуальным уголовно-криминологическим проблемам профилактики краж грузов на объектах грузового железнодорожного транспорта Восточно-Сибирской железной дороги в современных социальных условиях. Автором рассмотрены основные меры профилактики, способствующие предотвращению краж, совершаемых на объектах грузового железнодорожного транспорта, на конкретных примерах показаны меры борьбы с рассматриваемыми преступлениями, внесены предложения по усовершенствованию мер, направленных на предотвращение краж грузов.

Ключевые слова: преступления на железнодорожном транспорте, кражи грузов, преступление, структура, динамика, потерпевший, профилактика преступлений.

The present article is devoted to the urgent criminal and criminological problems of prevention of crimes on the objects of cargo railway transport of the East Siberian Railway in modern social conditions. The author investigates the basic preventive measures that contribute to the prevention of theft committed on rail freight facilities, with specific examples showing the measures to combat the crimes in question. The author also makes proposals how to improve the measures to prevent theft of goods.

Key words: crime in the railway transport, cargo theft, crime, structure, dynamics, the victim, the crime prevention.

Железнодорожный транспорт России занимает ведущее место по объему перевозок в единой транспортной системе. С ним повседневно связана вся деятельность нашего общества. От его бесперебойной деятельности зависит успешное функционирование всей экономики нашей страны. Таким образом, железнодорожный транспорт призван обеспечивать своевременное, качественное и полное удовлетворение потребностей населения в перевозках.

Услуги, предоставляемые железной дорогой, – это перевозки, т.е. пространственное перемещение пассажиров и грузов.

Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 года № 1734-р была утверждена «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г.», которая направлена на формирование единого транспортного пространства России на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры, обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения в соответствии с соци-

альными стандартами, обеспечение доступности и качества транспортно-логистических услуг в области грузовых перевозок, интеграцию в мировое транспортное пространство, реализацию транзитного потенциала страны, повышение уровня безопасности транспортной системы.

Именно поэтому среди всех видов транспорта во многих странах ведущее место занимает железнодорожный транспорт, что объясняется его универсальностью: возможностью обслуживать все отрасли экономики и удовлетворять потребности населения в перевозках практически во всех климатических зонах и в любое время года.

Железнодорожный транспорт является одним из самых безопасных и многофункциональных, при этом при помощи него возможно перемещение большого количества различных видов грузов на протяженные участки местности, разделяющие между собой грузоотправителей и грузополучателей [1, С. 50].

Анализ судебной-следственной практики сви-

Ивушкина Ольга Викторовна, адъюнкт очной формы обучения Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

e-mail: grigorievao86@mail.ru

© Ивушкина О.В., 2017

Статья получена: 17.05.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

детельствует о том, что среди преступлений на объектах железнодорожного транспорта Восточно-Сибирской железной дороги наибольшую общественную опасность представляют именно кражи грузов, совершенные из подвижного состава. Согласно статистическим данным, эта категория преступлений является самой распространенной в общей массе посягательств на грузы. Значительная часть краж грузов из года в год остается нераскрытой, высока их латентность, что, несомненно, обуславливает необходимость усиления борьбы с этим видом преступлений. Предметом всех краж грузов на железнодорожном транспорте является имущество. Основным объектом преступных посягательств являются те грузы, к которым имеется более свободный доступ [2, С. 127].

Таким образом, объектом посягательства при кражах перевозимых грузов являются материальные ценности, принадлежащие различным собственникам.

В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ потерпевшим в уголовном

судопроизводстве признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, моральный или материальный вред. Кроме того, в качестве потерпевшего может выступать юридическое лицо, если преступлением причинен вред его имуществу и деловой репутации [3].

При совершении краж грузов потерпевшим может быть физическое лицо (человек, субъект права, носитель прав и обязанностей), но чаще таковым является юридическое лицо (организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам), в том числе ОАО «РЖД» (см. табл. 1). Учредителем и единственным акционером ОАО «РЖД» является Российская Федерация.

Анализ статистических данных, представленных в Таблице 1, свидетельствует о том, что удельный вес потерпевших - юридических лиц от преступлений в сфере грузовых перевозок в разы превышает удельный вес потерпевших - физических лиц [4]. На наш взгляд, данный факт обусловлен тем, что в условиях формирования рыночной экономики юридическим лицам, индивидуальным

Таблица 1

Структура потерпевших в сфере грузоперевозок на Восточно-Сибирской железной дороге за 2010-2015 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Зарегистрировано всего преступлений	12923	12881	11806	11283	11461	11528
В сфере грузоперевозок	126	108	97	154	150	129
Удельный вес потерпевших - физических лиц, %	0,8	1	5,1	0,6	2,7	0,8
Удельный вес потерпевших - юридических лиц, %	16,7	14,8	16,4	10,4	4	7,8

предпринимателям по роду своей деятельности очень часто приходится отправлять различного рода груз железнодорожным транспортом.

При выполнении грузовых и коммерческих операций технология работы железнодорожных станций предусматривает взаимодействие между железной дорогой и грузоотправителями (грузополучателями) при приеме груза к перевозке, его выдаче и изменениях условий перевозки в пути следования. Грузоотправитель - физическое или юридическое лицо, выступающее от своего имени или от имени собственника груза. Грузополучатель - физическое или юридическое лицо, уполномоченное на получение груза.

В соответствии с Уставом ОАО «РЖД» на грузоотправителей (отправителей) возложена обязанность подготавливать грузы, грузобагаж для перевозок в соответствии с установленными обя-

зательными требованиями, техническими условиями на продукцию, ее тару и упаковку и иными актами таким образом, чтобы обеспечивать безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, качество перевозимой продукции, сохранность грузов, грузобагажа, вагонов, контейнеров. Прежде всего, грузоотправитель (физическое или юридическое лицо) самостоятельно несет ответственность за правильность упаковки, погрузки, размещения, крепления груза. Необходимые для погрузки груза и грузобагажа оборудование, материалы, средства пакетирования и иные приспособления предоставляются грузоотправителями (отправителями). Для упаковки грузоотправителю следует использовать материалы, соответствующие размерам, весу и уязвимости груза. Коробки, емкости и т.п. должны быть прочными, с амортизирующим материалом, для защиты от уда-

ров, трения и тряски в пути (смятая бумага, ветошь, пузырчатая пленка и т.п.). Отдельные предметы, сложенные в коробки, ящики и т.п., должны перекладываться разделителями - картонными листами, пенопластом и т.п. Предметы внутри коробок должны быть зафиксированы прокладочными материалами во избежание переворачивания и изолированы друг от друга.

Однако зачастую указанные правила грузоотправителями не соблюдаются. Наиболее четко данный факт прослеживается на примерах отправки автомобильного транспорта, вело-, мототехники, различного рода деталей и запасных частей, автоприцепов, крупногабаритных грузов бытового и производственного назначения. Все легко снимающиеся запасные части и детали (аккумуляторы, автомобильные фары, запасные колеса, крепежи, хомуты и т.д.) с такой техники должны отправляться либо отдельно, либо в специально предназначенной таре с целью обеспечения их сохранности. Грузоотправители не всегда выполняют данные требования, отправляя различного рода технику с неупакованными запасными частями, с незакрытыми, не защищенными стеклами кабин. В результате запчасти и детали становятся легкой добычей преступников. В ходе исследования установлено, что значительная часть краж грузов с подвижного состава совершены способом разборки кабин и ящиков с запасными частями и деталями к различного рода технике [5, С. 112].

Так, И. во время стоянки поезда, имея умысел на тайное хищение чужого имущества, воспользовавшись отсутствием охраны, проник на железнодорожную платформу в составе грузового поезда, где из контейнера похитил 17 неупакованных автомобильных фар на сумму 37400 рублей [6].

Кражи грузов на транспорте являются составной частью умышленных преступлений в целом, поэтому в большей степени обусловлены общими причинами и условиями, которые характерны для преступности как социального явления в целом. Поэтому остановимся лишь на специфических условиях, способствующих совершению преступлений данной категории.

Как отмечалось ранее, на подвижном составе транспорта (в вагонах и контейнерах) сосредоточены огромные материальные ценности, которые, к сожалению, должным образом не охраняются. В первую очередь, это относится к деятельности спецподразделений ведомственной охраны железнодорожного транспорта (СПВО), группам быстрого реагирования по охране перевозимого железнодорожным транспортом груза (ГБР), которые нередко подвергаются различного рода реорганизациям, выразившимся в сокращении числен-

ности штата. Кроме того, не внедряются в практику достаточно надежные и современные технические средства охраны. Именно уязвимость подвижного состава железнодорожного транспорта наиболее часто используется преступниками в целях совершения краж грузов.

Наиболее ощутимы потери от краж грузов из-за необеспечения охраны грузов и так называемых брошенных груженых поездов, оставляемых на передаточных станциях без охраны.

Одним из наиболее распространенных условий, способствующих краже груза, является целый ряд разнообразных нарушений порядка и правил обработки груза на этапах перевозочного процесса.

При маркировке принятого к отправке груза довольно часто по небрежности (иногда и по умыслу) некоторые работники транспорта допускают различного рода нарушения, которые чаще всего выражаются в неполном или неправильном нанесении маркировочных знаков на отдельные места груза. Довольно часто груз вообще оказывается незамаркированным. Все это приводит к отправке груза не по назначению, а следовательно, к образованию бездокументальных грузов, что нередко приводит к кражам.

Весьма распространенным условием, способствующим совершению краж грузов из подвижного состава, является нарушение работниками транспорта правил, обеспечивающих коммерческую безопасность груза в вагоне (контейнере). Т.е. довольно часто встречаются случаи, когда ценные товары грузятся в коммерчески неисправные вагоны, у которых не закрываются боковые или поточные люки, не заделаны проломы стенок и т.д.

Здесь же следует сказать о том, что в настоящее время контейнерный парк подвижного состава железнодорожного транспорта включает значительное число старых конструкций, которые дают возможность беспрепятственно проникнуть в контейнер без срыва пломб.

Основными типами запорно-пломбировочных устройств (ЗПУ), используемых в настоящее время российскими железными дорогами, являются «Спрут-универсал» и «Клещ-60 СЦ», которые, к сожалению, несовершенно и не всегда надежно сохраняют груз от преступников. Вскрытие указанных ЗПУ осуществляется путем «перекусывания» хвостика с помощью обычных клещей-кусачек вблизи шайбы и снятия ее с гибкого стержня. Все это говорит о необходимости улучшения надежности запорно-пломбировочных устройств.

Иногда при погрузке контейнеров в вагоны работники транспорта нарушают порядок размещения контейнеров (дверь к двери), ставя их створками дверей наружу или оставляя свободные промежутки

(так называемые «карманы») между контейнерами, что дает возможность преступникам сравнительно легко проникать к содержимому контейнеров.

Особое внимание следует уделить тому, что нередко лица, которым вверяются для сопровождения и охраны грузы, весьма халатно относятся к выполнению своих обязанностей, что способствует совершению краж сопровождаемых ими грузов. Недостатки в подборе кадров на должности лиц, сопровождающих грузы и оберегающих их от преступных посягательств, являются одним из распространенных условий, способствующих совершению указанных видов краж.

Кражи грузов совершаются преимущественно в процессе перевозки товарно-материальных ценностей от станции погрузки до пункта назначения. В связи с периодичностью контроля за подвижным составом и его перемещением на значительные расстояния зачастую место кражи и место ее обнаружения не совпадают на десятки и сотни километров. Этому способствует недобросовестное отношение приемосдатчиков к обнаружению коммерческих браков, а также сознательный их пропуск с целью отнесения убытков на счет другой станции или дороги.

Изложенное позволяет сделать вывод, что предупреждение таких специфических преступлений, как кражи грузов, совершаемых из подвижного состава железнодорожного транспорта, требует разработки и создания во многом специальных мер предупреждения краж грузов и, как нам кажется, должно включать меры по радикальному улучшению всей производственной деятельности железнодорожного транспорта, его предприятий в сфере грузовых перевозок.

Их деятельность должна быть направлена на сопровождение железнодорожных составов, контролирование мест хранения грузов, использование ими технических средств контроля за грузами, в том числе и в составе грузовых поездов, проведение совместно с органами внутренних дел на транспорте профилактических и оперативно-профилактических мероприятий, патрулирование парков станций, проведение пеших эстафет, засад на перегонах, территориях объектов железнодорожного транспорта, выставление заслонов, осуществление скрытного сопровождения грузовых поездов, оперативного реагирования при выявлении коммерческих, технических неисправностей вагона, контейнера, создающих условия для совершения хищения груза.

Для предупреждения краж железнодорожных грузов также необходимо повышение качества и контроля приема груза к перевозке, его осмотра и выдачи. Необходима система материального стимулирования сотрудников грузовой службы - прие-

мосдатчиков груза, чтобы они были заинтересованы в обнаружении, регистрации фактов отправки груза без надлежащей упаковки, тары, в неисправной таре [7, С. 98]. Необходимо совершенствование системы коммерческого осмотра грузов в пути их следования с целью выявления недостачи, происшедшей по причине хищения. Необходимо оборудование пунктов коммерческого осмотра груза на станциях смотровыми вышками, где это возможно, по требованиям техники безопасности; устройствами видеонаблюдения, соответствующим освещением в ночное время, необходимым инструментом и запорно-пломбировочными устройствами для закрытия поврежденных и вскрытых вагонов и контейнеров, установкой электронных замков на двери контейнеров.

Конечно, результативность предупредительной деятельности в сфере краж грузов на железнодорожном транспорте во многом зависит от эффективной деятельности правоохранительных органов, и прежде всего транспортной полиции. Поэтому совершенствование деятельности органов внутренних дел на транспорте является наиболее важным направлением предупреждения хищений в сфере грузоперевозок.

Знание круга лиц, которые чаще других посягают на перевозимые грузы, имеет важное значение для дальнейшей предупредительной деятельности в сфере краж грузов. Необходимо уделять повышенное внимание к деятельности сотрудников производственно-технических отделов, составителей поездов, осмотрщиков вагонов. На стационарных объектах суживают оперативного внимания работники дистанций погрузочно-разгрузочных работ, а также ответственные за груз лица.

Среди расхитителей из числа посторонних для транспорта лиц около 24% проживают в непосредственной близости от объектов железнодорожного транспорта, вследствие чего имеется необходимость изучения контингента лиц, проживающих в непосредственной близости грузовых объектов транспорта, а также более активного проведения среди данной категории лиц профилактических мероприятий.

Существует необходимость осуществления профилактических мероприятий и с потерпевшими от краж грузов лицами: в виде бесед, составления информационных писем с рекомендациями по отправке и пакетированию грузов и проч. Для грузоотправителей важным является момент подачи груза к отправке контейнером, и именно этот момент надо рассматривать как ключевой. Поведение грузоотправителей проявляется в их действиях, когда будущий потерпевший передает груз перевозчику с многочисленными нарушениями, предъявляемыми Правилами перевозки грузов, к упаковке и таре.

Кроме того, для успешного решения рассматри-

ваемой проблемы следует также обеспечить:

- патрулирование в парках крупных станций, контроль за сохранностью грузов на контейнерных площадках и грузовых дворах;
- патрулирование на перегонах со сложной оперативной обстановкой;
- сопровождение грузовых поездов;
- проверку правильности погрузки и выгрузки вагонов, контейнеров, качества коммерческого осмотра прибывших поездов;
- выработку и внедрение передовых форм и методов организации работы по пресечению краж грузов на транспорте, а также применение знаний, опыта и навыков наиболее квалифицированных кадровых сотрудников органов внутренних дел, в том числе и вышедших на пенсию;
- организацию взаимодействия с нарядами ведомственной охраны;
- организацию должного взаимодействия с территориальными органами внутренних дел по раскрытию, расследованию и предупреждению хищений грузов на объектах железнодорожного транспорта;
- широкое привлечение к деятельности правоохранительных органов общественности, прежде всего из числа работников транспорта.

Подводя итог, отметим, что преступность в сфере грузовых перевозок на ВСЖД в настоящее время остается на достаточно высоком уровне, и к числу первоочередных, общегосударственных мер по предупреждению преступности, совершаемой на объектах железнодорожного транспорта, следует отнести укрепление роли государственной власти, повышение уровня доверия к ее отдельным институтам, рационализацию механизмов выработки решений и формирования государственной политики в сфере предупреждения преступности [8, С. 49]. Рассматриваемые преступления имеют ярко выраженную специфику, обусловленную особенностями самого железнодорожного транспорта, что, в свою очередь, затрудняет их выявление, раскрытие и предупреждение [9, С. 226]. Конечно, абсолютно изменить данную проблему невозможно, так как рассматриваемые преступления имеют свои определенные особенности, связанные с концентрацией материальных ценностей в виде грузов. Следовательно, требуются дальнейшие криминологические исследования в сфере краж грузов на объектах железнодорожного транспорта для разработки новых мер по снижению и предупреждению количества указанных преступлений.

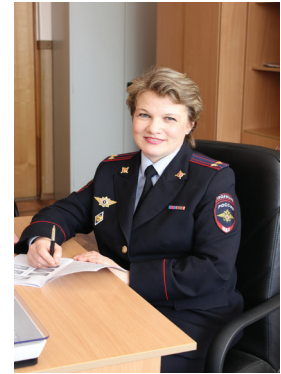
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибунов О. П., Малыхина Е. А. Современные проблемы методики расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // Глагол правосудия. 2015. №2. С.50-53.
2. Деревянко К. И. Структура преступности на железнодорожном транспорте (на примере Кузбасского УВДТ) // Вестник Томского государственного университета. 2011 №343. С.125-127.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.consultant.ru>
4. Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России [электронный ресурс]. Режим доступа : <http://10.5.16/csi/modules/> (дата обращения : 10.05.2016).
5. Варыгин А.Н. Кражи грузов, совершаемые на железнодорожном транспорте, и их предупреждение (криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 131 с.
6. Уголовное дело по обвинению И. в совершении преступления, предусмотренного п.б, ч. 2 ст. 158 УК РФ // Архив Свердловского районного суда г. Иркутска.
7. Дубовой И. П. Преступность на железнодорожном транспорте и ее предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 205 с.
8. Аверинская С. А., Грибунов О. П., Ивушкина О. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта : учебное пособие. Иркутск, 2015. С. 92.
9. Кукушкина П.С., Преступность на железнодорожном транспорте в сфере грузовых перевозок (по материалам Северо-Кавказской железной дороги) // Теория и практика общественного развития. 2012. №6. С. 222-226.

Н.Р. Шевко

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ,
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

**THE ROLE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN TRAINING SPECIALISTS FOR THE
DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED
USING MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES**

В статье рассматриваются проблемы подготовки в ведомственных вузах высококвалифицированных специалистов по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий. Автором выделены ключевые проблемы в подготовке специалистов вузами МВД России.

Ключевые слова: информационные технологии, киберпреступления, кибератаки, кибербезопасность.

The article examines problems of training in departmental universities of highly qualified specialists in the detection and investigation of crimes committed using modern information technologies. The author identified the key issues in the training of specialists with higher education by institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Key words: information technologies, cyber crimes, cyber attacks, cyber security.

Повсеместное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий и информационных систем создало новые, уникальные возможности для активного и эффективного развития экономики и политики, государства, общества, граждан. При этом быстрое развитие таких технологий создает предпосылки для их использования в преступных целях.

По данным ведомственной статистики, в России с каждым годом растут показатели числа жертв киберпреступлений, а также убытков от преступных посягательств, совершенных с использованием высоких технологий (Рис.1).

Число подтвержденных инцидентов в сфере информационной безопасности по всему миру в 2015 году выросло на 48% и составило 42,8 миллиона. Это означает, что в среднем каждый день совершалось 117 339 кибератак [2]. Если анализировать ситуацию за более длительный период, то с 2009 года совокупный среднегодовой темп роста (CAGR) числа выявленных инцидентов информационной безопасности ежегодно увеличивался на 66%. Об этом свидетельствуют результаты Глобального исследования по вопросам обеспечения

информационной безопасности. В основе результатов исследования лежат ответы более чем 9 700 респондентов из 154 стран [3].

Так, ущерб экономике России от киберпреступности в 2015 году составил 0,25% от ВВП, или 203,3 миллиарда рублей, а затраты на ликвидацию последствий – более 79,8 миллиарда рублей. Более 92% крупных коммерческих компаний, госструктур, а также предприятий малого и среднего бизнеса столкнулись с киберинцидентами. Прямой финансовый ущерб составил 123,5 миллиарда рублей [2].

По данным отчета по кибербезопасности компании Symantec, ущерб от кибер-преступлений в 2015 году составил \$158 млрд, сообщает RNS. Жертвами таких преступлений стали 594 млн человек, в среднем каждый из них потерял \$358, говорится в отчете. По оценкам Symantec, каждому из пострадавших от действий хакеров пришлось потратить по 21 часу для устранения последствий киберпреступлений [2].

Согласно статистике МВД России, число преступлений в киберсфере растет неукоснительно, в 2015 г. их количество выросло на 137% по сравнению с 2014 г.; в суд было направлено 11223 материала [3].

Шевко Наиля Рашидовна, кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД Казанского юридического института МВД России
e-mail: nailya-shevko@rambler.ru

© Шевко Н.Р., 2017

Статья получена: 01.02.2017. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

График роста официально признанных инцидентов киберпреступлений

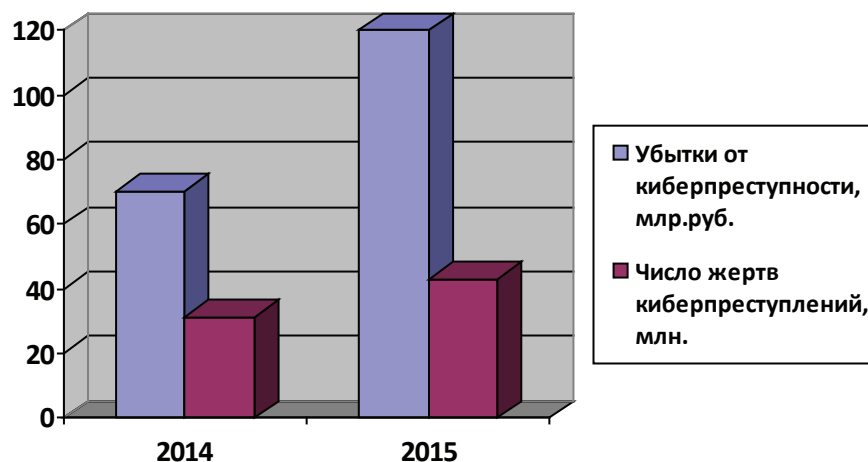

Рис. 1. Официальные показатели инцидентов киберпреступлений [1]

Известно, что размер ущерба от кибератак в России растет с каждым годом. В 2016 году по сравнению с прошлым периодом он вырос на 44% и достиг 5,5 млрд руб. Больше всего пострадали от деятельности киберпреступников российские банки, которые таким путем потеряли около 2,5 млрд руб. Однако лишились своих средств и физические лица, у которых больше всего денег (348, 6 млн руб) было украдено с помощью вирусов Android-тroyan [3].

На данный момент всем ясно, что киберпреступления стали наиболее серьезной проблемой, с которой человечеству придется столкнуться в ближайшие 20 лет. Компания Juniper Research провела исследование, согласно которому общие убытки мировой экономики от кибератак составят более 2,1 трлн долларов США до конца 2019 года, а исследователи из Cybersecurity Ventures считают, что убытки к 2021 году достигнут цифры в 6 трлн долларов США [4].

Представляется, что борьба с компьютерной преступностью и правонарушениями в сфере компьютерной информации должна быть направлена на общую организацию этой деятельности, развитие информационного законодательства и активизацию работы соответствующих органов.

Одной из проблем расследования киберпреступлений является недостаточная компетентность лиц, занимающихся их выявлением, раскрытием и расследованием.

Большинство следователей (дознавателей) отметили, что имеющихся знаний для расследования киберпреступлений недостаточно. Для решения данной проблемы, по мнению опрошенных, необходимо проведение их обучения по расследованию данного вида преступлений, а также организация семинаров, посвященных модификации компью-

терных технологий.

Еще одной проблемой является назначение экспертиз, в частности постановка грамотных вопросов эксперту, проводящему компьютерно-техническую экспертизу, это отметили 53% опрошенных. Назначающие экспертизу связывают возникающие трудности с отсутствием у них практики расследования данной категории дел, сложностью технических терминов и отсутствием специальных знаний в этой сфере.

Подытоживая изложенное, надо признать, что раскрытие и расследование киберпреступлений остается довольно сложной задачей для большинства сотрудников правоохранительных органов.

Это отчасти обусловлено отсутствием системных обобщений материалов следственной и судебной практики, нехваткой методических рекомендаций по организации расследования данного вида преступлений, небольшим опытом работы конкретных следователей и работников органов дознания со специфическими источниками доказательственной информации, находящейся в электронной цифровой форме в виде электронных сообщений, страниц, сайтов, а также недостаточно высоким уровнем подготовки специалистов по соответствующей специализации в высших учебных заведениях.

Особое значение в подготовке и переподготовке кадров для органов внутренних дел играют ведомственные высшие образовательные учреждения.

В ряде вузов системы МВД России имеется положительный опыт по вопросам исследования и разработки методик расследования преступлений в сфере высоких технологий.

Так, в Воронежском институте МВД России функционирует факультет информационной безопасности, ведется подготовка полицейских на фа-

культете безопасности информационных технологий в правоохранительной сфере в Краснодарском университете МВД России (однако узкая специализация – для сотрудников УДИР). Профильные факультеты имеются в Санкт-Петербургском университете МВД России (Безопасности информационных технологий в правоохранительной сфере и Информационные системы и технологии) и др.

Изучая результаты опроса следователей и дознавателей, можно выделить следующие основные проблемы в подготовке специалистов вузами МВД России.

- Низкий уровень квалификации сотрудников и исключительно гуманитарная направленность подготовки специалистов вузов МВД России.

- Отсутствие программ повышения квалификации в вузах МВД России по линии расследования преступлений в сфере и с использованием ИТ (подобные курсы проводятся только в Воронежском институте МВД России для экспертов).

- Отсутствие возможности повышения квалификации кадров, как специалистов, так и профессорско-преподавательского состава, в сторонних организациях, например Лаборатории Касперского или университете «Иннополис». Стоимость обучения высокая (300 тыс. руб.).

- Низкий уровень заработной платы в МВД России. Отсутствие материальной заинтересованности выпускников технических вузов, специалистов в области информационных технологий в поступлении на службу в ОВД, (например, вирусный аналитик в коммерческой организации может получать 200-300 тысяч рублей в месяц, чтократно больше заработной платы сотрудника МВД).

- Выпускники технических вузов, которые все же поступили на службу в ОВД, имеют какие-то первоначальные знания и навыки, чью квалификацию без особых усилий можно повысить до необходимого уровня, при этом дать заочно юридическое образование, работают в службах и подразделениях, не занимающихся раскрытием и расследованием преступлений в сфере или с использованием ИТ (данные сотрудники работают в ЦИТЗИ, УРЛС, ИЦ МВД по РТ).

Так, в институтах МВД России на факультетах по обеспечению информационной безопасности, имеющих отличную техническую базу, квалифицированным профессорско-преподавательским составом осуществляется обучение курсантов и слушателей. Однако по окончании обучения порядка 99 % выпускников направляются на службу в подразделения полиции общественной безопасности, тыловые подразделения, хотя могли бы усилить состав подразделений «К» или иных служб, задействованных в пресечении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере и с использованием ИТ по всей России.

- Отсутствие эффективного взаимодействия образовательных организаций и МВД по РТ в области подготовки специалистов, а именно: непредоставление практическими работниками, которые имеют огромный практический опыт раскрытия и расследования данного вида преступлений, методических материалов для проведения занятий. Теории мало – нужно разбирать способы совершения преступлений и методики их раскрытия на конкретных примерах, так как данный вид преступлений очень динамично развивается, а актуальных научных положений по их раскрытию и расследованию очень мало. Необходима совместная подготовка методических рекомендаций, алгоритмов раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием ИТ; стажировка с отрывом от производства; необходимо рассмотреть вариант перевода (может быть временного) на службу в ведомственные вузы в качестве преподавателей сотрудников подразделений «К», следователей, экспертов, которые имеют практический опыт в раскрытии, расследовании преступлений в данной сфере и производства компьютерных экспертиз.

Таким образом, необходимо совершенствовать материально техническую базу, создавать полигоны-лаборатории, осуществлять закупку необходимого оборудования для проведения наглядных практических занятий. Изучать только теорию, особенно по данной категории преступлений, неэффективно и безответственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.cnews.ru>.
2. <http://www.kommersant.ru>.
3. Доклад «Россия онлайн?» The Boston Consulting Group, 2016 год bcg-info@bcg.com.
4. <http://finance.rambler.ru/news/2016-09-23/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii>.

УДК 343.9

К.В. Кузнецов

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****SOME TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZED
ETHNIC CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION
AT THE PRESENT TIME**

В настоящее время этническая преступность представляет собой одну из наиболее существенных угроз национальной безопасности России. Формирование и развитие данного социально-правового явления в нашей стране характеризуется наличием ряда особенностей и тенденций, которые до настоящего времени остаются малоизученными в доктрине отечественного уголовного права и криминологии.

Ключевые слова: организованная этническая преступность, тенденции формирования и развития преступности, противодействие организованной этнической преступности.

Currently, ethnic crime is one of the most significant threats to Russia's national security. Formation and development of the social and legal phenomenon in our country is characterized by a number of features and trends, which nowadays remain poorly understood in the doctrine of national criminal law and criminology.

Key words: ethnic organized crime, trends in the formation and development of crime, combating organized ethnic crime.

Организованная этническая преступность в Российской Федерации, выступая в качестве динамичного социально-правового явления, характеризуется наличием ряда тенденций, обуславливающих механизмы формирования и функционирования организованных преступных этноформирований, а также специфику осуществляемой ими криминальной деятельности.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это ярко выраженная негативная тенденция к повышению активности организованных преступных групп, созданных на основе этнической общности.

Так, в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №602 «Об обеспечении межнационального согласия» в 2015 г. органами внутренних дел пресечена деятельность более 1 тыс. участников этнических преступных групп, которым инкриминировано около 2 тыс. преступных эпизодов [1].

В результате проведенных в 2015 г. сотрудниками уголовного розыска МВД России оперативно-розыскных мероприятий пресечена деятельность 637 этнических преступных групп, к уголовной ответственности привлечены 1,9 тыс. их участников.

Согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», сотрудниками уголовного розыска раскрыто 585 преступлений, совершенных организованными

группами, сформированными по этническому принципу, из них 579 – общеуголовной направленности. На 86% возросло число раскрытых сотрудниками уголовного розыска фактов мошенничества, совершенных этническими организованными группами и преступными сообществами, бандитизма – на 42%, вымогательства – на 41,9%, а также преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества или участие в нем», – на 83,3% [2].

Таким образом, уровень этнической преступности в стране на протяжении многих лет остается стабильно высоким, при этом в отдельных сферах жизнедеятельности общества активность преступных этноформирований растет, приобретая новые формы и проявления.

В качестве второй тенденции развития организованных преступных формирований, созданных на этнической основе, выступает расширение сфер их преступных интересов, более четкая специализация криминальной деятельности и, как следствие этого, повышение степени общественной опасности совершаемых ими преступлений.

Этническая преступность, по мнению И.Л. Хромова, проявляется в первую очередь в ее организованных формах при совершении преступлений международного характера (нелегальный оборот наркотиков, оружия, торговля женщина-

Кузнецов Константин Владимирович, помощник прокурора Ленинского района г. Ульяновска, аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: Kuznetsov.K.V.73@mail.ru

© Кузнецов К.В., 2017

Статья получена: 12.05.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ми и детьми, терроризм, религиозный экстремизм и т.д.) [3, С. 3].

В сфере интересов этнических преступных формирований находятся торговля наркотическими средствами и психотропными веществами, оружием и боеприпасами, создание финансовых пирамид, рейдерские захваты предприятий, организация нелегальной миграции, похищение людей и т.д. [4; 5]. При этом деятельность организованных преступных формирований также ежегодно наносит существенный ущерб российской экономике – последовательно криминализированы сферы ЖКХ, топливно-энергетического комплекса и закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд и др., что, в свою очередь, вызывает спад промышленного производства, перепрофилирование предприятий, вывоз сырья и иные негативные последствия в сфере экономики страны [6, С. 42-45].

Для современной этнической преступности также характерна тенденция к расширению территориальных пределов деятельности, все чаще она приобретает межрегиональный и даже транснациональный характер.

Достаточно показателен в этом отношении пример Ульяновской области, где в 2015 г. было завершено расследование уголовного дела в отношении межрегиональной этнической преступной группировки, на протяжении многих лет специализировавшейся на хищении нефтепродуктов из магистральных нефтепроводов на территории Ульяновской, Самарской и Пензенской областей. Состоящее из 8 человек этническое преступное формирование подразделялось на 2 узкоспециализированные группы, каждая из которых выполняла возложенные на нее функции. Участники первой группы осуществляли техническое обеспечение незаконной деятельности – закупали различное оборудование для врезок, добывали нефтепродукты и перевозили их в хранилища. Члены второй группы решали финансовые вопросы (реализация похищенной нефти и нефтепродуктов добросовестному покупателю через подконтрольные юридические лица). Документально подтвержденная сумма причиненного их преступной деятельностью ущерба составила 27 млн руб. [7].

Все чаще сформированные на этнической основе преступные формирования осуществляют преступную деятельность не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами, тесно взаимодействуя с преступными сообществами иностранных государств. Так, в марте 2016 г. в Кемеровской области сотрудниками ГУУР МВД России во взаимодействии с сотрудниками НЦБ Интерпола МВД России задержан так называемый

вор «в законе» Джемал Микеладзе, находящийся в международном розыске по подозрению в создании на территории Италии транснационального преступного сообщества мафиозного типа [8].

В условиях активизации деятельности международной террористической организации ИГИЛ, когда многие организованные преступные формирования Северного Кавказа открыто выражают поддержку названной организации, вопросы предупреждения и пресечения деятельности организованной этнической преступности должны стать одним из приоритетных направлений политики российского государства по борьбе с преступностью, так как существенно возрастают риски роста потока в страну радикально настроенных сторонников терроризма, а также финансирования ими направленной на подрыв основ конституционного строя деятельности организованных этнических преступных групп, действующих на территории России. Кроме того, сложная обстановка на Ближнем и Среднем Востоке автоматически ведет к росту радикальных настроений на просторах Южного и Северного Кавказа, Центральной Азии, усиливает в России решительность разного рода экстремистских группировок в осуществлении антигосударственной деятельности, в том числе по совершению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства [9, С. 110]. К примеру, приговором Челябинского областного суда от 03.06.2010 по делу № 000047-01/2010 осуждены за совершение преступлений, предусмотренных ч.2 ст. 282.2, ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 205, ч. 3 ст. 222 УК РФ, члены этнической преступной группировки, осуществлявшей деятельность, направленную на расширение круга участников одной из террористических организаций, запрещенных на территории Российской Федерации на основании решения Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, выбрав в качестве способа достижения своих целей пропаганду идеологии терроризма путем распространения специализированной литературы и видеofilмов, проведения индивидуальных и групповых бесед с верующими, в том числе, проведения лекций и семинаров на религиозную тему [10].

Нередко представители этнических преступных группировок также осуществляют криминальную деятельность, выражающуюся в участии в незаконных вооруженных формированиях, действующих как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами [11].

Не менее значимой тенденцией развития преступных этноформирований выступает их построение и функционирование на основе кланово-родовых отношений, что обуславливает наличие присущих исключительно им особенностей (узкая специализация деятельности отдельных эт-

нических групп, жесткая субординация, наличие национальных традиций и обычаев, этнического характера и темперамента и т.д.). В условиях существования многонационального государства данное явление не только создает угрозу для обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, но и для возникновения конфликтов между различными этническими группами. Так, приговором Туапсинского районного суда Краснодарского края от 26.03.2012 признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.213 УК РФ, группа лиц армянской национальности, которые 25.07.2010, руководствуясь хулиганскими мотивами, договорились о совместном совершении противоправных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, в отношении лиц, прибывших на отдых в ГУП Ростовской области «Оздоровительный комплекс «Дон» из Чеченской Республики. Указанные лица в составе группы, насчитывающей около 100 человек, объединенных общей этнической принадлежностью, вооруженные камнями, обломками арматуры и иными подручными средствами, устроили погром в указанном оздоровительном учреждении [12].

Статистические данные правоохранительных органов свидетельствуют о том, что большая часть этнических преступных формирований состоит из выходцев из государств Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа, то есть государств, для которых характерно построение отношений между членами общества на основе землячества, кровного родства и национальных традиций. Как правило, руководящие функции в таких группах выполняет неформальный лидер, являющийся представителем титульной нации преступного формирования. Вместе с тем основу этнических формирований, осуществляющих общую преступную деятельность, обычно составляет один этнос (например, выходцы из Азербайджана, для которых характерны корыстно-насильственные преступления [13], из Чеченской Республики, промышляющие бандитизмом, участием в незаконных вооруженных формированиях [14, С. 67-75; 15], цыгане, одним из основных видов криминальной деятельности которых является распространение наркотических средств – в первую очередь, героина, и др. [16]). Как справедливо отмечает П.В. Агапов, отдельные виды криминального промысла контролируются преступными группировками одной национальности. Например, в Самарской области наибольшую опасность представляют группировки, объединяющие выходцев из Кавказского региона и Средней Азии: грузинские, чеченские (наиболее активно проявля-

ющие себя на территории г. Тольятти), армянские, азербайджанские и таджикские [17, С. 233-234].

Для современной организованной этнической преступности также характерно наличие коррупционных связей с представителями органов государственной власти и местного самоуправления и правоохранительными органами, которые обеспечивают им покровительство и прикрытие их нелегальной деятельности, придавая ей внешне легальные формы. Проведенное еще в СССР изучение личности «воров в законе», поставленных на учет в МВД Грузинской ССР, показало, что более половины из них являлись инвалидами 2 группы, что предоставляло им привилегии в виде освобождения от трудовой деятельности. Между тем проверка подлинности документов об инвалидности показала, что они были сфальсифицированы и получены посредством коррупционных связей в учреждениях здравоохранения или иным незаконным способом [18, С. 120-121]. В наши дни коррупционные связи этнических преступных формирований с представителями органов публичной власти наиболее отчетливо проявляются в сферах градостроительной деятельности, торговли и др. [19]. Однако они, как правило, отличаются высоким уровнем латентности, что существенно затрудняет выявление и расследование преступлений в указанной сфере. Как отмечает в связи с этим И.А. Завьялов, каждое этническое организованное преступное сообщество стремится иметь необходимый набор как постоянных, так и переменных (временных) коррупционных связей, которые в своей совокупности дополняют структуры преступных формирований [20, С. 6].

Учитывая изложенное, можно охарактеризовать организованные этнические преступные формирования как сплоченные группы представителей одного или нескольких этносов, объединившихся на основе общности социокультурных признаков, родственных или иных иерархических связей и преступных интересов, направленных на достижение тех или иных целей и задач в процессе реализации единой непрерывно осуществляемой противоправной деятельности с ярко выраженной криминальной специализацией, и обладающих, как правило, устойчивыми коррупционными связями с представителями органов государственной власти и местного самоуправления и правоохранительными органами.

В свете тенденций развития и распространения преступности в Российской Федерации последних лет организованные этнические преступные формирования, в зависимости от различных факторов, могут быть классифицированы на различные группы: по национальному составу – на полиэтнические

(которые, например, могут объединять выходцев из Центральной и(или) Средней Азии, с Северного Кавказа и др.) и моноэтнические (к указанным могут быть отнесены, например, преступные формирования цыган); в зависимости от спектра осуществляемой криминальной деятельности – на узкоспециализированные формирования (например, промышляющие квартирными кражами, торговлей наркотическими веществами и т.п.) и преступные формирования так называемого широкого профиля; исходя из специфики преступной деятельности – на формирования, специализирующиеся на совершении преступной деятельности в чистом виде, а также на те, чья криминальная деятельность но-

сит внешне легальный характер (к примеру, специализирующиеся на совершении теневых экономических операций и легализации доходов) и т.д.

В целом, процесс формирования и развития организованной этнической преступности в современной России характеризуется наличием ряда ярко выраженных особенностей и тенденций, обусловленных как социально-экономическими, так и политическими факторами. Их детальное исследование имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение, так как способствует формированию эффективных подходов к предупреждению преступлений, совершаемых этническими формированиями, а также их выявлению и расследованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 15.03.2016 // URL : <https://мвд.рф/document/7393866> (дата обращения : 31.05.2016).
2. В 2015 г. к уголовной ответственности привлечено почти 2 тысячи участников этнических преступных групп // URL : <https://mvd.ru/news/item/7193982> (дата обращения : 13.02.2016).
3. Хромов И.Л. Преступность иностранных граждан : оперативно-розыскная деятельность и криминологический анализ : учебное пособие. М. : ИД «Юриспруденция». 2012. 256 с.
4. Оперативниками ГУУР МВД России пресечена деятельность этнической организованной группы, подозреваемой в организации незаконной миграции // URL : https://mvd.ru/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_ugolovnogoroziska/Publikacii_i_vistuplenija/item/7126868 (дата обращения : 11.03.2016).
5. ГУУР МВД России пресечена деятельность этнической организованной группы, похищавшей людей // URL : <https://mvd.ru/news/item/6862719> (дата обращения : 22.02.2016).
6. Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых тенденциях симбиоза (корпорации) криминального бюрократизма и этнической преступности в России // Безопасность бизнеса. 2007. № 2. С. 42-45.
7. Передано в суд дело о преступном этническом сообществе, участники которого обвиняются в хищении сырой нефти и нефтепродуктов // URL : https://mvd.ru/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskijbezop/Publikacii_i_vistuplenija/item/7102558 (дата обращения : 20.03.2016).
8. Оперативники ГУУР МВД России задержали лидера преступной среды, разыскиваемого итальянскими властями // URL : <https://mvd.ru/news/item/7325033> (дата обращения : 20.03.2016).
9. Меркурьев В.В. Преодоление идеологического вторжения в контексте противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. №1 (39). С. 109-112.
10. Архив Челябинского областного суда. Дело № 000047-01/2010 за 2010 г.
11. Архив Заводского районного суда г. Грозного. Дело № 1-117/2015 за 2015 г.; архив Советского районного суда г. Астрахани. Дело № 1-231/2014 за 2014 г.; архив Бирского районного суда Республики Башкортостан. Дело № 1-20/2015 за 2015 г.
12. Архив Туапсинского районного суда Краснодарского края. Дело № 1 – 37/2012 за 2012 г.
13. Архив Московского городского суда. Дела №№ 10-7857/13 и 10-11467/13 за 2013 г.
14. Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем : политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : АНО «Юридические программы», 2005. 136 с.
15. Архив Верховного суда Чеченской Республики. Дела № 2-16/2014 за 2014 г. и № 2-22/2013 за 2013 г.; архив Кировского районного суда г. Махачкалы. Дело № 1-386/2015 за 2015 г.
16. Архив Химкинского городского суда. Дело № 1-2/2015 за 2015 г.; архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 1-328/2015 за 2015 г.
17. Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. 328 с.
18. Гуров А.И. Профессиональная преступность / А.И. Гуров. М. : Надежда-1, 1994. 204 с.
19. Архив Сысеретского районного суда Свердловской области. Дело № 1-46/2013 за 2013 г.
20. Завьялов И.А. Преступления в сфере потребительского рынка, совершаемые мигрантами // Миграционное право. 2012. № 3. С. 5-9.

УДК 343.953

В.О. Карпов

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СОВРЕМЕННОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ
И ЕГО НАПРАВЛЕНИЙ****CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE MODERN PROFILING
AND ITS TRENDS**

В статье представлены результаты анализа отечественной и зарубежной криминологической литературы о понятии и видах метода «профайлинг», особенностях и условиях применения, раскрыты его значение и перспективы.

Ключевые слова: криминальное профилирование, визуальный профайлинг, расовое профилирование.

The author attempted a systematic analysis of Russian and foreign criminological literature on the concept and types of the method of “profiling”. The article describes the main provisions of the concept of this method and its types, characteristics and conditions of application, its significance and prospects.

Key words: criminal profiling, visual profiling, racial profiling.

В криминологии термин «профиль» является неологизмом, пришедшим в современную науку из западных стран. В русском языке данное слово имеет множество значений: «нахождение объекта сбоку», «направленность, узкая специальность в каком-либо направлении» и т.д. [1]. Более близким по значению к используемому в криминологии профилю относится такая частная его формулировка, как «совокупность определенных свойств и черт предмета, характеризующих те или иные предметы или явления» [1]. Вместе с тем при работе с данным термином некоторые отечественные юристы или социологи, изучающие уголовно-правовые дисциплины, не могут дать точное определение «профиля» и установить его связь с криминологией. Это объясняется тем, что данное направление является, как было сказано выше, относительно новым инструментом в отечественной криминологической системе и преподается в России лишь в некоторых высших учебных заведениях. При анализе современной российской литературы научные основы теории профилей возможно обнаружить лишь в немногочисленных научных изданиях и диссертациях. Кроме того, важно отметить, что современная западная криминология, в частности немецкоговорящие, английские и американские исследователи, на сегодняшний день разработали широкую и довольно сложную структуру профилей, имеющую особенности для каждой из стран, причем некоторые из них не име-

ют друг с другом общих характеристик. В данной статье автором предпринята попытка охарактеризовать современную зарубежную классификацию профилей, дать их краткий анализ и рассмотреть возможности «приживания» методики в современной криминологической практике.

Анализируя классификацию существующих профилей западноевропейской криминологической литературы, автор предлагает охарактеризовать профиль (встречаются также: профайлинг, профилирование) как «совокупность личностных биологических, психологических и социальных качеств человека, изучаемых с целью интерпретации его поведения и действий». В правоприменительной практике выделяют следующие виды профилей: «криминальное профилирование», «визуальный профайлинг», «ДНК-профиль», «расовое профилирование», «географический профайлинг» и др.

«Криминальное профилирование». Данное направление профайлинга предполагает наделение правоохранительных органов специалистами по криминальному профилированию (профайлерами) необходимой информацией о неизвестном преступнике, которая поможет в его поимке. Необходимыми признаками для использования криминального профилирования являются: серийность преступлений, совершение преступлений одним и тем же (одной и той же группой) преступником (-ами) [2]. Под серийностью преступлений пони-

Карпов Владимир Олегович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

e-mail: vlaka92@mail.ru

© Карпов В.О., 2017

Статья получена: 05.12.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

мается совершение двух и более преступлений одним и тем же лицом, причем данные деликты должны обладать единым умыслом субъекта, сходными механизмом и умыслом совершения преступлений [3]. В настоящее время криминальное профилирование применяется для поисков серийных убийц, раскрытия ритуальных убийств, сексуальных преступлений (изнасилований), кибер-преступлений. Чаще всего основным результатом криминального профилирования как метода является создание психологического портрета неизвестного преступника, т.е. предположительных сведений о неизвестном преступнике. Полнота психологического портрета зависит от объема информации, полученной профайлерами на месте преступления, от жертв (выживших), а также от степени интеллекта и прочих психологических особенностей самого профайлера. Психологический портрет преступника не следует идентифицировать с поисковым портретом, используемым исключительно в криминалистике, который строится исключительно из видимых внешних характеристик преступника (габитоскопия), которые могли видеть жертвы, свидетели и т.д. [5]. Структура поискового портрета включает лишь материальные данные преступника (его рост, походку, внешние данные) и зависит лишь от степени восприятия и других психических процессов лица, его видевшего, психологический же портрет характеризуется исключительно работой с неизвестным преступником, установлением его психических и социальных характеристик, которые складываются в познавательной деятельности профайлеров исключительно на опыте, воображении, мышлении и интуиции. Результатом психологического портрета, как правило, являются предположительные пол, возраст, социальный статус, место жительства, причины агрессивного правонарушения [2]. Данная информация является лишь вспомогательной для правоохранительных органов, которая может помочь им в поиске неизвестного преступника. Официально криминальное профилирование (Criminal Profiling) имеет свое распространение в ФБР (отдел поведенческого анализа, ФБР, США). Отдел предлагает широкий спектр услуг для помощи правоохранительным органам в расследовании преступлений: анализ места преступления, создание профилей неизвестных преступников, предугадывание будущего поведения преступника, в том числе и места последующего преступления, следственных рекомендаций, стратегий, анализ случайных связей. Во-вторых, в сотрудничестве с другими правоохранительными органами и научными учреждениями, специалисты отдела также проводят научные исследования при расследовании преступлений,

тем самым совершенствуя свои навыки и познания в области криминального профилирования. Вопреки частому суждению, профайлеры в области криминального профилирования не участвуют в расследовании преступлений напрямую, они не принимают участия в задержаниях преступников, не являются самостоятельными процессуальными фигурами [4], статусную роль американского профайлера можно сравнить с ролью специалиста в отечественном уголовном процессе. Профайлеры работают только по приглашению правоохранительных органов соответствующего американского штата, получают фотографии с мест преступлений, жертв, иногда выезжая на указанное место, после чего создают соответствующий «психологический профиль». Аналогичный отдел криминального профилирования базируется и в Германии, но на базе федеральной полиции (operative Fallanalyse).

Второй функцией криминального профилирования является интервьюирование, опросы профайлерами осужденных, совершивших преступления. Ожидаемыми результатами от проведения подобных опросов могут являться: получение признания от преступника, в том случае если он не сознается в содеянном; указание на местонахождение жертв преступлений, если оно неизвестно и преступник не желал обнародовать данные сведения; общение с преступниками по телефону, когда они звонят находящимся у них родственникам или близким жертв в различных целях и т.д. Подобное исследование включает в себя множество факторов, таких как, например, изучение личностных мотивационных характеристик преступников, особенностей виктимологии в определенной серии преступлений, а также взаимосвязей между правонарушителями и их жертвами [4].

Специализация криминального профилирования является продуктом синтеза множества прикладных криминологических дисциплин. Вопреки традиционному мнению о том, что профайлер должен обладать только психологическими знаниями, следует отметить необходимость изучения лицами криминального профайлера таких дисциплин, как криминология (знание общих и частных характеристик преступности и ее составляющих, личности преступника, проблем детерминации их преступного поведения, виктимологии, истории криминологии и т.д.), знания био-антропологических наук о преступности, география преступности (в том числе мыслительное поведение преступников), сексология и т.д. Знания широкого круга дисциплин обуславливает необходимость криминального профайлера работать с поведением неизвестного преступника, идентифицировать особенности его жизни, социальных и биологических аспектов.

В Российской Федерации криминальное профилирование как криминологический институт не имеет своего официального распространения. Согласно практике (уголовные дела о серийных насильственных преступлениях), отголоски данного вида профилирования обнаруживаются в консультировании специалистами (в большинстве случаев это врачи – психиатры) правоохранительных органов о психотипе неизвестного серийного преступника. Самой «громкой историей» в истории России по составлению психологического портрета неизвестного преступника является работа известного психиатра А.О. Бухановского по консультированию сотрудников правоохранительных органов в поимке серийного убийцы А.Р. Чикатило.

«Визуальный профайлинг». Данный тип профайлинга характеризуется оценением и прогнозированием поведения субъекта преступления на основе определенных информативных признаков, особенностей внешнего вида и его поведения. В отличие от криминального профайлинга, визуальный направлен на работу с видимыми предполагаемыми правонарушителями. В первую очередь такой профайлинг предполагает выявление потенциально опасных лиц, готовящихся к совершению преступления с целью причинения вреда неограниченному кругу лиц (террористические атаки, массовые убийства и др.). В своей книге «Профайлинг в деятельности органов внутренних дел» В.Л. Цветков выделяет такие типы профайлинга, как «типово-визуальный профайлинг» – совокупность внешних проявлений участника массового поведения, адекватных содержанию, месту и времени исполняемой им социальной роли; и «массовый профайлинг», предполагающий выявление лиц, склонных к антиправовому поведению в толпе [8]. Также функцией визуального профайлинга является выявление лжи опрашиваемого/отвечающего при ответе на вопросы профайлера (сотрудника полиции). Чаще всего такие опросы применяются на транспорте, вокзалах, стадионах, в аэропортах, концертных залах и др. Лживость потенциального субъекта определяется специалистами посредством анализа его вербальных и невербальных коммуникативных способов общения.

Визуальный профайлинг требует от соответствующего профайлера познаний в области криминологии (типологизации преступников, например мотивация различных видов террористов, массовых убийц), психологии человека (особенностей жестикуляций, эмоций человека), габитоскопии, особой внимательности. В отличие от первого типа профайлинга, визуальный активно используется в системе Российской Федерации, он преподается в некоторых учебных заведениях Министерства вну-

тренних дел (например, в Санкт-Петербургском университете МВД России), используется он преимущественно сотрудниками полиции при проведении массовых мероприятий, на транспорте и т.д.

Схожим по механизму с визуализированным профайлингом является набирающий популярность по использованию в России, но практически не связанный с криминологическим направлением «офисный профайлинг», заключающийся в выявлении приглашенными психоаналитиками лживости высказываний сотрудников офисов, коммерческих фирм и других организаций. Основными задачами офисного профайлинга являются: недопущение совершения правонарушений сотрудников (выявление у них возможных криминальных особенностей характера), определение профессионального выгорания работников и т.д.

«Расовый профайлинг». Представляет собой форму профилирования, при котором изучение поведенческих признаков определенного субъекта определяется исходя из расовых и национальных особенностей. Практику применения такого профилирования возможно обнаружить еще в XII веке в период «кровавого навета», также законы некоторых английских колоний, ставших впоследствии штатами США, в середине XVII-XVIII веков позволяли сотрудникам полиции задерживать встречающихся на улице темнокожих лиц (например, в Филадельфии в 1693 г. [8]).

С точки зрения анализа, сущность применения такого профайлинга ничтожна, в связи с тем что, в первую очередь, его функционирование основывается на предрассудках и устойчивых взглядах, сложившихся в определенном микросоциуме. В соответствии с «Программой действий Международной конференции ООН против расизма» не допускается и пресекается явление, известное под названием «расовый профайлинг» [8].

«Географический профайлинг». Является одной из самых поздних разновидностей профайлинга, берет свое начало из криминологической географии и применяется, как правило, в совокупности с криминальным профилированием. В качестве объекта такого метода выступают непосредственно «криминогенные геоучастки», то есть места, наиболее «подверженные» совершению на их территории преступлений [6]. Например, большинство нанесения телесных повреждений на улицах в больших городах, согласно официальной статистике, совершается в преобладающем большинстве в так называемых неблагоприятных районах города или населенного пункта (или рядом с ними), в связи с меньшим уровнем социального контроля над преступностью, слабой инфраструктурой местности (отсутствие освещения, разру-

шенные дороги). Так как криминальное профилирование направлено на работу с серийными и в большей степени насильственными преступлениями, задачей географического анализа является изучение мест обнаружения жертв после совершения преступления, их последнего местожительства, локаций возможного выслеживания их преступником, то есть установление географической преступно-виктимологической связи. Географический профайлинг направлен также на работу с «мыслительной географией» преступника, то есть выяснением его местожительства, передвижений в некриминальный, криминальный, посткриминальный периоды [7]. Основная задача мыслительной географии – поиск причины выбора перемещений преступников, определение их географической психотипизации. Данному методу посвящены работы таких зарубежных ученых-криминологов, как Д. Кантер, Д. Россмо, супруги Брахтингем.

В зарубежной литературе встречается также такая разновидность профайлинга, как «DNA-profiling» (или ДНК-профайлинг). Сущность данного метода заключается в проведении ДНК-экспертиз биологических материалов определенных субъектов. Данный метод не имеет связи с криминологической наукой, и

применяется исключительно как криминалистический метод [9].

Термин профилирование на сегодняшний день имеет широкую природу своего значения. Применительно к российской системе мы можем констатировать факт распространения только визуального профайлинга, использующегося для предотвращения террористических актов и других массовых преступлений. Конечно, многими, в том числе зарубежными специалистами указывается на вероятностный характер использования профилирования, по их мнению, он работает с нематериальными субстанциями, не имеет логической связи и основан лишь на интуиции профессионалов. Вместе с тем развитие криминального профилирования может позитивно сказаться при расследовании насильственных преступлений, с учетом их сложности, особенно когда традиционные криминалистические методы не могут помочь в расследовании. Кроме того, полученные знания о практике криминальных профилей могли бы сыграть положительную роль в изучении поведения насильственных преступников, а следовательно, выявить резервы для сдерживания данного типа преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 5-е издание. М., 2003. 944 с.
2. Richard N. Kocsis Criminal Profiling : Principles and Practice, Humana Press Inc. 999 Riverview Drive, Suite 208 Totowa. New Jersey, 2006. 298 p.
3. Richard N. Kocsis Criminal Profiling : International Theory, Research, and Practice // Springer Science & Business Media. 2007. 413p.
4. Bumgarner J. Profiling and Criminal Justice in America : A Reference Handbook, 2nd Edition. ABC-CLIO, 2014. 377 p.
5. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарк, 2000. 687 с.
6. Canter D.V., Coffey T., Huntley M. & Missen C. Predicting serial killers' home base using a decision support system // Quant Psychol. 2000. 16 p.
7. Rossmo D. K. Geographic profiling : Target Patterns of Serial Murderers. Simon Fraser University, 1995. 349 p.
8. Цветков В. Л. Психология деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебно-методическое пособие. М. : ЮНИТИ, 2014. 256 с.
9. Miller K.W.P., Dawson J.L., Hagelberg E. A concordance of nucleotide substitutions in the first and second hypervariable segments of the human mtDNA control region // International Journal of Legal Medicine. 1996. P. 109, 107–113.

В.А. Бельков

К.А. Крутер

**АНАЛИЗ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИЗМА)**

**ANALYSIS OF THE THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS CONNECTED
WITH THE INVESTIGATION OF THE EXTREMIST CRIMES**

В статье анализируется понятие экстремизма, указывается перечень противоправных деяний, подпадающих под преступления экстремистской направленности. Рассматриваются примеры участия молодых людей в совершении подобных преступлений, реализуемых посредством размещения информации в сети Интернет. Дается перечень экспертиз, назначаемых при расследовании уголовных дел экстремистской направленности, а также указывается на необходимость надлежащего взаимодействия всех участников судопроизводства.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, перечень экспертиз, расследование пропаганды экстремизма.

The paper deals with the concept of extremism and specifies the list of offences falling under the crimes of extremist orientation. The examples of the young people's participation in commission of crimes implemented by posting information on the Internet are considered. The authors give a list of the examinations prescribed for the investigation of criminal cases of extremist orientation, as well as note the need for proper interaction between all participants in the proceedings.

Key words: extremism and extremist crimes, list of examinations, investigation of the extremist propaganda.

Несмотря на общую положительную тенденцию снижения преступности, отдельные группы противоправных деяний показывают устойчивую динамику роста преступлений экстремистской направленности. Согласно статистическим данным, в 2010 году было зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности (что на 19,7% больше, чем в 2009 г.), в 2011 г. – 622 (–5,2%), в 2012 г. – 696 (+11,9%), в 2013 г. – 896

(+28,7%), в 2014 г. – 1024 (+14,3%), в 2015 – 1308 (+27,7%) [1]. При этом, согласно выступлению В.А. Бастрыкина 22 февраля 2016 г. на расширенном заседании коллегии Следственного комитета России (далее – СК РФ), следователями возглавляемого им ведомства в 2015 г. было передано в суд 518 уголовных дел экстремистской направленности [2]. Безусловно, часть подобных деяний расследуется следователями Федеральной службы

Бельков Владислав Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
e-mail: vladislav-cherem78@mail.ru

Крутер Кристина Анатольевна, студентка Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
e-mail: kristal01@mail.ru

© Бельков В.А., 2017

© Крутер К.А., 2017

Статья получена: 14.03.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

безопасности РФ, однако зачастую основная нагрузка ложится именно на СК РФ. Исходя из этого, можно констатировать, что в суд направляются материалы менее половины выявленных преступлений, а остальные остаются нераскрытыми.

Данный факт обусловлен сложностью раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, поскольку деятельность и сама направленность умысла экстремистов непредсказуема и весьма разнопланова. Запланированные деяния зачастую совершаются организованными преступными группами, что накладывает особую сложность в установлении вины каждого из участников. Кроме того, требуются обширные знания в сфере религии и искусства, возможностей филологии и лингвистики, которым не обучают в юридических вузах.

В настоящее время существует множество альтернативных и дискуссионных мнений, связанных с рассматриваемой сферой исследования, в связи с чем целесообразно проанализировать наиболее эффективные подходы при расследовании указанных преступлений.

Вопросы, касающиеся понятия преступлений экстремистской направленности, в настоящий момент урегулированы ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года (далее – Закон), а также Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). В ст. 1 Закона дается понятие экстремистской деятельности (экстремизма), включающее в себя определенные структурные элементы, раскрывающие сущность данного деяния. Отдельные авторы под экстремизмом рекомендуют понимать общественно опасное явление, включающее в себя совокупность идеологических взглядов и практических действий, выраженных в непринятии иных суждений, а также в навязывании собственных догм обществу и государству силовыми способами, которые направлены, как правило, на подрыв государственных и общественных устоев, при помощи применения крайних насильственных методов.[3, С. 92]. Вопрос о внесении изменений в законодательно закрепленное понятие экстремизма будет периодически возникать, поскольку само преступление весьма обширно трансформируется. Периодически возникают даже дискуссии относительно того, какие именно деяния подпадают под категорию экстремистской направленности. Вместе с тем в настоящий момент УК РФ выделяет следующие виды преступлений экстремистской направленности:

1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе и в сети Интернет (ст. 280 УК РФ).

2. Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, в том числе и в сети Интернет (ст.282 УК РФ).

3. Организация экстремистского сообщества (ст.282.1 УК РФ).

4. Организация деятельности экстремистской организации (ст.282.2 УК РФ).

5. Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

Нормативные закрепления, а также теоретические наработки наводят на мысль о том, что в практическом смысле сложно осуществить совокупность действий по выявлению, вычислению и обнародованию преступников, осуществляющих пропаганду экстремизма. В обоснование вышесказанного также следует отметить: базисом в экстремистской деятельности является грамотная разработка, возникновение, распространение идеологии, которая осуществляет воздействие как на определенные социальные группы, так и на общество в целом. Тематика идеологии может быть связана не только с религиозными предписаниями, но и с историческими фактами, национальными и расовыми принадлежностями людей. В некоторых случаях идеология экстремистских группировок может совмещать в себе как исторические, так и национально-расовые убеждения. Все указанные основания являются предпосылкой к осуществлению пропаганды экстремизма, которая на сегодняшний день является самым распространённым противоправным деянием в области осуществления преступлений экстремистской направленности.

На сегодняшний день самое активное направление для осуществления пропаганды экстремизма – Интернет и все социальные сети. Использование этих возможностей позволяет создавать группы и сообщества (в том числе и закрытые) под любыми названиями (что соответствует интересам конспирированности) для объединения и координации деятельности людей по любым сферам. Вред, наносимый обществу посредством создания и использования групп, сообществ и сайтов, содержащих информацию об экстремизме, весьма обширен, однако основной аудиторией, на которую в данном случае направлено воздействие, является молодежь. При этом совершают такие деяния очень часто весьма молодые граждане нашей страны. Например, в г. Ангарске Иркутской области вынесен обвинительный приговор, согласно которому 18-летний местный житель осуществлял пропаганду фашизма и экстремизма посредством размещения сведений на специально заведенных им персональных страницах в популярной социальной сети в Интерне-

те, имеющей несколько миллионов зарегистрированных пользователей [4]. В Приморском крае были установлены жители села Михайловка 18 и 19 лет, которые из личных побуждений, основанных на неприязненном отношении к выходцам из стран Средней Азии, разместили на своей персональной странице в социальной сети экстремистские текстовые сообщения и изображения [5].

Указанные причины поставили перед правоохранительными органами задачу мониторинга сети Интернет, в том числе с помощью специалистов на предмет выявления контента экстремистского толка, а также очистки информационного наполнения сайта от аналогичных материалов. Соответственно, утверждение о необходимости использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности представляется абсолютно рациональным. Поныне дискуссионными остаются вопросы о том, в каких областях знаний может возникнуть потребность и в каких формах они могут применяться.

Говоря о теоретических подходах, способствующих расследованию преступлений экстремистской направленности, следует сказать, что М.В. Песчаный указывает на специальные знания в области лингвистики, психологии, этнологии, религиоведения [6, С. 87]. Следует отметить, что для доказывания экстремистской направленности используемой символики и других наглядных материалов могут понадобиться знания и в области истории. Известен случай успешного использования заключения специалиста – историка, сделанного им по портретам лидеров коллаборационистского движения (государственных изменщиков), которые были выставлены в офисе организации. Несмотря на попытку стороны защиты в ходе судебного заседания опровергнуть его доводы с помощью другого специалиста, данное заключение, подкрепленное показаниями в суде, было принято во внимание при вынесении обвинительного заключения [7, С. 159].

М.Л. Подкатилина, анализируя экспертную практику и методическую литературу по данному вопросу, фиксирует 21 вариант наименования экспертизы, проводимой по делам, связанным со словесным экстремизмом [8, С. 32]. Нередко возникает необходимость производства комплексных исследований, что влечет за собой определенные организационные сложности.

В качестве особенности расследования подобных деяний, выявленных в процессе изучения практики, было установлено, что следователи назначают большое количество судебных экспертиз, включающих в себя различные теорети-

ческие знания и подходы при исследовании. К традиционным экспертизам, которые проводятся при расследовании всех категорий противоправных деяний, и в том числе в отношении преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, следует отнести: трасологическую, автороведческую, техническую экспертизу документов и др. Однако наибольшее распространение при доказывании вины по преступлениям, связанным с пропагандой материалов экстремистской направленности, получили следующие виды экспертиз:

1) *Психолого-лингвистическая* – направлена на комплексную оценку и объединение результатов исследований, проведенных психологами и лингвистами, в рамках которой исследуются тексты экстремистской направленности в целях выявления информации, содержащей признаки экстремизма. Специалистом-психологом проводится анализ представленных текстов на предмет установления способов психологического воздействия, а также характеристики текста, влияющие на восприятие адресатом. В экспертизе поступивших на исследование материалов рассматривается анализируемая проблематика в отношении возможных психологических следствий агитационно-пропагандистских целей в предметном контексте их появления. Специалист-лингвист, в свою очередь, проводит исследование представленных ему материалов на предмет выявления способов воздействия и особенностей восприятия материалов гражданами, а также определяет, к какому из способов выражения содержания коммуникативного намерения относится призыв.

2) *Лингвокультурологическая* – представляет собой комплексное исследование, проводимое экспертом-лингвистом и экспертом, специализирующимся в области культурологии. Специалисты, используя свои профессиональные знания и опыт, проводят исследование письменных, аудио и видеозаписей, а также иных материалов на предмет установления национальной культуры, а также особенностей, характеризующих различные национальные черты (обороты речи, ссылки на исторические события, происходящие в определенных местностях и национальной культуре различных народов и т.п.).

3) *Психолого-этнологическая* – также является комплексной и заключается в проведении исследований специалистом из области психологии и специалистом-этнологом. Этнологическая экспертиза экстремистских материалов представляет собой проведение исследований по этническим, расовым и религиозным вопросам.

4) *Религиоведческая* – назначается для исследования печатных, аудио- и видеоматериалов на

предмет наличия в них признаков экстремизма, при помощи специальных знаний, основанных на изучении мировоззренческих, ценностных, этнических проблем современного общества. Чаще всего это духовная, религиозная литература; распространяемые печатные, аудио- и видеоматериалы; документы различных религиозных объединений; специально разработанные религиозные учебные программы. Представленный вид экспертизы является одним из самых распространённых, по причине существования большого количества экстремистских организаций, идеология которых построена на религиозных взглядах. Основными задачами при проведении данной экспертизы являются следующие: определение, действительно ли организация является религиозной; попытки идентифицировать конфессиональную принадлежность религиозной организации; определить круг основных ценностей, социально значимых установок и практик исследуемого религиозного направления, а также установить степень достоверности сведений о представленных вероучении и культовой практики; отметить, если есть, негативные оценки по отношению данного религиозного направления к другим религиям [9, С. 11].

Подходя к рассматриванию практических подходов при расследовании экстремистских преступлений, нельзя не сказать, что Указом Президента России от 6 сентября 2008 года № 1316 и Приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 31 октября 2008 года № 940 был образован Департамент МВД России по противодействию экстремизму, который в настоящее время именуется Главным управлением по противодействию экстремизму. Для обеспечения надлежащего качества расследования в СК РФ создано подразделение по контролю за расследованием преступлений экстремистской направленности. В связи с этим весьма важной задачей видится выстроенное взаимодействие следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также учет мнений специалистов и проведение необходимых экспертиз. В случае наличия такого взаимодействия, несмотря на рост преступности в рассматриваемой сфере, увеличивается и судебная практика.

Например, в Октябрьском районном суде г. Иркутска в 2013 году было вынесено обвинительное решение по ч.1 ст.282 УК РФ. Подсудимый Зуев Д.В. являлся приверженцем националистических идей и решил на территории г. Иркутска использовать сеть Интернет с целью пропаганды

экстремизма: возбуждения ненависти, унижения достоинства человека, группы лиц по признакам национальности, языка, происхождения, отношения к религии, публично, с использованием средств массовой информации. В рамках данного дела была проведена психолого-лингвистическая экспертиза, кроме того, оперативно-розыскными мероприятиями была осуществлена проверка условий воспитания и жизни обвиняемого, интересы, принадлежность к неформальным объединениям с помощью допроса лиц [7].

Посредством тех же теоретических подходов, то есть задействования различных экспертиз и подключения специалистов, определяется наличие или отсутствие прямого призыва к экстремизму (пропаганда экстремизма) в тех или иных материалах, а также прочих источниках. Так, например в г. Железноводске Ставропольского края была назначена судебно-политологическая экспертиза, согласно выводам которой представленный на экспертизу текст брошюры «Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии» содержит идею расового превосходства «нордической» расы над всеми остальными. Прямых призывов к уничтожению представителей иных национальностей или рас в брошюре не выявлено, однако описывается идея о необходимости завоевания территории для проживания немецкого народа. На основании изложенного текст брошюры «Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии» относится к периоду Великой Отечественной войны, в связи с чем сделать вывод о том, может ли прочтение брошюры сформировать мотивы преступления на почве расовой или национальной ненависти или вражды – не представляется возможным [10].

Таким образом, следует отметить, что только посредством использования передовых положений юридической науки, апробированных практикой, а также развития и внедрения значительного потенциала экспертных исследований со стороны следственных и оперативных работников возможно увеличение качественных показателей в расследовании преступлений экстремистской направленности. Складывающаяся во многих регионах практика позволяет сделать вывод о возможности вынесения обвинительных приговоров по этим деяниям, которые в многонациональной России способны поставить под угрозу существование самого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общие сведения о состоянии преступности [электронный ресурс] // Сайт МВД РФ <https://mvd.ru>
2. Состоялось расширенное заседание коллегии Следственного комитета России [электронный ресурс] // Сайт СК РФ [HTTP://SLEDCOM.RU/PRESS/EVENTS/ITEM/1019446/](http://SLEDCOM.RU/PRESS/EVENTS/ITEM/1019446/)
3. Грушихина В.А. Особенности формулирования вопросов при назначении судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с распространением экстремистской направленности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 3 (70). С. 90-94.
4. В Ангарске вынесен обвинительный приговор за разжигание ненависти и вражды [электронный ресурс] // Сайт УМВД России по Приморскому краю <https://38.mvd.ru/news/item/3565052>
5. Полицейские в Приморье пресекли распространение экстремистских материалов с использованием сети Интернет [электронный ресурс] // Сайт ГУ МВД России по Иркутской области <https://25.mvd.ru/news/item/7230946>
6. Песчаный М.В. Проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // Закон и право. М., 2009. № 6. С. 87-89.
7. Шаевич А.А., Старичков. М.В., Грушихина В.А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула : Изд-во ТулГУ. 2015. С.156-165.
8. Подкатилина М.Л. О назначении судебной экспертизы по делам об экстремизме // Законы России : опыт, анализ, практика. М., 2011. № 12. С. 32-35.
9. Методическое пособие по вопросам проведения религиозно-экспертной экспертизы / гл. ред. Г.Е. Шлымова. Астана : РГУ «НИиАЦпВР». 2013. 152 с.
10. Обзор судебной практики Железноводского городского суда Ставропольского края [электронный ресурс] // Сайт Железноводского городского суда Ставропольского края <http://zheleznovodsky.stv.sudrf.ru/>

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**Комлев Ю.Ю.**

Интегративная криминология : девиантологический очерк : учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 246 с.

В книге излагаются основные понятия, положения и методологические подходы криминологии как социологии преступности, рассматривается ее генезис в интегративной теоретической перспективе. Учебное пособие рассчитано на студентов и курсантов, аспирантов и адъюнктов, преподавателей юридических и социологических факультетов, вузов.

Работа может быть полезна в качестве дополнительного учебного пособия по курсам «Девиантология», «Криминология и профилактика преступности».

УДК 342.7

Д.И. Ережипалиев

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ, МЕРАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

THE PROTECTION OF CHILDREN FROM INFORMATION HARMFUL TO THEIR HEALTH AND DEVELOPMENT BY USING MEASURES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION

В статье проведен анализ практики прокурорского надзора по обеспечению законности в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Обосновывается точка зрения, согласно которой эффективным профилактическим воздействием обладает практика регулярного информирования населения о мерах по противодействию нарушениям в сфере информационной безопасности детей путем публикаций в СМИ, размещения информации в сети Интернет, выступлений прокуроров на радио и по телевидению.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, защита детей, вред здоровью, информация, прокурорский надзор, меры реагирования.

In the article the analysis of practice of prosecutorial supervision to ensure the rule of law in the sphere of protection of children from information harmful to their health and development. Determination of typical law violations detected by the Prosecutor in this sphere. Substantiated point of view according to which effective preventive impact has the practice of regularly informing the public about measures on counteraction to violations in the sphere of information security of children through media publications, posting information on the Internet, the speeches of the prosecutors on the radio and on television.

Key words: information security, minors, child protection, health, information, Prosecutor's supervision, response.

Информация, которая распространяется посредством средств массовой информации, рекламной продукции, электронных и компьютерных игр, кино-, видео-, иных аудиовизуальных сообщений и материалов, все больше оказывает на подростков негативное и растлевающее влияние, побуждает их к рискованному, агрессивному, жестокому, антиобщественному поведению, способствует их виктимизации, облегчает их вовлечение в преступления [1], что, в свою очередь, обусловило необходимость надлежащего правового регулирования рассматриваемой сферы правоотношений.

Приоритет в механизме правового регулирования информационной безопасности детей принадлежит Конституции Российской Федерации и международным правовым актам, к числу которых относятся Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Всеобщая декларация прав человека, Декларация Совета Европы (СЕ) о средствах массовой информации и пра-

вах человека (1970); Европейские конвенции: о совместном кинопроизводстве (1992), о трансграничном телевидении (1989), о компьютерных преступлениях (2001) и др.

Конкретные меры по решению возникающих в связи с этим проблем определены в многочисленных документах, утвержденных главой государства и Правительством Российской Федерации.

В целях обеспечения благополучного и защищенного детства были приняты Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (далее – Национальная стратегия действий в интересах детей), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция развития дополнительного образования детей, государственная программа Российской Федерации

Ережипалиев Дамир Ильдарович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

e-mail: damirastr@mail.ru

© Ережипалиев Д.И., 2017

Статья получена: 12.05.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

«Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» и др.

Ключевая роль в системе законодательства, обеспечивающего защиту детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, принадлежит Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее - Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ), который направлен на регулирование отношений, связанных с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции.

При этом следует учитывать, что Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ не распространяется на отношения в сфере оборота информационной продукции, содержащей научную, научно-техническую, статистическую информацию; распространения информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена Федеральным законом от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другими федеральными законами; оборота информационной продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества; рекламы. В связи этим отдельные нормы, регламентирующие права несовершеннолетних в рассматриваемой сфере, содержатся в федеральных законах от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Необходимость и значимость названных документов обусловлена целями обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних путем введения законодательных гарантий и организационно-правовых механизмов защиты детей от информации, причиняющей вред их физическому, психическому, социальному, нравственному и духовному здоровью и развитию, в том числе от распространения печатной, аудио- и аудиовизуальной продукции, электронных и компьютерных игр, пропагандирующих насилие и жестокость, порнографию, антиобщественное поведение.

Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ на лиц, организующих доступ к сети Интернет, возложена обязанность применять конкретные меры и средства защиты детей от вредной для них информации.

Между тем органы прокуратуры в ходе мони-

торинга сайтов в сети Интернет выявляют многочисленные факты пропаганды в них наркомании, порнографии, антиобщественного поведения, суицида и иной вредной для детей информации, а также бездействия провайдеров хостинга и владельцев сайтов, обязанных принимать меры по ее выявлению и ограничению к ней доступа.

Следует отметить, что законодательство, направленное на защиту детей от распространения информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, нарушается повсеместно. Кинотеатрами демонстрируются фильмы без прокатного удостоверения и без предоставления зрителям полной и достоверной информации об имеющихся возрастных ограничениях для детской аудитории. Осуществляется незаконная реализация, в том числе детям и подросткам, экземпляров аудиовизуальных произведений эротического и порнографического характера в системе розничной торговли.

Во многих субъектах Российской Федерации допускаются нарушения установленных ограничений рекламы алкогольной продукции, пива, табачных изделий. Следует отметить, что в настоящее время на высоком уровне сохраняется удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Если в 2010 г. удельный вес числа несовершеннолетних от общего числа подростков, совершивших преступления, составил – 10,0% (или 7 255 человек), в 2011 г. – 11,0% (7 247 человек), то в 2012-2014 гг. – 13,9% (8 262, 8 428 и 7 542 человека соответственно). Отмечается устойчивая тенденция роста числа несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. За последние пять лет количество таких подростков увеличилось более чем в три раза [2].

Вследствие указанных нарушений дети получают доступ к информационной продукции низкого нравственно-этического содержания, что оказывает на них растлевающее и психотравмирующее воздействие, приводит к деформациям нравственного и правового сознания, преступления несовершеннолетними совершаются с исключительной жестокостью, цинизмом, глумлением над потерпевшими.

Так, в 2013 г. в сети Интернет 16-летними школьницами из Омской области размещен видеоролик, на котором они избивают 14-летнюю девушку. На видеозаписи видно, что девушки ставят школьницу на колени, заставляя ее за что-то извиняться, после чего они избивают девушку. Весь видеоряд сопровождается смехом снимающих и их нецензурной лексикой. В результате побоев ребенок получил черепно-мозговую травму и перелом

носа [3]. Следует отметить, что это уже не первое подобное преступление. Так, в 2012 г. широкий резонанс вызвало избиение школьницы в городе Гусеве Калининградской области, которое также было снято на видео и выложено в сети Интернет. Подобные инциденты позже произошли в Московской, Тульской областях и во Владивостоке.

В связи с этим представляется оправданным еще раз обратиться к вопросу о прокурорском надзоре и его значении для обеспечения законности в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, принимая во внимание, что проводимые прокурорами мероприятия по укреплению законности в рассматриваемой сфере определяются общей социальной политикой государства, указаниями и распоряжениями Генерального прокурора Российской Федерации.

Так, в приказе от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» Генеральный прокурор РФ предписывает нижестоящим прокурорам систематически проверять исполнение законов о защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию, в деятельности средств массовой информации, органов и учреждений образования и культуры. Прокурорам надлежит принимать все необходимые меры по привлечению к ответственности юридических и физических лиц, виновных в распространении такой информации, а также информации, пропагандирующей, антиобщественное поведение, в том числе употребление алкоголя, наркотиков, табачных изделий, насилие и жестокость, порнографию, азартные игры. В пределах предоставленных законом полномочий должны не допускать использование средств массовой информации и сети Интернет для сексуальной, трудовой эксплуатации и совершения иных противоправных деяний против несовершеннолетних.

И это закономерно, поскольку дети, являясь наиболее уязвимой группой населения, в условиях активного развития научно-технического прогресса (Интернета, мобильной и иных видов электронной связи, цифрового вещания) в большей степени подвержены воздействию негативной информации. Информация, которая распространяется в средствах массовой информации, посредством оборота рекламной продукции, информационно-телекоммуникационных сетей, электронных и компьютерных игр, кино-, видео-сообщений и материалов, все чаще оказывает на подростков негативное влияние, побуждает их к агрессивному, жестокому и антиобщественному поведению, способствует их виктимизации, об-

легчает их вовлечение в преступления.

Меры, реализуемые прокурорами в целях устранения выявленных нарушений, направлены на надлежащее исполнение законов о защите несовершеннолетних от информации, наносящей вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию.

Как свидетельствует проведенный анализ прокурорской практики, состояние законности в рассматриваемой сфере остается не на должном уровне. В ходе проведения проверок прокуроры повсеместно выявляли нарушения в сфере информационной безопасности владельцами сайтов, провайдерами хостинга и операторами связи.

Одной из наиболее действенных мер прокурорского реагирования по выявленным в деятельности владельцев сайтов, провайдеров хостинга и операторов связи нарушениям законодательства, применяемой в большинстве субъектов Российской Федерации, является предъявление исков в суд о возложении на операторов связи обязанности по ограничению передачи информации (доступа) к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

К примеру, только по искам прокуроров Нижегородской области суд обязал провайдеров хостинга и владельцев сайтов ограничить доступ к сотне сайтов в сети Интернет, пропагандирующих употребление наркотиков [4].

Материалы прокурорских проверок свидетельствуют также о недостаточной эффективности работы территориальных органов Роскомнадзора и необходимости принятия ими дополнительных мер по усилению контроля за соблюдением требований законодательства в сфере защиты детей от вредной для них информации, более принципиального подхода к устранению выявленных нарушений. Прокурорами выявлялись случаи неисполнения территориальными органами контроля полномочий при реализации мероприятий по постоянному наблюдению в отношении теле- и радиовещателей, печатных средств массовой информации; должностными лицами территориальных органов Роскомнадзора в ходе проведения проверок не всегда исследуется вопрос соответствия категории информационной продукции установленному знаку, правильность проведения классификации информационной продукции. Должностные лица ограничиваются лишь установлением факта наличия либо отсутствия знака информационной продукции; однако не во всех случаях контролируется устранение нарушений, указанных в предписаниях территориальных органов Роскомнадзора.

Прокурорами выявлены многочисленные нарушения в деятельности организаций, распространяющих информационную продукцию на печатных, магнитных и электронных носителях, в том числе требований ч. 2 ст. 6 Закона № 436-ФЗ. Установлены нарушения в части свободной реализации DVD-, CD-дисков и прочих электронных носителей с художественными фильмами и компьютерными играми, без обозначения сведений о возрастных ограничениях зрительской аудитории, размещения на страницах газет, журналов и иной печатной продукции объявлений о зрелищных мероприятиях (спектаклях, концертах, выставках), на которых либо отсутствует знак информационной продукции о возрастном ограничении, либо его размеры значительно меньше установленного законодательством.

Нередко прокуроры выявляли нарушения требований законодательства о рекламе в части размещения наружной рекламы без знака информационной продукции; несоответствия размера размещенного на рекламе знака информационной продукции требованиям ч. 3 ст. 12 Закона № 436-ФЗ; размещения рекламы на детских тетрадях, дневниках, альбомах для рисования, школьных принадлежностях и школьных тетрадях, размещения на официальных сайтах образовательных организаций информации в виде рекламы, по содержанию не совместимой с целями образования, воспитания и обучения, наличия запрещенной для распространения среди детей информации в рекламе, размещаемой в предназначенных для детей образовательных организациях.

Больше всего нарушений законодательства выявлено прокурорами в деятельности образовательных организаций. В числе наиболее распространенных нарушений – ненадлежащая организация защиты детей от противоправного контента в образовательной среде, а также ненадлежащее применение административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от вредной информации в местах, доступных для детей. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014 г. только в Уральском федеральном округе территориальными прокурорами в суд направлено 588 заявлений, которые содержали требования об ограничении доступа к экстремистским материалам, об обязанности установить в образовательных учреждениях контентные фильтры и т.п. [5].

Прокуроры принимали меры к устранению фактов безлицензионного осуществления деятельности по телевизионному вещанию; принятия мер по фиксации даты и времени выхода в эфир, темы передачи, ее автора, ведущего и участ-

ников в регистрационном журнале; отсутствия знака информационной продукции в транслируемых телепрограммах; несоответствия знака информационной продукции, размещенного при телевещании, знаку информационной продукции в опубликованной программе телепередач, а также содержанию прокатного удостоверения; разглашения в распространяемых информационных материалах согласия самого ребенка и его законного представителя сведений, прямо или косвенно указывающих на личность подростка, совершившего противоправное деяние либо подозреваемого в его совершении, совершившего антиобщественное действие или административное правонарушение.

Повышенное внимание органами прокуратуры уделяется вопросам противодействия распространению противоправной информации в сети Интернет, поскольку проблема распространения радикальных идей в глобальной сети на сегодняшний день стоит крайне остро.

Работа по противодействию этому явлению стала более эффективной после предоставления Генеральной прокуратуре РФ права внесудебного блокирования информационных ресурсов экстремистского характера.

За год действия нового закона требованиям Генеральной прокуратуры РФ противоправная информация с призывами к экстремистской и террористической деятельности, массовым беспорядкам удалена из 3 тыс. сайтов [6].

Вместе с тем полагаем целесообразным расширить полномочия прокурора, предоставив ему возможность блокировки сайтов, пропагандирующих и публично оправдывающих экстремизм и терроризм.

Учитывая важность проблем, связанных с распространением в сети Интернет противоправной информации, в 2015 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации прошло очередное заседание межведомственной рабочей группы по противодействию распространению запрещенной информации в средствах массовой информации и сети Интернет [7]. На заседании были рассмотрены вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования досудебной блокировки сайтов, содержащих противоправную информацию. Особое внимание уделено интернет-ресурсам, посредством которых осуществляется дистанционная реализация локаторств и организуются азартные игры.

Кроме того, были заслушаны результаты работы Роспотребнадзора по ограничению доступа к информации в сети Интернет, содержащей сведения о способах совершения самоубийств, а также призывов к их совершению. Членами рабочей группы отмечена тенденция к увеличе-

нию объема противоправной информации в сети Интернет. Если в первом полугодии 2014 года прокурорами в суд было направлено около 400 исковых заявлений о признании информации, запрещенной к распространению на территории страны, то в первом полугодии 2015 года таких заявлений уже более 1,8 тыс. Растет и количество решений о блокировке сайтов в административном порядке. При этом до настоящего времени отдельные органы государственной власти не наделены полномочиями по принятию решений о признании информации запрещенной в рамках компетенции, что позволило бы в значительной степени снизить нагрузку на правоохранительную и судебную систему.

Как показывает практика прокурорского надзора, в большинстве регионов отсутствуют целевые программы, которые направлены на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних, производство информационной продукции для подростков, а также экспертные организации, осуществляющие экспертизу информационной продукции.

Представляется, что первоочередными задачами прокуроров по обеспечению законности в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, являются: реальное устранение нарушений в рассматриваемой сфере; принятие всего комплекса мер, которыми располагает прокурор, для предотвращения такого рода нарушений; последовательный контроль за исполнением вноси-

мых прокурорами актов реагирования.

Полагаем, что действенное профилактическое воздействие оказывает практика регулярного информирования населения о мерах по противодействию нарушениям в сфере информационной безопасности детей путем публикаций в средствах массовой информации, размещения информации в сети Интернет, выступлений прокуроров на радио и по телевидению.

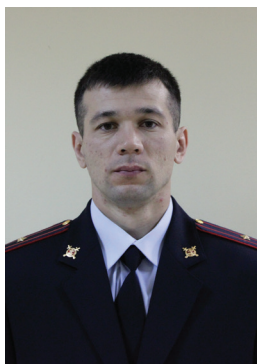
Целесообразно также, на наш взгляд, проведение регулярных обучающих занятий с прокурорскими работниками в рамках дополнительной программы профессиональной переподготовки на тему «Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних».

Следует отметить, что в юридической литературе было уделено определенное внимание обозначенной проблеме [8], однако в современных условиях оно во многом уже утратило свою актуальность. В связи с этим имеются резервы и по совершенствованию научно-методического обеспечения деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой сфере.

Решение перечисленных задач, на наш взгляд, будет способствовать значительному профилактическому эффекту прокурорского надзора за исполнением законодательства, обеспечивающего защиту несовершеннолетних от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Н.Н. Ковалевой // СПС КонсультантПлюс. 2013.
2. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа : <http://www.gks.ru> (дата обращения : 02.05.2016).
3. <http://www.rfdeti.ru/display.php?id=6963> (дата обращения : 02.05.2016).
4. <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-82637/> (дата обращения : 04.05.2016).
5. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10.03.2015 № 33-15-2015 «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму, возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности в Уральском федеральном округе».
6. <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-684690/> (дата обращения : 09.05.2016).
7. <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-875130/> (дата обращения : 09.05.2016).
8. Пристанская О.В., Сальникова О.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере информационной безопасности несовершеннолетних : методич. пособие. М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2008.

УДК 344.652

И.М. Усманов

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИНСТИТУТЕ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

SOME REGULATORY CHANGES IN THE INSTITUTE OF CONDITIONAL EARLY RELEASE CONDEMNED TO IMPRISONMENT

В статье рассматриваются новейшие изменения уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, связанного с реализацией осужденными их права на условно-досрочное освобождение. Критически оценены и решены многие насущные проблемы, связанные с пониманием оснований и правовых условий применения условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы, участия потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении, возмещением вреда, причиненного преступлением и др.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, суд, осужденный, потерпевший, наказание.

The article deals with the latest changes in criminal, criminal executive and criminal procedure legislation connected with the implementation of the convicts of their right to conditional early release. Many urgent problems connected with the understanding of the grounds and legal conditions for the application of conditional release convicts, the participation of the victim in a court session at the consideration of early release on parole, and with the compensation for harm caused by the crime are critically evaluated.

Key words: conditional early release, the court, the convict, the victim, the punishment.

В связи с реформированием и гуманизацией российского законодательства в сфере противодействия преступности, уголовно-исполнительной системы обострились расхождения в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права, а также в среде практиков по вопросам понимания юридической природы условно-досрочного освобождения, регламентации оснований, условий и порядка его применения. Это определило неоднозначные подходы к реализации законодательства о том в правоприменительной практике, что неблагоприятно сказывается на судьбе осужденных к лишению свободы, ведет к нарушениям конституционного принципа равенства осужденных в отношениях с администрацией исправительных учреждений и других органов, исполняющих данное наказание. Происшедшие за последние годы изменения в российском законодательстве вызывают немало споров теоретического и прикладного характера. Среди них вопросы участия потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства осужденного к лишению свободы об условно-досрочном освобождении, о возмещении осужденным причиненного его преступлением ущерба потерпевшему и другие.

В законодательстве до 2014 г. не было определено, какое значение для признания осужденного к лишению свободы не нуждающимся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания могут иметь те или иные обстоятельства. В связи с этим при решении вопроса об условно-досрочном освобождении суды, в целях обеспечения индивидуального подхода, в каждом конкретном случае по своему усмотрению устанавливали, достаточны ли содержащиеся в ходатайстве об условно-досрочном освобождении и в иных материалах сведения для условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания. Эта неопределенность негативно сказывалась на судебной практике применения условно-досрочного освобождения. В подобных случаях необходимо руководствоваться п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года №8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» согласно которому, «характер и степень общественной опасности совершенно-

Усманов Ильгиз Миншакирович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: ilgiz-kgs@mail.ru

© Усманов И.М., 2017

Статья получена: 20.10.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

го осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному» [1].

Ныне законодателем предпринята попытка раскрыть критерии, которыми суду следует руководствоваться при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении. В ч. 41 ст. 79 УК среди них законодатель называет поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения. В отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, суд также учитывает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы [2]. При этом акцент сделан на учет поведения осужденного в течение всего периода отбывания наказания (включая случаи перевода из одного исправительного учреждения в другое).

В целях поиска социально-психологических

и педагогических средств повышения эффективности условно-досрочного освобождения нами было осуществлено изучение знания осужденными к лишению свободы законодательства об условно-досрочном освобождении, его значимости для них и отношения к нему в течение отбывания этого наказания, а также понимания прокурорами и судьями законодательства об условно-досрочном освобождении осужденных к лишению свободы. При ответе на вопрос «Какой степени исправления необходимо достичь осужденному для применения к нему условно-досрочного освобождения» мнения респондентов разделились: 17% осужденных считают, что необходимо исправиться, более 40% - встать на путь исправления и более 20% считают, что условно-досрочное освобождение должно применяться в любом случае. С осужденными не согласны более 80% прокуроров, полагающих, что для применения условно-досрочного освобождения к осужденным последним необходимо исправиться. Аналогичного с прокурорами мнения придерживаются более 60% судей (рис. 1).

Федеральным законом № 221-ФЗ от 23.07.2013 г. ст. 399 УПК РФ дополнена ч. 2¹, в соответствии с которой при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении осужденных от отбывания лишения свободы вправе участвовать потерпевший, его законный представитель и (или) представитель [3].

В УПК РФ не решается вопрос, как следует суду уведомить потерпевшего о времени и месте рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного к лишению свободы: достаточно ли о том направить уведомление письмом по месту прежней регистрации потерпевшего (ших) или же сотрудникам канцелярии суда следу-

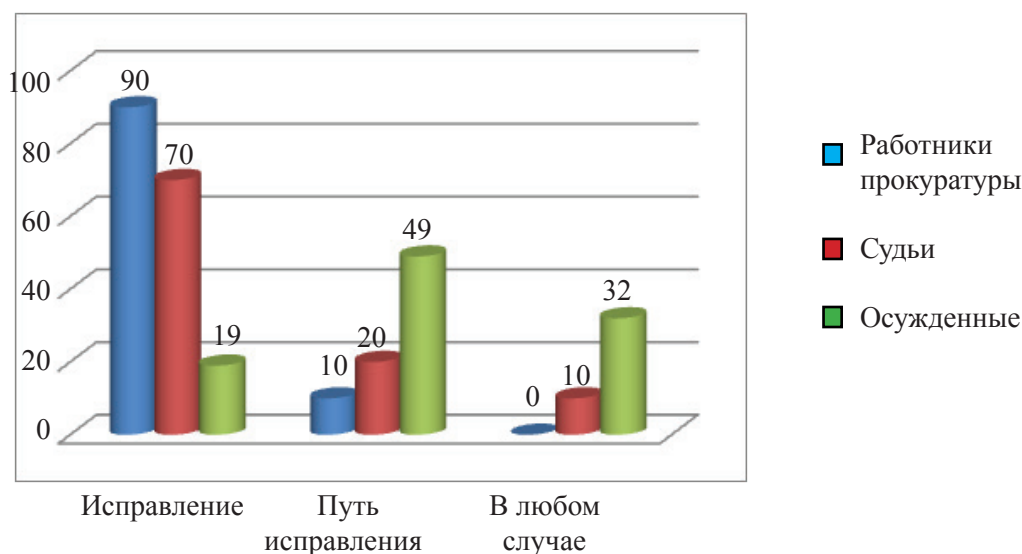

Рис. 1. Данные о мнении респондентов по вопросу исправления осужденного при применении УДО (в % к числу опрошенных)

ет своими силами разыскивать потерпевших для приглашения к участию в процессе, когда планируется назначить судебное заседание о рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении. Это может повлечь за собой дезорганизацию в работе аппарата суда и волокиту в решении вопроса о судьбе заслужившего условно-досрочного освобождения осужденного.

Участие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении не обязательно, суд вправе рассмотреть его и без участия потерпевшего, если он был извещен надлежащим образом, но в судебное заседание не явился и не настаивает на рассмотрении дела с его участием. Если же у суда нет информации об извещении потерпевшего о рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного, то при наличии на то уважительных причин у потерпевшего суду следует отложить судебное заседание.

Как известно, источником информации о потерпевшем и месте его жительства могут быть материалы уголовного дела, находящегося в соответствующем архиве. Однако со времени вступления приговора в законную силу и обращения его к исполнению до момента рассмотрения ходатайства осужденного к лишению свободы об условно-досрочном освобождении эта информация может измениться, вследствие чего возможность обеспечения участия потерпевшего в судебном заседании об условно-досрочном освобождении будет нереальной либо это потребует значительного времени. Рассматриваемое правило практически невыполнимо по вопросу об условно-досрочном освобождении осужденного по многоэпизодному уголовному делу без подтверждения всеми потерпевшими получения соответствующего уведомления.

Во исполнение указанных новелл и в соответствии с письмом Верховного суда Республики Татарстан за № 1-1-7-6/156 от 24 сентября 2013 г. судами Татарстана при назначении наказания, связанного с реальным лишением свободы, наряду с копией приговора, по месту содержания осужденного стали направляться сведения о потерпевшем, его законном представителе и (или) представителе, а также сведения о месте жительства данного лица, в связи с чем разработан образец справки [4].

При рассмотрении ходатайств осужденных об условно-досрочном освобождении в судах Татарстана также возникают сложности, связанные с обеспечением учета мнения потерпевшего (их) об отношении к условно-досрочному освобождению осужденного. По итогам анкетирования судей по этому вопросу выявлены различные подходы. Одни респонденты считают, что мнение потер-

певшего по ходатайству осужденного об условно-досрочном освобождении имеет для суда лишь рекомендательный характер, т.к. интересы потерпевшего в связи с преступлением этого осужденного в полной мере защищены вступившим в законную силу обвинительным приговором. Некоторые респонденты полагают, что мнение потерпевшего об условно-досрочном освобождении осужденного является одним из решающих моментов для разрешения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного.

При разбирательстве вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного суду следует исходить из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 3.2 Постановления от 18.03.2014 №5-П, согласно которому Конституционно-правовой, а также процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагают его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу.

Реализация потерпевшим указанного права не должна, однако, осуществляться с нарушением принципа процессуальной экономии, т.е. приводить к существенному увеличению сроков рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении и, как следствие, к чрезмерно длительному пребыванию осужденного в состоянии ожидания судебного решения и неопределенности относительно своего правового положения [5].

В этом же постановлении поясняется, что заявление потерпевшим ходатайства о получении интересующей его информации сопряжено с предоставлением им самим необходимых контактных данных (почтового адреса, адреса электронной почты, номера телефона и др.), которые должны быть зафиксированы судом при вынесении соответствующего определения или постановления, и предполагает поддержание таких данных в актуальном состоянии в течение всего срока исполнения наказания, а при их изменении обязывает потерпевшего или его законного представителя своевременно сообщить об этом либо в суд, постановивший приговор, либо в учреждение или орган, исполняющие наказание. Соответственно, направление информации по указанному самим потерпевшим адресу снимает проблему подтверждения ее получения.

Исходя из требований Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в данном постановлении, федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на оптимизацию порядка уведомления потерпевших о судебном заседании по рассмотрению

вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного по данному уголовному делу от отбывания наказания, в том числе в части распределения функций по обеспечению их информирования между администрацией ИУ и судом.

По нашему мнению, участие потерпевшего в судебном заседании по вопросу условно-досрочного освобождения осужденного не создаст серьезных трудностей в реализации права осужденного на своевременное освобождение из мест лишения свободы.

С 10 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон №432-ФЗ от 28.12.2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [6]. Этим законом установлено право потерпевшего и его законного представителя получать информацию об освобождении осужденного от отбывания наказания, о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о его выездах за пределы исправительного учреждения, исполняющего лишение свободы.

Этим законом также предусмотрена обязанность осужденного возместить (полностью или частично) причиненный его преступлением ущерб, что, по нашему мнению, можно считать (после материального и формального) дополнительным формальным основанием для принятия судом решения об условно-досрочном освобождении осужденного к лишению свободы. Это подтверждается изменениями, внесенными в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», согласно которым «судам следует иметь в виду, что в соответствии с частью 1 статьи 79 и частью 1 статьи 80 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 года №432-ФЗ) возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, является одним из условий для условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания только на этом основании» [7].

В то же время, когда осужденный, несмотря на указанные объективные препятствия, последовательно принимает меры к возмещению иска (просит об этом третьих лиц, возмещает ущерб частично за счет пенсии или иных средств, принимает активные усилия, направленные на получение оплачиваемой работы, договорился с потерпевшим о том, что ущерб будет возмещен за счет средств, заработанных после досрочного освобождения, и т.д.), усилия осужденного, направленные на возмещение ущерба, следует рассматривать как фактор исправления осужденного. В этом постановлении Пленума нет разъяснений, в каком размере должен быть возмещен вред, причиненный преступлением осужденного, претендующим на условно-досрочное освобождение. Вероятно, в каждом случае такой размер вреда может определяться по усмотрению суда.

Отбытие осужденным к лишению свободы срока в размере меньшем, чем установлено частями 3, 4 и 5 ст. 79 и ст. 93 УК, является обстоятельством, препятствующим ему ходатайствовать перед судом об условно-досрочном освобождении. При указанных обстоятельствах суды принимают неоднозначные процессуальные решения: отказывают в принятии ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении к рассмотрению, либо принимают его к рассмотрению, рассматривают по существу и отказывают в удовлетворении, либо прекращают производство по ходатайству осужденного об условно-досрочном освобождении. При этом суды, отказывая в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении, не учитывают взаимосвязанные положения ст. 79 УК и ч. 10 ст. 175 УИК в новой редакции. Из этих положений следует, что, если осужденный к лишению свободы отбыл предусмотренную законом часть срока наказания, но, по мнению суда, нуждается для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания, такой осужденный вправе заявить повторно ходатайство об условно-досрочном освобождении не ранее чем по истечении 6 месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе в условно-досрочном освобождении, а для осужденного к пожизненному лишению свободы повторное обращение с таким ходатайством может иметь место не ранее чем по истечении трех лет [8]. При решении данного вопроса судам следует руководствоваться п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», согласно которому, «судья, установив, что осужденный, его законный пред-

ставитель, адвокат обратились с ходатайством об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания ранее фактического отбытия осужденным части срока наказания, предусмотренной частями 3 и 4 статьи 79, частью 2 статьи 80, статьей 93 УК РФ, выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. Указанные лица вправе вновь обратиться с ходатайством после отбытия осужденным установленной законом части срока наказания. Если в отношении осужденного, которому судом было отказано в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в суд повторно поступило соответствующее ходатайство ранее срока, установленного частью 10 статьи 175 УИК РФ, то судья выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. При этом указанный в законе шестимесячный срок должен исчисляться со дня вынесения судом постановления об отказе в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [9].

В ходе анализа законодательных изменений и дополнений в институте условно-досрочного освобождения мы пришли к следующим выводам:

1. Характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатай-

ства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учитываются судом в приговоре при назначении наказания осужденному.

2. Процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагает его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу. В связи с чем федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на оптимизацию порядка уведомления потерпевших о судебном заседании по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного.

3. Обязанность осужденного возместить (полностью или частично) причиненный его преступлением ущерб, по нашему мнению, может считаться (после материального и формального) дополнительным формальным основанием для принятия судом решения об условно-досрочном освобождении осужденного к лишению свободы.

4. Судья, установив, что осужденный, его законный представитель, адвокат обратились с ходатайством об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания ранее фактического отбытия осужденным части срока наказания, предусмотренной частями 3 и 4 статьи 79, частью 2 статьи 80, статьей 93 УК РФ, выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

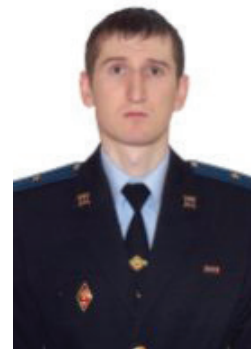
1. См. : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №7.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 05.05.2014 №104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2309; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №7.
3. О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.07.2013 №221-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. №30 (Часть I). Ст. 4054.
4. Анализ судебной и апелляционной практики рассмотрения материалов об условно-досрочном освобождении осужденных к лишению свободы за 2013 год и первое полугодие 2014 года. URL : <http://nizhnekamsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=docum> (дата обращения : 08.09.2016 г.).
5. По делу о проверке конституционности части второй¹ статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области : постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 №5-П // Собр. законодательства РФ. 2014. №13. Ст. 1526.
6. Собрание законодательства РФ. 2013. №52 (часть I), ст. 6997.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №7.
8. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014). URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162448> (дата обращения : 10.07.2016 г.).
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №7.

УДК 434.13

Р.Р. Хасанов

**О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

**ON THE PROBLEM OF DETERMINING THE TERRITORIAL
SUSPECTS IN CRIMINAL CASES INVOLVING THEFT,
COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

В статье рассматриваются проблемы, возникающие на этапе рассмотрения сообщения о преступлении по делам о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предложения автора позволят исключить возникающие споры о территориальной подследственности материалов доследственной проверки и уголовных дел.

Ключевые слова: хищения, место окончания преступления, территориальная подследственность, информационные технологии, информационно общество.

The article discusses the problems arising during the examination of crimes committed by using information and communication technologies. The author's suggestions will help to eliminate disputes about territorial jurisdiction of the pre-investigation materials and criminal cases.

Key words: theft, the place of the end of the crime, territorial jurisdiction, information technology, information society.

Высокий уровень развития информационных технологий во многом облегчает нашу жизнь. Эти технологии стали неотъемлемой составляющей жизни многих граждан. С конца XX в. Россия вступила в информационное сообщество [1, С. 7], главной целью которого считается предоставление гражданам возможности создания инструмента эффективного решения своих задач новыми способами [2, С. 156]. Данные процессы в российском обществе требуют адекватной защиты от преступных посягательств.

Российские граждане ежедневно используют расчеты, производимые в безналичной форме, с использованием «электронных» денег. К «электронным» денежным средствам целесообразно относить денежные средства, которые находятся на виртуальных банковских картах, электронных счетах (кошельках), абонентских номерах сотовых телефонов и т.д. Эти денежные средства нематериальны, они существуют в виртуальном пространстве. Динамика роста использования электронных денежных средств колоссальная. Только в 2013 году количество транзакций на рынке электронных денег составило 0,55 млрд [3, С. 89].

Данные процессы сопровождаются различными преступными проявлениями, в том числе хищениями. Если в 90-х годах прошлого столетия, в основном, все имущественные преступления совершались в контакте с потерпевшим, то с появлением высоких информационных технологий преступники все чаще совершают хищения, не используя визуальный контакт с потерпевшим, находясь на значительном удалении от потенциальной жертвы.

В литературе подчеркивается, что значительную часть преступлений, совершаемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, составляют различные формы мошеннических действий [4, С. 123].

В настоящей статье нас, прежде всего, будут интересовать проблемы определения территориальной подследственности по делам о хищениях, совершенных с использованием высоких технологий.

Быстрота развития информационных технологий требует динамичного совершенствования законодательства [1, С. 9]. Однако уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не всегда соответствуют требованиям времени, вследствие

Хасанов Рамиль Ринатович, начальник следственного отдела ОП №9 «Сафиуллина» УМВД по г. Казани, e-mail: pravo.za@mail.ru

© Хасанов Р.Р., 2017

Статья получена: 22.04.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

чего возникают процессуальные споры о подследственности на этапе возбуждения уголовного дела. Мы попытаемся обнаружить эти проблемы и предложить пути их решения.

Приведем из следственно-судебной практики пример хищения денежных средств, совершенного с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Потенциальной жертве звонят на сотовый телефон и сообщают, что она выиграла в лотерею, при этом для получения приза просят перевести определенную сумму денежных средств на электронный счет. Потерпевший, не осознавая противоправных действий злоумышленников, перечисляет денежные средства на указанный ими электронный счет. Фактически в данном примере ни жертва, ни злоумышленники в момент совершения преступления самих денег не видели.

В момент совершения преступления преступник мог находиться за тысячи километров от потерпевшего, а виртуальный счет был открыт с помощью компьютера, установленного в ином месте. Открытый злоумышленником виртуальный счет привязан к серверу, имеющему иную географическую привязку, нежели место нахождения оборудования, с которого открыт электронный счет.

В дальнейшем злоумышленник, имея доступ к электронному счету, мог использовать электронные деньги любыми возможными способами, одним из которых является оплата покупок, оплата услуг, транзакция на другие счета, как электронные, так и банковские и т.д. Способов очень много.

В данном случае возникает вопрос о том, где преступление окончено. Мы можем предположить несколько вариантов: 1) по месту нахождения потерпевшего; 2) по месту нахождения преступника; 3) по месту нахождения отдела полиции, куда обратится потерпевший; 4) по месту нахождения оборудования, с которого преступник имеет доступ к электронному счету; 5) по месту регистрации электронного счета; 6) по месту, где были обналичены похищенные денежные средства.

Собственная следственная практика показывает, что установить место, где преступники обналичивают похищенные средства, очень трудно.

Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Положение ст. 152 УПК предельно ясное и однозначное, но в сложившейся ситуации определить это место проблематично. Очевидно, что с учетом развития уровня информационных и телекоммуникационных технологий положения УПК не могут дать на этот вопрос четкого ответа.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной

практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5, С. 6-8] разъясняется, что с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

В разъяснениях Пленума верно отмечается, что преступление окончено не там, где лицо обналичило денежные средства, а там, где был открыт банковский счет.

К сожалению, применительно к нашему исследованию разъяснения Пленума относятся лишь частично. В постановлении Пленума № 51 от 27 декабря 2007 г. идет речь о банковских счетах, и им не охватываются случаи перечисления денежных средств на счета мобильных телефонов, на виртуальные (электронные) счета и т.д.

В данном случае применение положений постановления Пленума по аналогии в нашем случае невозможно, поскольку счета мобильных номеров, виртуальных кошельков не имеют географической привязки. В отличие от указанных счетов, банковский счет жестко привязан к определенному банку, имеющему юридический и фактический адрес.

В следственной практике ОВД Республики Татарстан сотрудники правоохранительных органов придерживаются указанного пункта постановления Пленума и принимают процессуальные решения по месту нахождения банка, а именно: где открыт счет и куда поступили похищенные денежные средства.

Однако в практике остаются случаи, когда следователи (дознаватели) продолжают с учетом личной выгоды считать, что преступление окончено там, где злоумышленник снял денежные средства. Зачастую речь идет о местах нахождения банкоматов. По нашему мнению, подобную практику следует пресекать средствами ведомственного контроля и прокурорского надзора.

При этом следует оговориться о случаях, когда происходит хищение самой банковской карты. В этом случае преступление окончено по месту, где преступник обналичил денежные средства либо совершил покупку.

В следственной практике возникают проблемные вопросы определения территориальной под-

следственности, когда в материалах проверки имеются данные об открытии банковского счета в другом государстве. Постановление Пленума № 51 от 27 декабря 2007 г. на данный вопрос ответа не дает.

В литературе местом окончания хищений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, предлагается считать место нахождения оборудования (компьютерной техники, средств мобильной связи), с которого преступник осуществляет администрирование виртуального счета электронной платежной системы (открытие виртуального счета, переводы виртуальных денег и т.д.) [4, С. 125]. В обосновании своей научной позиции авторы справедливо ссылаются на то, что преступник в этом месте получает реальную возможность распоряжения или фактически распоряжается похищенными денежными средствами. Соглашаясь с авторами, укажем, что средства мобильной связи, а также оборудование, с которого преступник осуществляет администрирование виртуального счета, может находиться где угодно. Мобильные устройства и переносные компьютеры имеют постоянный доступ в сеть Интернет в любом кон-

це земного шара. В данном случае устанавливать конкретное место нахождения оборудования с возможностью администрирования виртуального счета на этапе проверки сообщения о преступлении нецелесообразно. Предложение авторов будет справедливо, когда идет речь о стационарном компьютерном оборудовании, но такое в следственной практике встречается не всегда.

Таким образом, с учетом складывающейся следственно-судебной практики, возможностей районных (межрайонных) следственных подразделений целесообразно определить альтернативный вариант решения этой проблемы. Местом окончания подобного вида хищений может быть место перечисления денежных средств, а в случаях невозможности его установления - место обращения потерпевшего в правоохранительные органы либо место выявления преступления. Считаем необходимым на законодательном уровне либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации уточнить место окончания хищений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.
2. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 438 с.
3. Ионов В.А., Осокин В.К. Некоторые вопросы обращения электронных денежных средств в России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №3 (27). С. 88-92.
4. Лепетова М.В., Климов Д.В. Особенности возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования хищений электронных денежных средств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №3 (27). С. 123-126.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2.

УДК 343

А.В. Лепихин

**ПОНЯТИЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУБЪЕКТОВ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ
И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 172 УК РФ**

**BANKING ACTIVITY IN ACCORDANCE WITH THE SUBJECTS
OF BANKING SYSTEM AND ITS IMPORTANCE
FOR THE ESTABLISHMENT OF THE OBJECTIVE EVIDENCE
OF CRIME DUE TO THE ART. 172 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проанализированы нормы законодательства Российской Федерации в сфере банковской деятельности, выявлены недостатки нормативно-правовой системы России в данной сфере, а также представлено авторское определение термина «банковская деятельность».

Ключевые слова: банковская деятельность, банковская система, субъекты банковской системы, Банк России, Внешэкономбанк, кредитные организации, представительства иностранных банков, лицензия на осуществление банковских операций.

The article is devoted to the analysis of the legislative norms and shortcomings of Russian legal system in the field of banking activities. The author's definition of the concept "the banking activities" is also given.

Key words: the banking activity, the banking system, the subjects of the banking system, the Bank of Russia, Development bank, credit institutions, representative offices of foreign banks, license to conduct banking operations.

Основным средством противодействия преступлениям в банковской сфере в российском законодательстве является уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность, предусмотренная ст. 172 УК РФ. В 2010 г. по данной уголовно-правовой норме зарегистрировано 140 преступлений, в 2011 г. - 192, в 2012 г. - 229, в 2013 г. - 251, в 2014 г. - 213, в 2015 г. - 250 [1]. Анализируя указанную динамику, можно сделать вывод о том, что норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконную банковскую деятельность, используется крайне неэффективно. Причиной тому, по нашему мнению, является то обстоятельство, что, формулируя содержание рассматриваемой нормы, законодатель не смог отказаться от бланкетной диспозиции и до настоящего времени не определил понятие «банковская деятельность». Данное обстоятельство, по нашему мнению, является одной из основных причин возникновения проблем с применением в практической деятельности правоохранительных органов нормы ст. 172 УК РФ.

Термин «банковская деятельность» относится к

числу межотраслевых и довольно часто употребляется в текстах различных нормативных актов, что связано с комплексным характером банковского законодательства. Существует множество нормативных источников, касающихся банковской деятельности и не относящихся напрямую к уголовному праву, однако необходимых в некоторых случаях для квалификации данного вида преступлений. И дело даже не в огромном их количестве, сложность состоит в том, что все указанные нормативные акты не всегда согласованы даже между собой, не говоря уже об их соответствии уголовному законодательству.

Итак, с целью определения понятия «банковская деятельность» для начала необходимо разобраться, в чем же оно заключается и какие субъекты банковской системы ее реализуют.

Проанализировав российское банковское законодательство, мы пришли к выводу, что банковская деятельность предполагает осуществление учреждениями, наделенными соответствующим правом (Банк России, Внешэкономбанк и кредитные организации), банковских операций и банковских

Лепихин Александр Владимирович, адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: fantasymen@mail.ru

© Лепихин А.В., 2017

Статья получена: 08.12.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

сделок, перечень которых носит исчерпывающий характер. При этом Банк России, действуя на основании ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», осуществляет указанную деятельность для выполнения своих функций с целью защиты и обеспечения устойчивости рубля, развития и укрепления банковской системы РФ, обеспечения стабильности и развития отечественной национальной платежной системы и финансового рынка России. Деятельность Банка России не преследует цель получать прибыль. Внешэкономбанк осуществляет деятельность для реализации своих функций на основании ФЗ «О банке развития» с целью повышения конкурентоспособности отечественной экономики, ее диверсификации, стимулирования инвестиционной деятельности, внешнеэкономической, страховой, консультационной и иной по реализации проектов в РФ и за рубежом, в том числе с участием иностранного капитала, направленных на развитие инфраструктуры, инноваций, особых экономических зон, защиту окружающей среды, на поддержку экспорта российских товаров, работ и услуг, а также на поддержку малого и среднего предпринимательства, при этом для осуществления своей деятельности Внешэкономбанку не требуется лицензия Банка России. Законодатель отмечает, что Внешэкономбанк вправе осуществлять коммерческую деятельность и получать с нее прибыль, которая используется для достижения указанных целей. Кредитные организации осуществляют банковскую деятельность на основании ФЗ «О банках и банковской деятельности», при этом условием осуществления таковой деятельности организациями будет являться особый порядок регистрации их в качестве кредитных, а основанием - лицензия на проведение банковских операций, выдаваемая Банком России. Законодатель отмечает, что банковская деятельность осуществляется кредитными организациями с целью извлечения прибыли [2]. На процедуру лицензирования банковской деятельности не распространяются общие правила лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности [3].

Следует согласиться с мнением Я.А. Гейвандова, который считает, что банковская деятельность и банковская система взаимообусловлены, при этом отмечает, что, оценивая содержание банковской деятельности, необходимо учитывать институциональные и организационно-правовые особенности банковской системы [4, С. 175]. Также мы поддерживаем точку зрения О.М. Олейника, который подчеркивает взаимосвязь банковской системы и банковской деятельности и предполагает определение последней через особенности состава субъектов банковской системы [5, С. 21].

Заключая, что осуществление банковской деятельности возможно только в рамках банковской системы и только теми субъектами, которые законодательно включены в банковскую систему России, мы считаем, что для правильного определения термина «банковская деятельность», которое бы полностью отражало его суть, необходимо определить субъектный состав ее осуществления, то есть субъектный состав банковской системы.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О банках и банковской деятельности», «банковская система Российской Федерации включает в себя Банк России, кредитные организации, а также представительства иностранных банков...».

В финансовом словаре термин «банковская система» определяется как совокупность разнообразных видов взаимосвязанных банков и других кредитных учреждений, действующих в рамках единого финансового механизма [6, С. 40].

Соглашаясь с позицией А.В. Журавлева, который, рассматривая особенности банковской системы, отмечает, что в систему могут быть включены только те элементы, в деятельности которых воплощается ее свойство [7, С. 15], мы приходим к выводу, что банковская система может состоять только из тех субъектов, которые и осуществляют непосредственно банковскую деятельность.

По нашему мнению, законодатель не отражает особенный отличный от Банка России и кредитных организаций характер осуществления банковской деятельности Внешэкономбанком и не включает его в отдельный уровень банковской системы.

Ю.И. Плехута-Плакутина предлагает выделить «средний уровень» банковской системы РФ, к которому относит Внешэкономбанк, обосновывая это тем, что данное учреждение отличается от кредитных организаций более высоким уровнем саморегуляции и статусом, что не позволяет соотносить их по одному уровню, но и не позволяет поставить его в один ряд с Центральным банком России [8, С. 44-49]. Этой же позиции придерживается в своей работе А.Г. Пшеничников, поясняя, что Внешэкономбанк обладает определенной независимостью от Банка России, которая не позволяет ставить его в один уровень с кредитными организациями. Автор предлагает выделить Внешэкономбанк в качестве отдельного субъекта банковской системы России, определяя его в третий уровень [9, С. 44].

Мы поддерживаем позицию данных ученых, но, по нашему мнению, для более объективного определения субъектного состава банковской системы РФ, который бы действительно соответствовал реалиям настоящего времени, выделение Внешэкономбанка в качестве отдельного субъекта банковской системы будет недостаточно.

В экономическом словаре под представительством банка понимается банковское учреждение в иностранном государстве, не производящее конкретных финансовых операций, аккредитуемое с целью изучения возможного рынка и защиты интересов своей материнской компании и ее клиентуры [10, С. 821].

В соответствии со ст. 22 ФЗ «О банках и банковской деятельности» представительством кредитной организации является ее обособленное подразделение, расположенное вне места нахождения кредитной организации, представляющее ее интересы и осуществляющее их защиту, при этом оно не вправе осуществлять банковские операции, а соответственно, и коммерческие сделки. Законодатель в данном правовом положении не разделяет представительства на иностранные и отечественные, следовательно, оно распространяется как на иностранные, так и на отечественные представительства.

Каждое открываемое на территории нашей страны представительство иностранного банка подлежит аккредитации и в дальнейшем осуществляет свою деятельность под контролем Банка России [11]. Кроме того, представительства иностранных кредитных организаций не являются юридическими лицами, в нашем государстве ведут свою деятельность на основании положений, утверждаемых создавшей их кредитной организацией. Само по себе представительство, помимо того, что не может осуществлять банковские операции и сделки, еще и не вправе заниматься коммерческой деятельностью, а соответственно, не может получать прибыль от своей деятельности. Непосредственной целью существования данного вида организаций в нашей стране является исследование финансово-экономической обстановки и положения в российском банковском секторе, чтобы в последующем оказывать консультационные услуги своим клиентам, а также для укрепления и расширения контактов с нашими кредитными организациями и развития международного сотрудничества в банковском секторе.

Проанализировав указанные обстоятельства, мы установили, что поскольку представительства иностранных банков в нашей стране не могут проводить банковские операции и сделки, в которых, по нашему мнению, непосредственно и заключается суть банковской деятельности, то они и не осуществляют ее, следовательно, не могут входить в банковскую систему РФ. По нашему мнению, такие субъекты, как представительства иностранных банков, необходимо исключить из состава банковской системы России и в конечном варианте предложить такой ее состав: Банк России, Внешэкономбанк и кредитные организации, закрепив это на законодательном уровне [12, С. 155-159].

Определив состав банковской системы России, которой, по нашему мнению, является наиболее актуальным в настоящее время, перейдем к определению термина «банковская деятельность». Существует множество авторских определений указанного термина, однако при этом отсутствует единообразие критериев в определении данного понятия.

В юридическом словаре термин «банковская деятельность» трактуется, как все виды деятельности (операций), осуществление которых в соответствии с прямыми императивными предписаниями федерального законодательства и нормативными актами Центрального банка РФ возможно после регистрации кредитной организации и получения разрешения (лицензии) Центрального банка РФ [13, С. 114].

Некоторые авторы, например А.Б. Борисов, дают определение «банковской деятельности» [14, С. 50], выводя его из диспозиции правовой нормы УК РФ, предусматривающей наказание за указанную деятельность. На наш взгляд, такой подход к определению указанного термина ограничивает предмет и сферу правового регулирования банковской деятельности, соответственно, является не совсем верным.

Е.В. Черникова рассматривает «банковскую деятельность» в качестве финансово – экономической деятельности, которую составляют совокупность действий и процедур, осуществляемых кредитными организациями при проведении банковских операций и сделок, а также регулирующих, контрольных и надзорных функций Банка России, основанием которой являются сочетание целей обеспечения публичных интересов и получения коммерческой прибыли [15, С. 14, 26]. Мы вынуждены не согласиться с данным определением, так как банковское регулирование и банковский надзор являются государственным управлением и контролем в сфере банковской деятельности, в связи с чем затруднительно отнесение данных действий к банковской деятельности. Кроме того, в соответствии с действующим законодательством, наряду с кредитными организациями, Банк России и Внешэкономбанк также осуществляют банковскую деятельность.

По мнению Ю.В. Кучеры, «банковская деятельность» представляет собой коммерческую деятельность банковских учреждений, осуществляемую путем систематического проведения банковских операций на основании лицензии Банка России, полученной после регистрации и в соответствии с действующим законодательством, с целью получения прибыли [16, С. 37]. С точки зрения К.Т. Трофимова, «банковская деятельность» понимается как коммерческая деятельность кредитных организаций на финансовом рынке и связанных с ним услуг по выполнению роли посредника в кре-

дите, платежах и обращении капитала, осуществляемая на основании закона или лицензии [17, С. 90]. Данные исследователи не учли и не отразили в своих определениях факт возможности осуществления банковской деятельности не только банковскими и кредитными организациями, но иными предложенными субъектами банковской системы.

О.М. Олейник считает, что банковская деятельность есть совершаемая участниками банковской системы совокупность действий по поводу денег, ценных бумаг и валютных ценностей как средств платежа, сбережения и как товара [7, С. 21]. В данном определении не обозначен круг субъектов банковской деятельности, кроме того, не отражена основная специфическая черта ведения банковской деятельности для кредитных организаций – ее лицензирование Банком России. Таким образом, исходя из толкования, данное определение допускает осуществление банковской деятельности любыми лицами, даже не имеющими лицензию.

С точки зрения С.А. Маркунцева, банковская деятельность является видом предпринимательской деятельности, суть которой состоит в осуществлении кредитными организациями или Банком России совокупности банковских операций и сделок [18, С. 21]. Данный автор также не отразил в своем определении полный, по нашему мнению, субъектный состав банковской системы и обязательное условие осуществления банковской деятельности отдельными субъектами – лицензирование.

А.Г. Братко представляет «банковскую деятельность» как банковские операции и коммерческие сделки, а также иные действия кредитной организации, непосредственно направленные на повышение эффективности и надежности банковских услуг [19, С. 37]. По нашему мнению, данная формулировка «банковской деятельности» не совсем состоятельна, ввиду того что автор неверно отражает цель и смысл банковской деятельности, кроме того, как и многие вышеперечисленные, не отражает в своем определении полный состав субъектов банковской системы, имеющий право осуществлять банковскую деятельность.

Г.А. Тосунян предполагает, что банковская деятельность представляет собой направленную на систематическое осуществление банковских операций предпринимательскую деятельность кредитных организаций и деятельность Банка России (его учреждений), на основании: для Банка России и его учреждений — ФЗ «О Банке России»; для кредитных организаций — специального разрешения (лицензии) Банка России, полученного ими после государственной регистрации в соответствии с российским законодательством» [20, С. 227]. Данное определение довольно полно, по нашему

мнению, описывает содержание банковской деятельности, но автор не отразил в нем возможность осуществления кредитными организациями коммерческих сделок, указанных ст. 5 ФЗ «О Банках и банковской деятельности» и осуществление соответствующей деятельности Внешэкономбанком.

По мнению А.Ж. Саркисяна, под банковской деятельностью понимается осуществление банковских операций кредитными организациями, имеющими регистрацию в Банке России в соответствии российским законодательством и получившими соответствующее разрешение (лицензию) на определенную банковскую операцию от Центрального банка РФ [21, С. 87]. Мы считаем это определение достаточно спорным, так как автор не отражает основную цель указанной деятельности для кредитных организаций – извлечение предпринимательской прибыли и не раскрывает весь круг субъектов осуществления банковской деятельности.

С точки зрения Е.В. Мильчехиной, под банковской деятельностью следует понимать осуществление кредитной организацией банковских операций на основании лицензии Банка России и коммерческих сделок, указанных в ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», в целях извлечения прибыли [22, С. 132]. С данным определением мы также не можем согласиться полностью в виду отсутствия в нем упоминания об осуществлении банковских операций и сделок Внешэкономбанком и Центральным банком РФ, то есть о ведении ими банковской деятельности. Кроме того, учитывая довольно динамичный темп модернизации законодательства в нашей стране, тем более в экономической сфере, ссылаться в определении на конкретную норму законодательного акта нам видится не совсем дальновидным, так как в случае отмены указанного нормативно-правового акта или внесения в него изменений определение может просто потерять свою актуальность.

По нашему мнению, определение банковской деятельности, в первую очередь, должно содержать круг субъектов, которые ее осуществляют, то есть Банк России, Внешэкономбанк, кредитные организации. Также в определении должно быть отмечено, что указанные субъекты осуществляют банковскую деятельность на основании и в соответствии с российским законодательством, а кредитные организации к тому же еще на основании лицензии, выдаваемой Банком России. Финальной смысловой частью указанного определения должны являться цели осуществления банковской деятельности субъектами банковской системы.

Таким образом, банковская деятельность представляет собой осуществление субъектами банковской системы банковских операций и коммерче-

ских сделок для Банка России и Внешэкономбанка на основании федерального законодательства с целью реализации своих функций и с целью извлечения прибыли на основании лицензии Банка России

и в соответствии с законодательством РФ для кредитных организаций. При этом под субъектами банковской системы РФ следует понимать Банк России, Внешэкономбанк и кредитные организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФКУ «ГИАЦ МВД РФ». Преступность и правонарушения 2016. Статистический сборник. Справочное издание. М., 2016.
2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. N 395-I: ред. от 29.12.2015 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. N 27. Ст. 357.
3. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ ред. от 10.01.2016 // Собрание законодательства РФ. 2011. N 19. Ст. 2716.
4. Гейвандов Я.А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации. М. : Аванта+. 2003.
5. Олейник О.М. Основы банковского права: курс лекций. М. : Юристъ, 1997.
6. Благодатин А.А., Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А. Финансовый словарь. М. : ИНФРА-М. 2009. VI .
7. Журавлев А.В. Центральный банк Российской Федерации: проблемы развития и укрепления банковской системы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
8. Плохута-Плакутина Ю.И. «Мезоуровень» банковской системы России : понятие, признаки и субъектный состав // Юридический мир. 2008. № 5.
9. Пшеничников А.Г. Финансово-правовые аспекты государственной политики в сфере банковской деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
10. Азрилиян А., Азрилиян Е., Калашникова Е., Квардакова О. Большой экономический словарь. М. : Институт новой экономики. 2010. VII .
11. О порядке аккредитации Банком России представительства иностранной кредитной организации, аккредитации иностранных граждан, которые будут осуществлять трудовую деятельность в представительстве иностранной кредитной организации, и осуществления контроля за деятельностью представительства иностранной кредитной организации : положение Банка России от 22 апреля 2015 г. N67-П // Вестник Банка России. 2015. N 78.
12. Лепихин А.В. Круг субъектов банковской системы Российской Федерации, соответствующий реалиям настоящего времени // Современная наука : Актуальные проблемы теории и практики (серия «Экономика и право»). 2016. № 5.
13. Сухарев А.Я., Волосов М.Е., Додонов В.Н., Капинус Н.И. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2007.
14. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М. : Книжный мир, 2009.
15. Черникова Е.В. Публично-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2009.
16. Кучера Ю.В. Административно-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Омск, 2000.
17. Трофимов К.Т. Проблемы правоспособности банка // Хозяйство и право. 2005. № 4.
18. Маркунцев С.А. О необходимости законодательного закрепления понятия «банковская деятельность» // Российская юстиция. 2006. N 4. С. 37.
19. Братко А.Г. Банковское право : Теория и практика : учеб. пособие. М. : Приор, 2000.
20. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации : Общая часть : учебник / под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М., 1999.
21. Саркисян А.Ж. Незаконная банковская деятельность : уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
22. Мильчихина Е.В. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

УДК 343.1

А.Ю. Зотов

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ЕГО ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ

PROCEDURAL INDEPENDENCE OF AN INVESTIGATOR AS HIS LEGAL STATUS

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы понятия процессуальной самостоятельности следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Приводится авторское определение понятия «процессуальная самостоятельность следователя». Обосновывается позиция автора о том, что процессуальная самостоятельность следователя должна рассматриваться через категорию «правовое состояние».

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность следователя, правовое состояние.

The given article is about some aspects of the procedural independence of an investigator as a participant of criminal proceedings. The author gives his own definition of the concept “the procedural independence of an investigator”. The author’s provision under which the procedural independence of an investigator should be considered through the category of “legal status” is justified in the present article.

Key words: the investigator, the procedural independence of an investigator, legal status.

Вопрос определения понятия «процессуальная самостоятельность следователя» на протяжении длительного времени остается одним самых широко обсуждаемых в науке российского уголовного процесса. Реализуя свои процессуальные полномочия, следователь именно с учетом собственной процессуальной независимости и реализует свое назначение в уголовном судопроизводстве.

Нанашвзгляд, в современных условиях вопросы, связанные с определением понятия процессуальной самостоятельности следователя, являются остроактуальными, требующими комплексного исследования.

В юридической литературе существует множество мнений относительно определения понятия «процессуальная самостоятельность следователя».

Одни авторы считают, что она заключается в самостоятельном принятии процессуальных решений, независимости при направлении хода расследования, однако отмечают, что такая самостоятельность ограничивается различными субъектами уголовного судопроизводства. Так, С.Н. Хорьяков под процессуальной самостоятельностью следователя понимает совокупность полномочий следователя по выдвижению и проверке версий по совершенному преступлению, определению приоритетных направлений своей деятельности, планированию предварительного следствия, установлению даты и времени производства отдельных следственных действий, состава участ-

ников, а также принятию в установленном законом порядке мер процессуального принуждения [1, С. 23]. Таким образом, определяемая категория дается через перечисление полномочий следователя, что нам представляется не совсем удачным.

По мнению А.Р. Вартанова, процессуальная самостоятельность следователя – это самостоятельность при принятии процессуальных решений и при производстве процессуальных действий. Данная самостоятельность ограничивается в тех случаях, когда для производства каких-либо действий необходимо судебное решение [2, С. 22]. Приведенная дефиниция содержит так называемый «порочный круг» - определение понятия через само понятие, что считается недопустимым в логике.

Не можем согласиться и с мнением Бегиева Х.Б., который рассматривает процессуальную самостоятельность следователя лишь как совокупность его прав по осуществлению процессуальных полномочий в соответствии с принципами уголовного судопроизводства [3, С. 146]. На наш взгляд, эта дефиниция не раскрывает специфики данного понятия, потому что таким же образом можно определить и совокупность прав других участников судопроизводства, осуществляющих полномочия в процессе, - даже лиц, о процессуальной самостоятельности которых не принято говорить в науке уголовно-процессуального права (например, свой круг полномочий имеет защитник - ст. 53 УПК РФ).

Зотов Алексей Юрьевич, адъюнкт Волгоградской академии МВД России

e-mail: b-a-baracus@mail.ru

© Зотов А.Ю., 2017

Статья получена: 09.04.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

Согласно позиции других авторов, основой процессуальной самостоятельности следователя является наличие у следователя возможности отстаивания своего решения. Данного мнения придерживаются А.П. Гуляев и А.А. Мухиддинов. Определяя понятие «процессуальная самостоятельность следователя», основным компонентом они считают возможность отстаивать собственное решение, принятое на основании действующего закона и внутреннего убеждения. Один из элементов процессуальной самостоятельности следователя - это его право на обжалование указаний руководителя следственного органа, в случае если следователь не согласен с ними [4, С. 192; 5, С. 41-44]. Полагаем, что указание только основных элементов процессуальной самостоятельности следователя не дает полного представления о правовой природе этой категории.

В.М. Быков считает, что необходимо законодательное закрепление возможности следователя отстаивать перед вышестоящим руководителем следственного органа свою обоснованную позицию по уголовному делу [6, С. 50]. Кроме того, понятие процессуальной самостоятельности следователя, по мнению П.Г. Марфицина, включает в себя, в частности, возможность на базе внутреннего убеждения оценивать доказательства и принимать решения по основополагающим вопросам предварительного следствия [7, С. 66-70].

Однако считаем необходимым отметить, что в юридической литературе можно встретить и более категоричные позиции. Например, по мнению В.Ю. Рытьковой, процессуальная самостоятельность следователя – это, в первую очередь, неумолимость того мнения, к которому пришел следователь, осуществляя предварительное следствие по уголовному делу. Никто не может умалять мнение следователя [8, С. 197].

Такая самостоятельность следователя, на наш взгляд, только в том случае будет отвечать назначению уголовного судопроизводства, если наш уголовно-процессуальный закон и следователи будут идеальными, совершенными. В противном же случае наделение их такой «безграничной» самостоятельностью опасно, так как это создаст благоприятную почву для произвола и повлечет многочисленные нарушения УПК РФ и прав участников судопроизводства.

Существует и диаметрально противоположная точка зрения на данную проблему: по мнению В.Н. Калинкина, В.Н. Григорьева и А.В. Победкина такое должностное лицо, как следователь, совсем не может обладать процессуальной самостоятельностью. Они считают, что это обусловлено постоянным ведомственным контролем со сторо-

ны руководителя следственного органа и прокурорским надзором за деятельностью следователя.

Однако представляется, что процессуальная самостоятельность следователя – это не полная свобода действий и безнаказанность, а лишь предусмотренная законом возможность отстаивать свое мнение по ключевым вопросам уголовного дела в случае возникновения противоречий с иными властными субъектами, наделенными контрольными и надзорными функциями в уголовном судопроизводстве. К сожалению, при разнообразии авторских толкований понятия «процессуальная самостоятельность следователя» законодатель ограничивается лишь одним упоминанием о самостоятельности следователя в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, не определяя и не раскрывая данное понятие. Неоспоримым, на наш взгляд, остаётся тот факт, что чем точнее законодатель закрепляет в нормативных актах понятия, тем легче применяются, используются, соблюдаются и исполняются содержащиеся в них предписания. Немаловажным аспектом эффективности нормативных правовых актов является точность и ясность понятий, используемых в нём. По большому счету, от «качества» понятий зависит и качество правоприменительной практики. Недостаточная четкость и ясность понятий, расплывчатость содержания закона неизбежно отрицательно скажутся на его толковании правоприменителем и реализации на практике.

Полагаем также, что при рассмотрении понятия «процессуальная самостоятельность следователя» констатировать, что она (самостоятельность) является основой его правового статуса, явно недостаточно. Подобный подход не раскрывает сути этого явления.

По мнению С.С. Алексеева, правовой статус – правовое положение субъекта, которое отражает его «фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [9, С. 49]. Однако современные исследователи не считают категории правового статуса и правового положения синонимичными. Так, по мнению В.В. Груздева, категория «правовое положение» выступает как общее; а правовой статус и правовое состояние - как его части [10, С. 13]. Таким образом, в правовом положении можно выделить важную компоненту, которая отражает **правовое состояние** субъекта правоотношений и под которой понимается совокупность юридически значимых свойств человека, обуславливающих возникновение или изменение правовой ситуации в определённый момент времени [10, С. 14].

В.В. Груздев очень тонко подметил особенность правового состояния - юридически релевантные свойства субъекта оказывают воздей-

ствие не только на правовое действие как таковое, но и на его возможность. Благодаря им, обнаруживается потенциал (возможность) юридически значимых действий и создаются условия для квалификации правового поведения субъекта с точки зрения моделей отношений, регулируемых нормами конкретной отрасли права [10, С. 12]. Такой подход открывает широкие перспективы для использования универсальной категории «правовое состояние» для раскрытия сущности процессуальной самостоятельности следователя. Категория «правовое состояние» отражает процессы, которые происходят в правовой сфере. В юриспруденции правовое состояние отражает характеристику своего носителя, показывая при этом форму проявления его бытия [11, С. 24], пронизывая все стороны его правового существования, выраженного вовне в правовых отношениях.

В современной юридической литературе отсутствует единая концепция понятия «правовое состояние». В большинстве случаев правовое состояние нормативно установлено, то есть закреплено законодателем в нормативных правовых актах. К правовым, то есть юридически значимым состояниям, можно отнести любое состояние субъекта, при котором возникают, изменяются либо прекращаются правоотношения. К примеру, правовым состоянием могут стать:

1. Психическое состояние (недееспособность, невменяемость).

2. Физическое состояние (беременность, инвалидность).

3. Природное состояние (удовлетворительное либо неудовлетворительное состояние окружающей среды).

4. Экономическое состояние (банкротство, финансовое состояние) и другие состояния.

Кроме того, правовое состояние необходимо отличать от правового статуса. Несмотря на то, что и правовой статус, и правовое состояние являются структурными элементами правового положения субъекта, два этих понятия обладают рядом отличий:

1. Правовой статус представляет собой, в первую очередь, права и обязанности субъекта, а правовое состояние – свойства носителя этих прав и обязанностей (человека), которые и необходимо рассматривать как условия существования вышеуказанных прав и обязанностей.

2. Правовой статус напрямую зависит от воли законодателя, правовое состояние же – от его носителя. Воля законодателя может влиять на субъекта правового состояния лишь косвенно [10, С. 13].

В характеристике правового состояния принято выделять следующие признаки:

1. Правовое состояние нормативно установлено (закреплено в нормативных правовых актах, отражающих естественные свойства личности или устанавливающие нормативно значимые свойства данных субъектов).

2. Правовое состояние – разновидность социального состояния (с учетом общего положения о роли права как регулятора общественных отношений в социуме).

3. Носителями правового состояния являются субъекты правоотношений, в которых они могут проявлять свои юридически релевантные свойства для возникновения, развития и прекращения указанных отношений.

4. Правовое состояние – способ бытия субъектов правоотношений в пространстве и времени. При этом под пространством можно понимать конкретную территорию, на которую распространяется действие норм соответствующей отрасли права. Также условно «пространством» можно считать круг тех субъектов правоотношений, с которыми взаимодействует субъект права (для случая с процессуальной самостоятельностью следователя – это руководитель следственного органа, прокурор). Время в контексте определения правового состояния можно рассматривать как начало и окончание обладания особыми юридически значимыми свойствами субъекта права (статический аспект), а также конкретный отрезок времени (в нашем случае – процессуальных сроков), в течение которого субъект проявляет потенции, обозначенные наличием этих юридических свойств (динамический аспект).

Таким образом, можно констатировать, что правовое состояние есть закрепленная или установленная законом совокупность юридически значимых свойств субъекта (носителя прав и обязанностей), а также условий для их проявления в определенном пространстве и в определенный момент времени конкретным субъектом правоотношений с целью их возникновения, развития, изменения или прекращения.

Рассматривая процессуальную самостоятельность следователя как его правовое состояние, необходимо отметить следующее. Во-первых, самостоятельность следователя предусмотрена п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Бесспорно, законодатель четко не определил и не раскрыл данное понятие. Однако пусть краткое, но всё-таки установление в нормативных актах такого правового состояния, как процессуальная самостоятельность следователя, является, на наш взгляд, первым шагом к дальнейшему полному, четкому и ясному определению данного понятия.

Во-вторых, социальное состояние – это со-

стояние индивидуума как личности в обществе. Несомненно, следовательно, являясь должностным лицом, является, в первую очередь, личностью, обладающей юридическими знаниями, собственным опытом и основанным на нем внутренним убеждением, исходя из которого он строит свои взаимоотношения с иными властными и невластными субъектами судопроизводства.

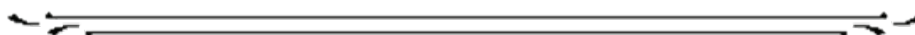
В-третьих, можно говорить о том, что на протяжении всего досудебного производства следователь пребывает в данном правовом состоянии, которое предопределяет специфический режим правоотношений с участием следователя.

В-четвертых, способ бытия субъектов правоотношений в пространстве и времени реализуется, на наш взгляд, посредством осуществления следователем полномочий, предусмотренных УПК РФ, благодаря которым возникают, развиваются, изменяются или прекращаются правоотношения.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что процессуальную самостоятельность следователя необходимо рассматривать не просто как основу его процессуального статуса или совокупность его прав, а как его **правовое состояние**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
2. Варганов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с.
3. Бегиев Х.Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 146 с.
4. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1981. 192 с.
5. Мухиддинов А.А. Уголовно-процессуальная самостоятельность следователя в свете требований нового УПК Республики Таджикистан // Российский следователь. 2012. № 4.
6. Быков В.М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4.
7. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : монография. Омск. 2002.
8. Рытькова В.Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 197 с.
9. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998.
10. Груздев В.В. Теория правового состояние личности : автореферат дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
11. Парфенов А.В. Правовое состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

А.А. Микерин

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX – НАЧ. XX ВВ.**

**POLITICAL HERITAGE OF THE BYZANTINE EMPIRE
IN THE RUSSIAN SOCIAL THOUGHT
OF THE 19-BEG. 20th CENTURIES**

В статье представлена эволюция отечественной общественной мысли XIX-нач. XX вв. по проблеме рецепции политической культуры Византии в истории России; выявляются и анализируются отдельные аспекты влияния византийского наследия на формирование специфики культурно-политического облика России.

Ключевые слова: византизм, византинизм, политическая культура, общественно-политическая мысль XIX в., специфика цивилизационного развития.

The author presents the evolution of the Russian social thought of the 19-beg. 20th centuries, on the problem of the reception of the political culture of the Byzantine Empire in the history of Russia; identifies and analyzes some aspects of the influence of the Byzantine heritage on shaping the specifics of cultural and political image of Russia.

Key words: Byzantinism, political culture, social and political thought of the 19th century, the specificity of civilization development.

Исследование специфики исторического пути России, попытки выявления её цивилизационного кода занимают значительное место в отечественной исследовательской проблематике XIX – начала XX в. По-разному объяснялась эта специфика. Исследователи-«западники» склонны унифицировать закономерности исторического процесса задержкой исторического развития и отсталостью от стран Запада. Их оппоненты настаивали на особом пути России, её самобытной исторической миссии. Интеллектуальное наследие тех и других представляет большую ценность. Отечественные сравнительно-исторические исследования в их совокупности позволяют избежать ограниченности и однобокости западно-европейской науки, впадающей в грех излишней унификации исторического процесса.

Славянофилы, как известно, скрупулёзно выявляя отличия России от Европы, были склонны идеализировать их, объясняя развитием абсолютной идеи, мирового духа. Набиравший популярность натурализм побудил Н.Я. Данилевского «рассортировать» человечество по культурно-историческим типам, подобно видовому делению животного мира. Российской цивилизации, чуждой и враждебной Европе, в такой концепции отводилась

роль центра притяжения всего славянского мира.

Особое место в отечественной общественной мысли XIX века занимает исследование влияния культурно-исторического наследия Византии на ход отечественной истории. И если сам факт того, что Россия является преемницей второго Рима, рецепировавшей его богословско-религиозные и политико-правовые традиции, был очевиден, то оценки византийского наследства давались диаметрально противоположные.

С резко негативной оценкой влияния Византии на культурно-историческое развитие России выступил П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах» [1]. В своих размышлениях автор исходит из собственных ощущений «пустоты» и «удивительной оторванности нашего социального бытия» от прогрессивного развития человечества. Россия оказалась замкнутой «в своём расколе» по причине обращения к «растленной Византии». В то время как европейские народы сообща вершили историческую работу, вырабатывая систему общечеловеческих ценностей, форм социального бытия, «мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы». Православное христианство византийского образца, по мысли Чаадаева, христианство искажённое, с

Микерин Андрей Александрович, кандидат политических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

e-mail: amik@list.ru

© Микерин А.А., 2017

Статья получена: 05.11.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

его фундаментальным догматизмом, освящающее деспотизм государственной власти, уничтожило пространство нравственно-интеллектуального поиска, стремление к установлению «совершенного строя». И, невзирая на то, «что в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии», Чаадаев видит историческое осуществление там «царства Божия» как начала бесконечного прогресса в его повсеместном водворении.

Известно, что «Философические письма» П.Я. Чаадаева имели определённый резонанс в общественном сознании. Соглашаясь с тем, что схизма разорвала культурно-историческое пространство европейского и русского миров, А.С. Пушкин возражает утверждению автора «писем» об искажении христианской идеи в русском православии. Напротив, пишет поэт, «нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство <...> никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве»[2]. Да, Россия долго оставалась чуждой Европе, не принимая участия «ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира» [3]. Но она вошла в Европу, «как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [3]. В отличие от П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкин подчёркивает динамизм исторического развития России, её значение во всемирной истории как части европейской цивилизации, несмотря на то что «Европа, в отношении России, всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» [3].

Полемика П.Я. Чаадаева и А.С. Пушкина отражает общее содержание дискуссий в первой половине XIX в. о византийском историческом наследии. Основное внимание фокусируется на его религиозном культурном аспекте, особой модели государственно-церковных отношений. В этом контексте выстроены, например, рассуждения А.С. Хомякова о прогрессивном значении рецепции греческого православия, поставившего Россию на более высокий по сравнению с Европой нравственно-религиозный культурный уровень. Противопоставляя православную соборность индивидуализму запада, мыслитель утверждает особый исторический путь России, её историческую миссию [4].

Вторая половина XIX в. и начало века XX в. отмечены формированием в отечественной общественно-политической мысли целостных концепций о наследии Византии как особом историческом пути России. Термины «византизм», «византинизм» активно утверждаются в публицистике, научных исследованиях, фиксируются в словарях [5].

В 1875 г. увидело свет произведение К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», в котором автор вводит понятие «византизма» в качестве комплексного философского термина. Мыслитель видит в византизме цивилизационный фундамент России, основными несущими которого являются «византийское православие», «родовое самодержавие» и «сельский поземельный мир». Оценивая культурно-историческое наследие Византии, К.Н. Леонтьев замечает разницу оказанного им влияния на историческое развитие Европы и России. Европа со времени Карла Великого порывает с Византией, в ней преобладают собственные романо-германские начала, которые к XV веку развиваются в самобытную цивилизационную модель Европы с её феодализмом, рыцарством, христианством. Византийское влияние в Европе XV века выражалось преимущественно «эллино-художественными и римско-юридическими сторонами своими». В России находит оно простоту и неподготовленность, а потому воспринято было общими чертами в первозданном виде. «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом», - утверждает мыслитель, уподобляя византизм той форме, деспотизм которой призван удерживать от распада и вырождения. Резко негативно оценивая либерализм и эгалитаризм современной ему Европы, Леонтьев предвидит грядущее её разложение и упадок: «Практику политического гражданского смешения Европа пережила; скоро, может быть, увидим, как она перенесет попытки экономического, умственного (воспитательного) и полового, окончательно, упростибельного смешения»[6]. В условиях грядущего европейского апокалипсиса России необходимо хранить верность византизму, дабы сохранить свою культурную самобытность, а, возможно, ещё и «помочь самому этому Западу, чтобы спасти и в нем то, что достойно спасения, то именно, что сделало его величие, Церковь какую бы то ни было, государство, остатки поэзии, быть может... и самую науку!.. (Не тенденциозную, а суровую, печальную)».

Схожие взгляды на византизм как основу российской государственности, выражал другой представитель национального консерватизма - Ф.И. Тютчев. Российская империя представляется мыслителем не просто как носительница византийских традиций, но как полноправное продолжение, новое воплощение Восточной Римской Империи. Идея православного царства воплощается в России в сильном централизо-

ванном государстве, обеспечивающем интересы различных слоёв общества. Этим задаётся вектор дальнейшего развития русского самодержавия, соответствующего национальному менталитету и религиозной традиции. Ф.И. Тютчев справедливо обращает внимание на то, что Россия политически объединяет различные этносы, народы в соответствии с византийским принципом универсализма в отличие от Европы, идущей по пути создания национальных государств [4].

Весьма своеобразной и интересной представляется трактовка византизма русского религиозного мыслителя В.С. Соловьёва, в работах которого значительное внимание уделяется соотношению идеологии, исповедуемой государством, и её отражению в социальной реальности. Политическая история любого государства представляется мыслителем как акт продолжающегося совершенствования человеческого общежития в соответствии с высшей идеей вселенского христианства. «Политика христианского государства, очевидно, должна быть христианскою политикой», - замечает философ [8]. Реализация идеи «богочеловеческой религии» воплощается в царстве, состоящем из «свободных человеческих лиц». Развитие этого начала, составляющее суть европейской истории, оказывается совершенно чуждым «византийскому миросозерцанию». Причиной падения Византии выступает нежелание совершенствоваться, «истинная идея», составляя предмет умственного и обрядового почитания, не являлась «движущим началом жизни», «не ставилось никакой высшей задачи для жизни общества и для государственной деятельности». Собственно «византизм» для Вл. Соловьёва и составляет образ государства, принимающего «христианское царство до уровня языческой самодовлеющей государственности».

Проявление византизма в русской истории Вл. Соловьёв связывает с формированием централизованного московского государства. Киевская Русь, правители которой ясно понимали, что истинная вера обязывает выстраивать общежитие в духе истины, обнаруживала явное преимущество своего религиозно-политического сознания в сравнении с Византией. В дальнейшем история выдвинула на первый план задачу обеспечения существования «национального тела» созданием сильного государства. В отличие от Европы, где государство воплощало идею «равновесия самостоятельных и равносильных элементов», у нас оно олицетворяло идею господства и единовластия. Вл. Соловьёв обращает внимание, что даже там, где единовластие не оформилось фактически, образ полновластного монарха эксплуатировался номинально - господин Великий Новгород.

Оформившаяся в единое политическое тело Московская Русь устами Ивана IV провозглашает идею православного царства: «Земля правится Божиим милосердием и Пречистая Богородица милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами, и еже ипаты и стратиги...». Но сам же государь Иван IV всем правлением своим продемонстрировал, что «истина не обязывает», повторив тем самым противоречие, погубившее Византию. России удалось преодолеть последовавшую за царём Иваном смуту начала XVII в., отказавшись от самодовольного квиентизма, церковного клерикализма, встав на путь развития и совершенствования. Вл. Соловьёв высоко оценивает историческую миссию Петра Великого – поворот России на путь истинного прогресса, приобщение к «умственному движению» Европы, постижение понятий человеческого достоинства, права личности, свободы совести, необходимости их признания для достойного существования и истинного совершенствования. Политика преемников Петра, направленная на уничтожение крепостного состояния, несправедливых судов, квалифицированной смертной казни, позволила вывести Россию на новую ступень её развития, приблизило к идеалам христианского царства.

Рассуждая о византизме и его роли в отечественной истории, Вл. Соловьёв, помимо политической, государственной его стороны, обращает внимание на сторону религиозную и церковную. И с этой точки зрения византизм тоже представляется явлением отрицательным, умаляющим целостность всемирной религии в угоду преданиям местной старины. Философ критикует ложный патриотизм византийского патриархата IX-XI веков, видевшего сущность православия «в квасных хлебах и небритых бородах греческих священников», равно как и невежественный патриотизм русского раскольника, представляющего суть христианского благочестия в незначительных национальных особенностях. Церковный раскол, ослабивший русскую церковь, подорвал её авторитет и поставил в положение, подчинённое государству. И, вопреки разделяемому многими своими современниками мнению об антицерковной политике Петра I, Соловьёв утверждает, что именно последний сделал всё, чтобы укрепить её уже утраченный авторитет. Петр Великий понял, что государственная власть должна опираться «на религиозный авторитет независимого священства и на свободный голос общественной совести в лице лучших людей». Церковная реформа Петра I расценивается философом как естественная и правдивая, а потому и прочная: духовная коллегия «два

века остаётся во всей своей неприкосновенности».

Таким образом, в историософской концепции Вл. Соловьёва византизм предстаёт как явление отрицательное, противоречащее идее исторического прогресса. Собственно византизм для философа – это отсутствие истории. Интересна высказываемая философом мысль о политическом двоеверии русского народа, выражающемся в одновременном приятии «двух непримиримых идеалов царства»: идеал христианского царя и языческий образ властелина (Навуходоносор, Кесарь). Лишь приобщение к универсальным христианским истинам, их приоритет и воплощение в политическом развитии России позволит ей избежать исторической участи Восточной империи.

Наряду с идеальными, образными и порою отвлечёнными философскими концепциями, развивалась и совершенствовалась отечественная историческая наука, ощутившая на себе влияние всех актуальных научно-исследовательских течений. Наряду с прочим, импульс к развитию получила и российская византистика. В 1894 г. в Петербурге начинает издаваться «Византийский временник» – византиноведческое периодическое издание, ставшее общепризнанным международным изданием. Исследование истории Византии было тем интереснее, что позволяло прояснить особенности исторического развития Руси – преемницы Ромейской империи. Русская школа византистов сосредоточила особо внимание на историческом исследовании особенностей социально-экономического развития Византии, её влияния на становление Древнерусского государства и права, социально-экономическое и церковно-религиозное развитие Руси.

Значительный вклад в разработку византиноведческих проблем внесли В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, Н.А. Скаланич, П.В. Безобразов, Б.А. Панченко, А.А. Васильев, К.Н. Успенский, П.А. Яковенко и др. Их работы восполнили недостаточную разработанность теоретических и методологических подходов исторической науки к изучению как Восточной Римской империи, так и её влияния на развитие Восточной Европы. Тем самым было нивелировано преобладание подходов и методов, сформировавшихся в западной науке и не достаточных для объяснения истории восточноевропейской.

При всём многообразии затрагиваемых аспектов одним из главных становится вопрос о роли и месте Византии во всемирной истории.

Большой интерес представляет работа русского византиста Ф.И. Успенского, трёхтомная «История Византийской империи», ставшая главным результатом его двадцатипятилетних

изысканий. Автор утверждает «громадную разницу» разработанности истории западной и восточной Европы. Теоретические и методологические подходы, преобладающие в исторической науке и вполне объясняющие западноевропейскую историю, оказываются недостаточно пригодными для объяснения истории восточноевропейской.

По мысли Ф.И. Успенского, подобно тому, как Западная римская империя сообщила германским племенам политико-правовое, культурное и религиозное наследие Рима, цивилизовав народы Европы, Византия предоставила историческую первооснову культурного бытия народам восточной Европы. Романизм и византизм – два исторических принципа, придавшие определяющий исторический импульс развитию запада и востока Европы. Объективные социально-экономические закономерности, схожие на западе и востоке, по-разному преломились сквозь призму этих исторических принципов, явив миру две альтернативы общественного развития. И если процесс романизации достаточно полно представлен в исторической литературе, то чёткую картину того, что же такое византизм, предстояло ещё только дать.

Сравнительно-исторический метод, применяемый Ф.И. Успенским в исследовании специфики исторического развития Византии, концентрирует внимание на различных сопоставимых исторических событиях и явлениях.

1. Иммиграция варваров в империю.

В начале V века и Запад, и Восток подвергаются очередному натиску варваров и управляются их предводителями. Аларих и Атаульф сделали вождами Запада, Руфин и Стилихон фактически правили Востоком. После того как Рим и вовсе перестаёт быть политическим центром, многочисленным завоевателям предстояло выработать собственные формы политического бытия. Утраченный престиж Рима заставлял предводителей Запада искать расположения в Константинополе. Статус Константинополя как имперского центра был неоспорим.

Пережившей падение западной империи Византии предстояло продолжать политику империи в отношении варваров, как на западе, так и на востоке. И Восток сумел справиться с натиском, предоставив пришлым племенам возможность взаимовыгодного сосуществования с империей. Не была проигнорирована специфика инородного общежития, напротив, восток принимает новые этнографические элементы в лоно романизма и эллинизма.

Таким образом, до IX века Запад представлял собой варварскую периферию Ромейской империи, впервые королю франков Карлу Великому удаётся восстановить империю на западе и полу-

чить императорскую корону.

2. Влияние римского права.

На Западе римское право оказывает значительное влияние на протяжении истории. В Византии римское право такого значения не имело. Ф.И. Успенский указывает на гибкую юридическую политику Восточной империи. «Около падения Западной империи, - пишет Ф.И. Успенский, - на Востоке был составлен особый законник, в котором римские правовые воззрения согласованы и применены к потребностям восточных провинций империи» [9]. Историк упоминает закон о сельском сословии, составленный в VIII веке в соответствии с нормами, «внесёнными в империю новыми подданными». Этими мерами была поставлена преграда распространению классического римского права. Замечательное наблюдение делается относительно следов славянского обычного права в имперском законодательстве: «свободная крестьянская община и свободное мелкое землевладение». Такие новшества, утверждает Ф.И. Успенский, характеризуют византизм и указывают, что «в нём заключены и славянские правовые воззрения».

3. Феодализм.

Феодализм выступает общим явлением, исторической эпохой западной Европы. Остановимся на характеристиках этого явления, представленных Ф.И. Успенским. Историк замечает, что характерной особенностью, основой социальных связей периода раннего средневековья являются отношения личной зависимости, оформляемые актом коммандации. В условиях социальной неустойчивости, нищеты и голода, политической нестабильности слабые вынуждены были искать покровительства более сильных, независимо от того, идёт ли речь о разорившемся крестьянине-общиннике или о взаимоотношениях внутри феодальной иерархии. Основа феодального господства – земля, представлявшая основной финансовый ресурс, покрывавший расходы на военную службу. Секуляризация церковных земель, пожалования бенефиции служилым людям с установлением сюзерено-вассальных отношений, формирование зависимого от феодальной знати крестьянства – тот социальный процесс, который достигает своего напряжения в VIII – IX вв.

Особое место в исследовательской проблематике занимает вопрос о крестьянской общине в Византии - вопрос весьма актуальный в России рубежа XIX-XX вв., занимающий внимание учёных и политиков. Крестьянская община, утвердившаяся к VIII в. в Византии, значительно отличалась от земледельческой германской общины.

В Западной Европе политикой Каролингов был нанесён мощнейший удар мелкому землевладе-

нию. Крупные хозяйства, формируемые в землях светских и духовных феодалов, представляли значительную конкуренцию крестьянской общине, не обладающей ни сопоставимым капиталом и числом рабочих рук, ни совершенными орудиями труда. Создаваемые крестьянами предприятия артельного типа по обработке незанятых земель могли бы и развиваться до крупных размеров, если бы политика правительства не положила этому предел.

В областях, зависимых от Византии, объективно действующий социально-экономический закон натолкнулся на противодействие государственной воле. Корыстному произволу крупного землевладения властителей и динатов, кулаков был поставлен заслон предписаниями государственной власти, руководствующейся идеей православного царства. Византийская община сочетала в себе традиционный строй народов, вошедших в состав империи, и властное регулирование со стороны империи.

Ф.И. Успенский указывает на следующие меры правительства:

- законодательное установление неотчуждаемости общинных земель,
- отмена срока давности владения на землю, ссылаясь на который землевладелец становился законным приобретателем,
- экспертиза и объявление недействительными актов землевладельцев, если дело шло о крестьянской земле,
- и, наконец, круговая ответственность крупных землевладельцев за несостоятельность общины данной местности.

Благодаря таким мерам крестьянская община была спасена от разложения и просуществовала до турецкого завоевания в XV в. Ф.И. Успенский утверждает, что активная деятельность византийских царей предотвратила развитие сеньоратных и вассальных отношений, феодальной системы западного типа.

Уместно заметить, кстати, что противоположное мнение относительно крестьянской общины в Византии было высказано специалистом по внутренней истории Византии Б.А. Панченко в исследовании «Крестьянская собственность в Византии», вышедшем в 1903 г. Критикуя позицию Ф.И. Успенского, учёный утверждает, что крестьянское землевладение в Византии не было общинным, но строилось на основе личной и наследственной собственности.

Сравнительно-исторический анализ Ф.И. Успенского дал основания утверждать, что «вопрос о различиях в историческом развитии Запада и Востока столько же объясняется разностями исторических факторов, сколько личной инициативой, субъективными тенденциями и побуждениями,

управляющими волей исторических деятелей и классов общества...» [9]. Отдавая должное историческому направлению, сводящему объяснение социально-политического строя к «неумолимому закону политической экономии», российский византист в начале XX в. предостерегал от чрезмерной абсолютизации этого закона в ущерб наблюдениям, получаемым из истории Восточной Европы. Византизм, таким образом, представляет в концепции Ф.И. Успенского исторический принцип, раскрывающийся в ряде объективных и субъективных факторов. Он проявляется в русской культуре: православном христианстве, письменности, государственном устройстве, правовых установлениях. Главной же особенностью византизма в государственно-правовой сфере, как думается, является то, что неумолимые законы социального развития могут обнаружить «протест и сопротивление» со стороны государственной воли, руководимой высшей идеей. Именно в этом смысле византизм доходит до Киевской Руси, Московского Царства, советской России.

Подводя итог предпринятому обзору развития общественной мысли XIX – нач. XX вв. по проблеме византийского политического наследия, считаем уместным заметить следующее. Для идеологии рассматриваемого периода характерно преимущественно негативное отношение к византийскому политическому наследию. Обусловлено это, прежде всего, господством идей европейского просвещения, безапелляционно отведших Византии участь исторического захолустья, тупиковой, нежизнеспособной ветви социально-политического развития. Всё связанное с византийским наследием – «византизмом» – символизировало упадок, косность, отсутствие прогресса. Соответственно этим представлениям воспринимался большей частью и опыт исторического развития России, объявившей себя прием-

ницей сгинувшей империи. Разительное отличие уровня социального развития Европы и России говорило отнюдь не в пользу последней. Это порождало стремление дистанцироваться от византийского наследия, собственного исторического опыта, учиться у Европы, подражать ей. В то же время пристальное внимание к Европе позволило выявить такую специфику её социально-политического развития, которая оказалась способной разочаровать российскую мысль, позволила осознать собственное превосходство в области духовного, нравственного развития. Сравнительно-исторические исследования позволили выявить унаследованную Россией от Византии специфику политической культуры. Оставляя за рамками внимания положения, выработанные общественной мыслью под влиянием преходящей текущей конъюнктуры, можно выделить следующие наиболее общие её тезисы.

Идеократический характер российского государства – само существование государства оправдывается задачей исполнения высшей миссии, его деятельность соизмеряется с высшей идеей, отступление от неё чревато распадом государства. Важнейшими составляющими этой идеи являются: социальная направленность государства, государственный консерватизм, интернационализм. Они определяют основные функции государства: обеспечение требований социальной справедливости, охрана разделяемых большинством общества традиционных ценностей, гармоничная интеграция многоэтничного народа страны в рамках единой политической культуры.

В современных условиях осознание и понимание исторической специфики политического развития нашей страны чрезвычайно важно для нашего исторического самосознания и для формирования адекватных устойчивых взглядов и на современные события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чаадаев П.Я. Философические письма // Библиотека «Вехи», 2000-2016. URL : <http://vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения : 03.10.2016).
2. Переписка А. С. Пушкина // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика), 2004-2016. URL : http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1836_perepiska_s_chaadaevym.shtml (дата обращения : 03.10.2016).
3. Пушкин А.С. О ничтожности литературы русской // Электронная публикация — РББ, 2000-2016. URL : <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1053.htm> (дата обращения : 03.10.2016).
4. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL : http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0090.shtml (дата обращения : 03.10.2016).
5. Козловская Н.В. К проблеме значения лексем византизм и византинизм // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 91-97.
6. Византизм и славянство // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 94-155. URL : <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm> (дата обращения: 10.10.2016).
7. Линькова Е.В. Византизм как основа российской государственности в историософской концепции

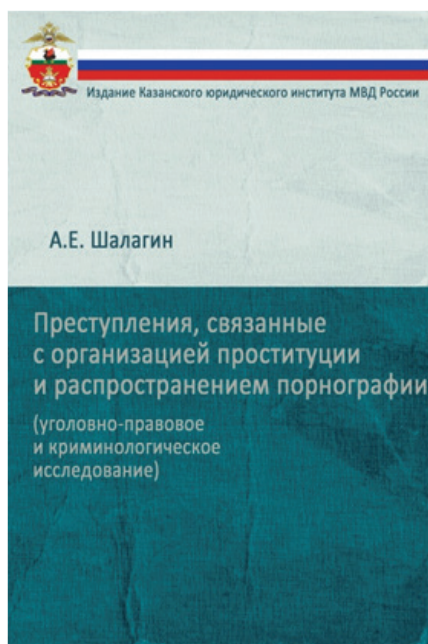
Ф.И. Тютчева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2006. Выпуск 3. С. 177-182.

8. Соловьев Вл. Византизм и Россия // Философия, психология, политика. URL : <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv12.htm> (дата обращения : 20.10.2016).

9. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1 // Библиотека «Е - reading» / URL : http://www.e-reading.club/chapter.php/58876/2/Uspenskiii_-_Istoriya_Vizantiiskoi_imperii._Tom_1.html (дата обращения : 26.09.2016).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шалагин А.Е.

Преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии (уголовно-правовое и криминологическое исследование): монография / А.Е. Шалагин; под ред. М.Р. Гарафутдинова. - Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 221 с.

Работа посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений, связанных с организацией проституции и распространением порнографии. В монографии отражены проблемы, возникающие при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 240-242.2 УК РФ. Выработаны рекомендации по предупреждению и противодействию преступлениям данной направленности. В исследовании отражен исторический, зарубежный и региональный опыт выявления, предотвращения и пресечения преступлений, посягающих на общественную нравствен-

ность в сфере половых отношений. Монография предназначена для практических работников органов внутренних дел, преподавателей, научных сотрудников, адъюнктов юридических вузов МВД России, а также может быть полезна курсантам, слушателям, студентам и аспирантам.

УДК 101.1:316

В.Е. Шинкевич

Н.В. Маслодудова

**СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
КАК КРИТЕРИЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
LIFE MEANING ORIENTATIONS AS CRITERION OF DIRECTION OF INDIVIDUAL'S
DEVELOPMENT AND LAW ENFORCEMENT OFFICER'S PROFESSIONAL CULTURE**

В статье на основе анализа постановки вопроса о смысле жизни и смысложизненных ориентаций современного общества демонстрируется значимость их изменений при формировании жизненных ориентиров личности современного человека вообще и сотрудника органов внутренних дел в частности. Показана значимость основополагающих жизненных ориентаций на формирование профессиональной культуры современного полицейского.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, мировоззрение, самоопределение личности, эвдемонизм, профессиональная культура, сотрудник органов внутренних дел, образовательный процесс.

In the article on the basis of analysis of the issue about the meaning of life and life meaning orientations of contemporary society the authors demonstrate the significance of their changes in the process of formation of life orientations of a modern person in general and of a law enforcement officer particularly. The significance of the fundamental orientations for formation of modern police officer's professional culture is shown.

Key words: life meaning orientations, world outlook, person's self-determination, eudemonism, professional culture, law enforcement officer, educational process.

Осваивая философию как учебную дисциплину, входящую в базовую часть всех федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, курсанты пытаются понять, почему, занимаясь сущностью бытия, материей, Богом, духом, пределами и механизмами познания, прогрессом и истиной, философия растворяет конкретного человека с его внутренним миром во всеобщих, абстрактных, как правило, никого особо не интересующих вопросах. Вместе с тем первостепенная задача философского знания связана

с формированием мировоззрения, определяющего отношение человека к миру и направленность его деятельности во всех сферах жизни общества. В полной мере это относится и к сотрудникам органов внутренних дел, основное предназначение профессиональной деятельности которых связано с реализацией высоко нравственных общественно значимых задач, направленных на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступ-

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)
e-mail: vlashink@yandex.ru

Маслодудова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).
e-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

©Шинкевич В.Е., 2017

©Маслодудова Н.В., 2017

Статья получена: 23.01.2017. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ности, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности. Наиболее продуктивным периодом формирования мировоззрения человека, несомненно, является период получения человеком знаний, приобретения профессионального опыта. В связи с этим значимыми являются годы нахождения будущего специалиста правоохранительной деятельности в стенах образовательной организации.

Анализируя в целом проблему смысложизненных ориентаций, надо сказать, что этим вопросам, которые связаны с выбором определенного отношения человека к окружающей действительности, личностной стратегией целеполагания и поиском способов взаимодействия со всем окружающим миром, уделялось и уделяется особое внимание на протяжении всей истории философии. Решая проблемы первоосновы мира, уже античные философы поднимали и вопросы о роли человека, а эвдемонистический гедонизм Эпикура дал рождение одной из современных теорий смысла жизни.

Несмотря на господство теоцентрической картины мира, средневековый мыслитель Августин Блаженный поставил вопрос о свободной воле человека, решение которому, актуальное и сегодня, предложил уже философ эпохи Возрождения Д. Пико делла Мирандола. В своей работе «Речи о достоинстве человека» он отмечал, что Бог создал человека «ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души в высшие божественные» [8]. То есть то, каким будет человек зависит только от него самого!

Философы эпохи Просвещения и Нового времени решали вопрос о месте человека в соответствии с мировоззренческими установками современной им исторической эпохи. Так, Вольтер в своем письме К.А. Гельвецию отмечал, что «благо общества требует, чтобы человек считал себя свободным» и потому следует «более ценить жизненное счастье, чем истину» [2].

Основоположник немецкой классической философии И. Кант, говоря о необходимости самосовершенствования человека, подчеркивал: «Развивай свои душевные и телесные силы, чтобы они были пригодны для всяких целей, которые могут появиться, не зная при этом, какие из них станут твоими» [4, С. 434]. При этом ни благоразумие, ни умение еще не составляют, по мнению И. Канта, нравственности, которая в полной мере отличает человека от животного. Именно поэтому он уделял такое огромное внимание нравственно-

му категорическому императиву, выражающему абстрактную обязанность: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом...» [5, С. 260].

В конце XX века система «человек – мир» стала одной из самых востребованных теоретических конструкций. Проблемы, поставленные экзистенциалистами (А. Камю, К. Ясперсом, Ж.П. Сартром) об уникальности человеческой личности, глубине его чувств, переживаний, тревог и надежд, не утратили своей актуальности и на текущем этапе культурно-исторического процесса.

Современный гуманист Д.С. Соммэр, разработавший концепцию научной основы морали («физики морали»), в своей книге «Мораль XXI века» отмечает, что человечество в конце XX века пришло «...к умственной и психологической гомогенизации людей» и сейчас переживает «тиранию масс», превращающую человека «в самую жалкую посредственность» [11]. Становясь частью толпы, человек как бы спускается ниже по лестнице цивилизации к варварству. При этом, как любой спуск, он всегда происходит гораздо быстрее, чем подъем. Глядя на то, что происходит сегодня в мире, соглашаешься с утверждением Д.С. Соммэра о том, что «при растворении человека в толпе значительно ослабевает его разум» [11]. Какая великая опасность и трагедия для общества кроется в гипотетической возможности превращения в толпу, под воздействием общих тенденций, частного обогащения независимо от его источника представителей тех социальных институтов, которым общество предоставило власть. Всепожирающая коррупция, вседозволенность обладателей власти и безответственность перед своими гражданами, потеря общественно значимых функций социальными институтами – вот участь такого общества.

Общая концепция жизни человека, его отношение к миру во многом определяется в практической деятельности человека через формирование смысложизненных ориентаций личности, формирование определенной системы ценностей. Становление идеалов и ценностей связано с рефлексией, то есть не пассивным усвоением навязанных извне идей и ценностей, а их личностной проработкой, самоанализом, духовным самовоспитанием и самосовершенствованием, направленными на развитие внутреннего мира. При этом очевидно, что следовать лучшим образцам морали достаточно сложно, так как это требует тяжелой индивидуальной работы.

Сам же внутренний мир человека определяется гносеологической потребностью «для себя» и социальной потребностью «для других», явля-

ющимися высшими потребностями личности [6, С. 142]. Внутренние движущие силы приобретают все большее значение в процессе постоянного развития личности, так как позволяют человеку все более самостоятельно определять задачи и направление собственного развития. Система ценностных ориентации личности выступает, таким образом, в качестве регулятора и механизма личностного развития, определяя форму реализации намеченных целей. Слабовыраженное осознание значимости общегуманитарной подготовки для своей будущей профессиональной деятельности у обучающихся в образовательных организациях системы МВД России значительно препятствует формированию смысловых ориентаций, адекватно отражающих потребности общества в соответствующем уровне услуг правоохранительной системы.

Какие же смысловые ориентации можно выделить в современном обществе, которое еще Эрих Фромм называл обществом потребления, описав его следующим образом: «Это общество в основном подчинено приобретению собственности и извлечению прибыли. Обладание считается многими людьми наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым образом жизни для человека» [12]. Говорить о том, что данные смысловые ориентации должны лечь в основу деятельности людей, призванных обеспечить порядок в обществе, будет безнравственно. По крайней мере человеку, наделенному властью и одновременно не имеющему высоких нравственных устоев, гораздо проще использовать властные полномочия в своих интересах, при попустительстве государства насаждать круговую систему мздоимства, взяточничества, чем человеку, далекому от власти. Но сотрудник органов внутренних дел не должен постоянно «латать» свой дырявый бюджет даже при минимальных запросах. Обеспечить ему разумную, но достойную социальную защиту – обязанность государства.

В 1970 году Ж. Бодрийяр написал социально-философский труд «Общество потребления». По его мнению, потребление предметов больше не связано с их сущностью, а избыток предметов потребления указывает на «мнимое» изобилие, которое делает современное общество обществом самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура [1].

Надо сказать, что само желание приобретения материальных благ трудно осуждать, так как это связано с биосоциальной сущностью человека, но в этом желании современного человека нельзя не увидеть подмены истинных ценностей. Ж.-Ж. Руссо в XVIII писал: «Человек рожден свободным, а

между тем везде он в оковах!» [9]. В погоне за материальными благами люди забывают, что машина – это средство передвижения, телефон – средство коммуникации, шуба – средство для сохранения тепла, а всё вместе – это всего лишь вещи, которые созданы для того, чтобы служить человеку, и которые сами по себе не дают ему возможности быть кем-то, а лишь позволяют кем-то казаться.

Под давлением стандартов материальных благ, навязанных толпой, человек вообще перестает понимать, что и в каком количестве необходимо лично ему, чтобы почувствовать себя счастливым. Упомянутый выше Эпикур еще в III веке до н.э. обосновал подлинное назначение человека через принцип гедонистического эвдемонизма, то есть стремление к счастью как признанию блага для человека.

В ходе развития цивилизации «последователи» Эпикура стали предлагать человеку для достижения удовольствия список гораздо больших условий. Но счастливых людей в современном мире от этого больше не стало. По результатам опроса, проведенного Международной ассоциацией независимых исследовательских агентств Gallup InternationalWIN, опубликованного в 2016 году, несчастным себя ощущает каждый десятый землянин. Показательно, что лидерами общего списка счастливых стран является Колумбия, Фуджи, Саудовская Аравия, Азербайджан и Вьетнам [3]. Все это только подтверждает высказанную римским философом Сенекой мудрость: «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше... не беден тот, кому довольно и самого малого остатка...» [10]. Очевидно, что вещи не делают нас счастливыми, они в лучшем случае лишь облегчают нам жизнь. Как не вспомнить приключения семерых крестьянских мужиков, отправившихся по Руси в поисках счастливого человека, описанные Н.А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

В многообразии концепций счастья, предложенных современной философией, можно выделить главное: человеческое счастье – это нравственное удовлетворение от осознания того, что ты выбрал правильную линию поведения в своей жизни. Ощущая эту радость, человек начинает излучать ее во вне, делая счастливыми и тех, кто находится рядом с ним, кто ждет от него, в соответствии с его статусом, качественной профессиональной помощи и защиты.

Смысловые ориентации, которые формируются через познание и интериоризацию материальных и духовных ценностей общества, нации, цивилизации; через постановку целей саморазвития, самосовершенствования и самореализации, являются критерием направленности

личности сотрудника органов внутренних дел. Являясь субъективными установками, они всегда связаны с тенденциями развития общества, его социальной системы и институтами, становятся основой профессиональной культуры.

В любой социальной системе человек выступает как главный компонент. Не является исключением и правоохранительная система. Более того, ее связь с «человеческим фактором» особенно наглядна. В правоохранительной системе личность занимает центральное место и выступает во многих качествах гражданина, субъекта права, правоотношений, носителя прав и обязанностей, свободы и ответственности, правового сознания, права дееспособности, правового статуса и статуса правонарушителя. К ней обращены юридические предписания, от нее зависит состояние законности и правопорядка, уровень правовой культуры обществ и каждого гражданина.

Офицеру органов внутренних дел в современных условиях профессиональной деятельности, как показывает практика, необходима не только высокая выучка, но и устойчивые профессиональные качества, готовность противостоять влиянию факторов профессиональной деформации и выгоранию, соблазну использовать данную государством власть в личных интересах. Эти качества формируются и развиваются на протяжении всей службы, в процессе решения оперативно-служебных задач, выработки личной системы ценностей, но их становление, как свидетельствуют опыт и специальные исследования, начинается в период обучения в образовательных организациях системы МВД России [7; 13].

Важные события, происходящие в нашей стране, задачи утверждения в жизни российского общества гуманистических и демократических идей, прав и свобод, рыночных отношений, норм жизни правового государства и гражданского общества по-новому, расширенно ставят задачи перед образовательными учреждениями правоохранительных органов. Профессионал в системе органов внутренних дел – это сознательный, рациональный элемент управленческой структуры, способный учитывать многообразие интересов всех субъектов и обеспечивать их взаимодействие.

В связи с этим наряду с необходимостью развития материально технической, информационной базы образовательных организаций, готовящих специалистов для силовых министерств и ведомств, внедрения инновационных образова-

тельных технологий возрастает значимость гуманитарной составляющей высшего образования [14]. Назначение сотрудников органов внутренних дел все больше заключается в выполнении определенной совокупности гуманистических задач. Это значит, что сегодня общество требует от ведомственного высшего образования эффективного формирования у обучающихся профессиональной культуры.

В основе такого понятия, как профессиональная культура сотрудника органов внутренних дел, лежат индивидуальные характеристики человека, связанные с его профессиональной деятельностью. Законность; охрана прав и свобод человека и гражданина; неприкосновенность личности; уважение чести и достоинства личности; осуществление правосудия только судом – вот лишь некоторые основополагающие принципы, отражающие уровень сформированности профессиональной культуры сотрудника полиции.

Ведущая роль в обеспечении безопасности отведена кадрам, всем тем, кто своей профессиональной деятельностью призван реализовывать задачи, поставленные обществом перед органами внутренних дел. Вместе с тем в общественном сознании продолжает иметь место противоречие между образом органа внутренних дел как силовой организацией, предназначенной обеспечить законность и порядок в обществе, и невысокими ожиданиями общественности относительно возможностей полиции, бескорыстности и высокой нравственности ее сотрудников. Это свидетельствует во многом о том, что существующие стандарты и практика подготовки кадров для органов внутренних дел не в полной мере реализуют свои образовательные потенциалы и требуют дальнейшей проработки.

Сегодняшний сотрудник органов внутренних дел, от которого во многом зависит состояние правопорядка и защищенности граждан и общества в целом, должен критически посмотреть на себя со стороны. Способность к самокритике – это всегда признак духовной зрелости и свободы. Сбалансированный подход в решении вопросов формирования профессиональной культуры в период профессионального обучения, а в дальнейшем и в ходе правоохранительной службы будет способствовать формированию профессионализма сотрудников органов внутренних дел, повысит авторитет правоохранительных органов и доверие к ним со стороны населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. URL : http://royal-lib.com/book/bodriyyar_gan/obshchestvo_potrebleniya.html
2. Вольтер. Мемуары и памфлеты / Вольтер. Л., 1924. С.112.
3. Исследовательский холдинг Ромир. Счастье есть! [Электронный ресурс] URL : http://romir.ru/studies/749_1453755600/
4. Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т.6. М., 1964. С.434.
5. Кант И. Сочинения. Т.4. Ч.1 / И. Кант. М., 1965. С.260.
6. Маслодудова Н.В., Шинкевич В.Е. Формирование антинаркотического мировоззрения личности : социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1.
7. Невирко Д.Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов : Социологический анализ специфики профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел : дис....д-ра социол. наук. 22.00.04. Барнаул, 1999.
8. Пико делла Мирандола Д. Речи о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : В 5 т. Т.1. С.506-514. URL : http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Трактаты. М., 1998. С.3. URL : <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>
10. Сенека. Письма Луцилию. Письмо I и II. URL : http://lib.ru/POEEAST/SENEKA/seneka_letters.txt
11. Соммэр Д.С. Мораль XXI века. М., 2013.
12. Фромм Э. Иметь или быть? URL : http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe2.txt_with-big-pictures.html#toc109
13. Шинкевич В.Е. Мобилизация как интегральная основа формирования профессиональных качеств обучаемых в образовательных учреждениях силовых институтов России : опыт и проблемы (по материалам социологических исследований специфики профессиональной подготовки сотрудников в учебных заведениях органов внутренних дел) : дис....д-ра социол. наук. 22.00.04. Барнаул, 2007.
14. Шинкевич В.Е. О некоторых проблемах организации профессиональной подготовки кадров : по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Профессиональное образование в сфере национальной безопасности» // Вестник СибЮИ ФСИН России. 2016. №4.

А.А. Каримов

О ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ
К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ON THE READINESS OF THE POLICE TO USE FIREARMS

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия. В статье дается характеристика факторов, влияющих на готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия. Автор рассматривает механизмы преодоления сбивающих факторов, влияющих на принятие решения сотрудником полиции по применению им огнестрельного оружия, а также возможные пути решения данной проблемы в процессе огневой подготовки.

Ключевые слова: производство выстрела, меры государственного принуждения, правомерность применения оружия, изменения окружающей обстановки, тоннельное зрение.

The article is devoted to the actual problem of readiness of the police to use firearms. The article describes factors influencing willingness of police officers to use firearms. The author examines mechanisms to overcome the confounding factors that influence the police officer's decision on the application of a firearm, as well as possible solutions to this problem in the process of fire training.

Key words: shot production, measures of state coercion, the legitimacy of the use of weapons, change the environment, tunnel vision.

Проблема применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия является наиболее дискуссионной. В средствах массовой информации широко обсуждаются случаи применения мер государственного принуждения сотрудниками полиции в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности, в том числе в вопросе применения огнестрельного оружия.

Рассматривая проблему готовности сотрудников полиции к производству выстрела из табельного оружия (применения огнестрельного оружия), необходимо учитывать фактор стресса и другие сбивающие факторы, как, например, психологическое давление на сотрудника полиции со стороны сочувствующих правонарушителям, в которых может находиться полицейский [1]. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», сотрудник должен постоянно оценивать действия правонарушителя, для того чтобы обеспечить пропорциональные ответные действия. Вследствие этого часты случаи неприменения ими огнестрельного оружия в ситуациях, когда оно практически должно было быть применено, так как все основания для этого

имеются. По мнению Д.В. Литвина, В.Г. Лупыря, сотрудник находится в ситуации, которая требует принятия решения, то есть ставит его перед выбором: применять или не применять меру непосредственного принуждения посредством огнестрельного оружия [2, С. 12-16].

По нашему мнению, на готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия влияют два основных фактора: психологический и психофизиологический.

Психологический фактор зависит от двух условий: уверенности стрелка в правомерности своих действий и уверенности полицейского в моральной правоте своих действий, так как психологически трудно стрелять в живого человека, каким бы опасным преступником он ни был. Нажимая на спусковой крючок, сотрудник должен преодолеть психологический барьер и не допустить долгих раздумий – стрелять или не стрелять. Промедление в принятии решения может привести к угрозе жизни и здоровью человека. В таких случаях решающими могут стать доли секунды.

Говоря о психологии применения оружия, следует отметить, что сотрудник полиции дума-

Каримов Альберт Амирович, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

e-mail: alkar@hotmail.ru

© Каримов А.А., 2017

Статья получена: 27.07.2016. Статья принята к публикации: 07.02.2017. Статья опубликована онлайн: 20.03.2017.

ет не только о защите себя лично, но и о защите граждан. И стратегия поведения в том и другом случае может существенно отличаться. С одной стороны, сотрудник, как любой человек, испытывает определенную степень страха перед угрозой; с другой – не должен показывать свой страх. По мнению А. Скачкова, известного исследователя в области психофизиологии, «...это и правильно, если различие в стратегии поведения зависит от объективных факторов, но дело в том, что зачастую поведение сотрудника (как и любого человека) определяется мнением о том, как он должен выглядеть в данной ситуации в собственных глазах и глазах окружающих. Необходимо обратить внимание на этот фактор, так как он может привести к необратимым последствиям» [3].

Второй фактор – психофизиологический определяется реакцией стрелка на раздражитель, а также психомоторными наработками или умениями. По мнению А. Скачкова, человек не в состоянии постоянно находиться в готовности к бою. Внезапное нападение противника дает последнему ключевые преимущества. Изменение уровня готовности также должно стать бессознательной реакцией человека на изменения окружающей обстановки. Для того чтобы человек осознал какой-либо элемент действительности, необходимо, чтобы исходящая от него энергия (тепловая, механическая, электрическая или электромагнитная) была достаточной, чтобы стать стимулом, т.е. возбудить какой-либо рецептор. Когда в нервных окончаниях одного из органов чувств возникнут электрические импульсы, начинается процесс ощущения. Первичный анализ стимула и кодирование сигнала осуществляют рецепторные клетки, затем закодированный сигнал передается по сенсорным нервам к центрам в спинном и головном мозге.

Если сигнал обусловлен стимулом, угрожающим организму, или адресован вегетативной нервной системе, то происходит рефлекторная реакция, например, рука отдергивается при ожоге, зрачок сужается при ярком свете и т. д. Сигнал доходит до коры головного мозга, который решает, достаточно ли важен сигнал, чтобы его расшифровкой занялась кора. Если сигнал будет важным, произойдет активность многих тысяч нейронов, которые структурируют и организуют сенсорный сигнал, придают ему смысл. Время прохождения этого пути является временем реакции на стимул.

Многочисленные повторения одних и тех же действий закрепляются в двигательной памяти человека, и с возникновением определенного раздражителя происходит рефлекторная реакция, т.е. извлечение из памяти двигательного действия на конкретный раздражитель. Если

поставить цель подготовить полицейского к применению огнестрельного оружия, то необходимо тренировать его методом многократных повторений на дистанциях оперативной стрельбы. Например, самозащита с оружием предполагает тренировки в стрельбе на дистанции менее 10 метров, а на практике применение оружия в целях самозащиты происходит чаще всего на дистанции менее 5 метров, даже в упор.

Специфика оперативной стрельбы заключается в том, что времени на выстрел практически нет, и в то же время сотрудник подвергается жесткому физическому и психологическому давлению со стороны одного (и это в лучшем случае) или нескольких преступников (правонарушителей).

Труды В.М. Бехтерева в области рефлексологии и учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности убеждают, что условные, или сочетательные, рефлексы являются главными элементами в природе человеческого поведения, и, оперируя с рефлексами, можно вырабатывать любые формы поведенческой активности [4; 5, С. 35 -62]. Следуя такой постановке вопроса, можно выработать определенную методику подготовки к применению огнестрельного оружия, построенную на проявлениях защитных безусловных рефлексов. Такая методика уже существует в программе подготовки полицейских Израиля.

В огневом противоборстве изменяются восприятие информации, механизм принятия решений, чувствительность к болевым ощущениям и т.д. Возникает «конвульсивная» хватка оружия. Появляется так называемое «тоннельное зрение» – стрелок воспринимает только противника как источник непосредственной опасности, он не в состоянии уловить и понять любую другую информацию. Подавляется деятельность левого полушария головного мозга, ответственного за абстрактно – логическое мышление. Человек становится не в состоянии логически оценить ситуацию и ее развитие, осознанно применить полученные в результате обучения навыки. Следовательно, единственным выходом в такой ситуации может быть применение моторных (технологических) навыков без участия сознания.

Выполняемый прием или последовательность приемов должны стать автоматической реакцией психики полицейского на изменение ситуации. Для этого изучаемый прием должен превратиться в двигательный навык. Установлено, что для превращения какого-либо действия в двигательный навык необходимо выполнить его 3000-5000 раз [6, 7].

В.А. Торопов, Ю.А. Титаренко, рассматривая вопросы «огневой готовности» сотрудника

полиции, установили, что «огневая готовность» должна учитывать психологические особенности сотрудников [8].

Изучение особенностей личности обучаемого и протекания у него психологических процессов во время подготовки и выполнения выстрела из боевого оружия, по мнению Н.В. Малышева, Л.А. Низковой, является одним из важнейших условий готовности к применению огнестрельного оружия сотрудниками полиции [9]. По их мнению, качество стрельбы, вне зависимости от того, в какой ситуации она производится, имеет единую основу: существует определенная зависимость результатов стрельбы от особенностей психики человека.

Ю.А. Титаренко, исследуя стрельбу в экстремальных условиях, считает, что стрельба в чрезвычайных обстоятельствах требует от полицейского исключительно быстрой перестройки психологической деятельности на фоне возникшего эмоционального напряжения. Применение огнестрельного оружия предъявляет самые высокие требования к эмоционально-волевым качествам личности, к основным нервным процессам.

А.А. Шикин выделяет состояние внутренней готовности стрелка в самостоятельный формируемый навык. Этот навык, по его мнению, позволяет добиться стабильных результатов стрельбы, с исключением чередований от занятий к занятию или от упражнения к упражнению разительных скачков в результатах. Подобная нестабильность в отсутствии по-настоящему закрепленных навыков объясняется А.А. Шикиным именно недостаточным психологическим настроем [10, С. 63].

Следует вывод, что психологический и физиологический факторы существенно влияют на уровень состояния стрелка и способствуют реализации наиболее совершенной техники стрельбы для поражения цели в сложной и напряженной обстановке, в стрессовых ситуациях.

В результате исследований учёные пришли к выводу о необходимости воспитания психологической и эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях при применении оружия [1]. Такая подготовка осуществляется в спецподразделениях внутренних войск России и позволяет воспитывать невосприимчивость к виду крови, ранениям, другим повреждениям человека. Она способствует решительным и верным действиям сотрудника не только при принятии решения на поражение правонарушителя, но и при последующих действиях после применения оружия (разряжения оружия, оказания первой медицинской помощи пострадавшему, обеспечению охраны погибшего и т.д.).

Задержание правонарушителей (преступников) является частью правоохранительной дея-

тельности сотрудников полиции (в особенности сотрудников ППС и уголовного розыска), требует от них решительных действий. Возникает необходимость воспитания у полицейских готовности к успешным действиям в оперативно-служебной обстановке, в условиях опасной ситуации. Они должны уметь мгновенно оценивать обстановку, принимать необходимые меры, управлять своим поведением и предвидеть изменения ситуации.

В ряде исследований было установлено, что сотрудник, владеющий приёмами идеомоторики, имеет возможность в любой обстановке поддерживать и совершенствовать техническую огневую подготовленность, отрабатывать мышечно-двигательные и другие представления, тренируя внимание, необходимое для результативной стрельбы. Исследователь Торопов В.А. уточнил определение идеомоторной тренировки стрелка – «это мысленное воспроизведение изученных приемов и действий, направленное на закрепление двигательных навыков, поддержание состояния готовности выполнять упражнения» [8].

В условиях лимитированного снабжения боеприпасами, а иногда за их отсутствием, идеомоторная тренировка может способствовать повышению эффективности обучения стрельбе. Например, в США при обучении полицейский делает 140-160 выстрелов в день, агент ФБР – 2200 выстрелов за 16-недельный курс обучения, во Франции при обучении жандарм делает 5400 выстрелов в год [11]. В образовательных организациях МВД России курсант производит около 160 выстрелов в год.

Оперативно-служебная деятельность сотрудников полиции характеризуется не только самостоятельными, но и коллективными действиями. В своих исследованиях А. Ларин указывает на неумение сотрудников полиции действовать в составе групп задержания, на несогласованность их действий при осмотре помещений, задержании и осмотре правонарушителей. Возникает острая необходимость улучшения подготовки сотрудников к действиям в составе групп захвата (задержания) [12].

По мнению А.А. Потапова, сотрудник полиции должен уметь использовать инстинктивный вариант стрельбы от бедра (пояса) на коротких дистанциях (до трех метров), т.е. стрельбу без прицеливания. Такой вариант стрельбы наиболее эффективен при осмотре помещений, так как при других изготавках в ограниченном пространстве с большим количеством перегородок и дверных проемов правонарушитель может неожиданно выбить оружие из рук сотрудника [13]. Наличие у последнего навыков интуитивной стрельбы жизненно важно, но данный вопрос даже не рассма-

тривается при обучении курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Это связано с тем, что полицейский (в отличие от правонарушителя) должен строго соблюдать требования законодательства и не применять оружие, если не уверен в правомерности его применения. Кроме того, меры безопасности при выполнении оперативно-служебных задач исключают применение оружия в подобных ситуациях, так как данное действие исключает случайное поражение посторонних граждан и самого сотрудника полиции от рикошета пули. При организации обучения таким методом сотрудник вынужден действовать нестандартно, по типу условного рефлекса, что адаптирует его к будущей профессиональной деятельности. Как правило, обучение интуитивной стрельбе преподается как спецкурс для сотрудников спецподразделений.

К необходимым профессиональным компетенциям в огневой подготовленности сотрудников полиции относятся способность применять огнестрельное оружие в любое время года и в условиях ограниченной видимости. Данное положение особенно актуально для регионов с преобладанием среднегодовых отрицательных температур, а также для регионов Сибири, Крайнего Севера и приравненных к ним территориям, в которых зимой средняя температура воздуха бывает ниже – 25°C.

Анализ практики применения оружия сотрудниками полиции, проведенный А.Р. Косиковским, З.И. Тагировым, позволяет сделать вывод о том, что чаще всего (76% случаев) оружие полицейскими применяется в темное время суток, с 20.00 до 2.00 часов [14]. Эти факты подтверждают мнение о необходимости обучения сотрудников полиции стрельбе в условиях ограниченной видимости

(сумерки, туман, лунная ночь), которые уже сами по себе являются сбивающими факторами [1].

В настоящее время сотрудники полиции обучаются применять огнестрельное оружие в «идеальных» условиях: психологическое спокойствие, хорошая освещенность, отсутствие опасности, статичная «грудная» мишень, удобное расположение оружия, использование средств защиты слуха. Но в ходе оперативно-служебной деятельности полицейских условия применения огнестрельного оружия значительно отличаются от стрельбы в тире. Кроме того, все упражнения для обучения и контроля уровня огневой подготовки сотрудников полиции созданы без учета особенностей применения огнестрельного оружия при несении службы в составе наряда (группы).

По нашему мнению, готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия необходимо тренировать на занятиях многократными повторениями одних и тех же действий (ситуаций) при сбивающих факторах: стрельба при плохом освещении, после физических упражнений, в условиях психоэмоционального воздействия на стреляющего и т.д. [15].

Таким образом, теоретические знания возможностей своего оружия, психоэмоциональная устойчивость к стрессовой ситуации, которая проявляется в реальном огневом столкновении с правонарушителем (преступником), эффективная техника скоростной стрельбы, наработанная до мышечного запоминания, реакция полицейского на раздражитель, отработанная до безусловного рефлекса, и правовая убежденность в правоте своих действий, должны стать основой в готовности применения сотрудником полиции огнестрельного оружия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Константинов В.Н. Научная организация и построение учебно-тренировочного процесса в практической стрельбе (на примере образовательных учреждений МВД России): монография. Иркутск : ВСИ МВД России, 2012. 120 с.
2. Литвин Д.В., Лупырь В.Г. Формирование у слушателей вузов МВД России профессиональных компетенций правомерного применения огнестрельного оружия в ходе оперативно-служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3(54).
3. Скачков А. Самоучитель пистолетчика по бесприцельной, инстинктивной, динамической стрельбе в защитном движении. М. : Издательский дом «Техника молодёжи», ООО «Восточный горизонт», 2004.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М. : Воронеж 1996.
5. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1973.
6. Schmidt R. A., Lee T. D. Motor Control and Learning. Human Kinetics, 2005.
7. Методика проведения занятий по общей физической подготовке в образовательных учреждениях МВД России : учебно-методическое пособие / авт.-сост. С.М. Струганов. Иркутск : ВСИ МВД России, 2015. 104 с.
8. Торопов В.А. Учись владеть пистолетом в реальных условиях. М. : Объединённая редакция МВД

России, 2003.

9. Малышев В.А. Основы стрельбы из служебного пистолета. Л., 1988.

10. Шикин А. Условия для производства точного выстрела и особенности боевой стрельбы // Боевое искусство планеты. 2001. №2.

11. Суарес Г. Тактическое преимущество / пер. с англ. К Ткаченко. М. : Фаир-Пресс, 2003. 224 с.

12. Ларин А. Стрелковая подготовка сотрудников спецподразделений : базовый курс. М. : Фаир-Пресс, 2000.

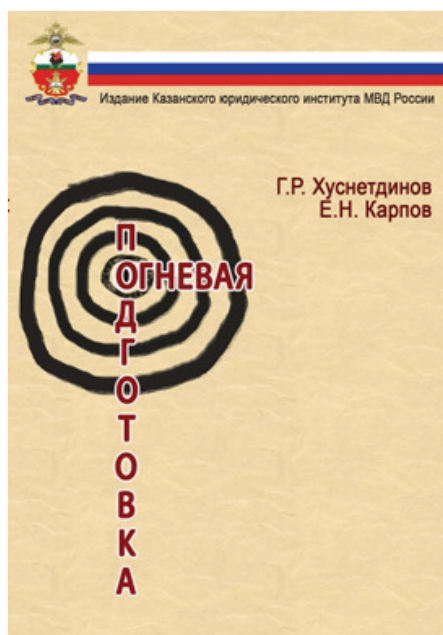
13. Потапов А. Приёмы стрельбы из пистолета : Практика СМЕРШа. М. : Фаир-Пресс, 2002.

14. Косиковский А.Р., Тагиров З.И. Проблемный анализ современной практики применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции и некоторые актуальные вопросы совершенствования огневой подготовки (по материалам Республики Татарстан) // Труды Академии управления МВД России. 2015. №4 (36).

15. Каримов А.А. Особенности техники стрельбы из пистолета с элементами тактико-специальной подготовки : учеб. пособие. Иркутск : ВСИ МВД России, 2005. 68 с.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Хуснетдинов Г.Р.

Огневая подготовка : учебное пособие / Г.Р. Хуснетдинов, Е.Н. Карпов. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 160 с.

Учебное пособие разработано в соответствии с программой и тематическим планом изучения дисциплины «Огневая подготовка».

В учебном пособии обобщен материал для изучения материальной части стрелкового оружия и гранат. Изложены приемы и правила стрельбы из стрелкового оружия, условия выполнения упражнений стрельб из стрелкового оружия, требования безопасности при проведении стрельб.

Учебное пособие предназначено для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД Российской Федерации.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается раз в квартал.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

4. Элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторе (ах) (не более двух соавторов): фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
- заглавие публикуемого материала; индекс УДК;
- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи, согласно требованиям ВАК РФ, размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте Казанского юридического института МВД России.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).